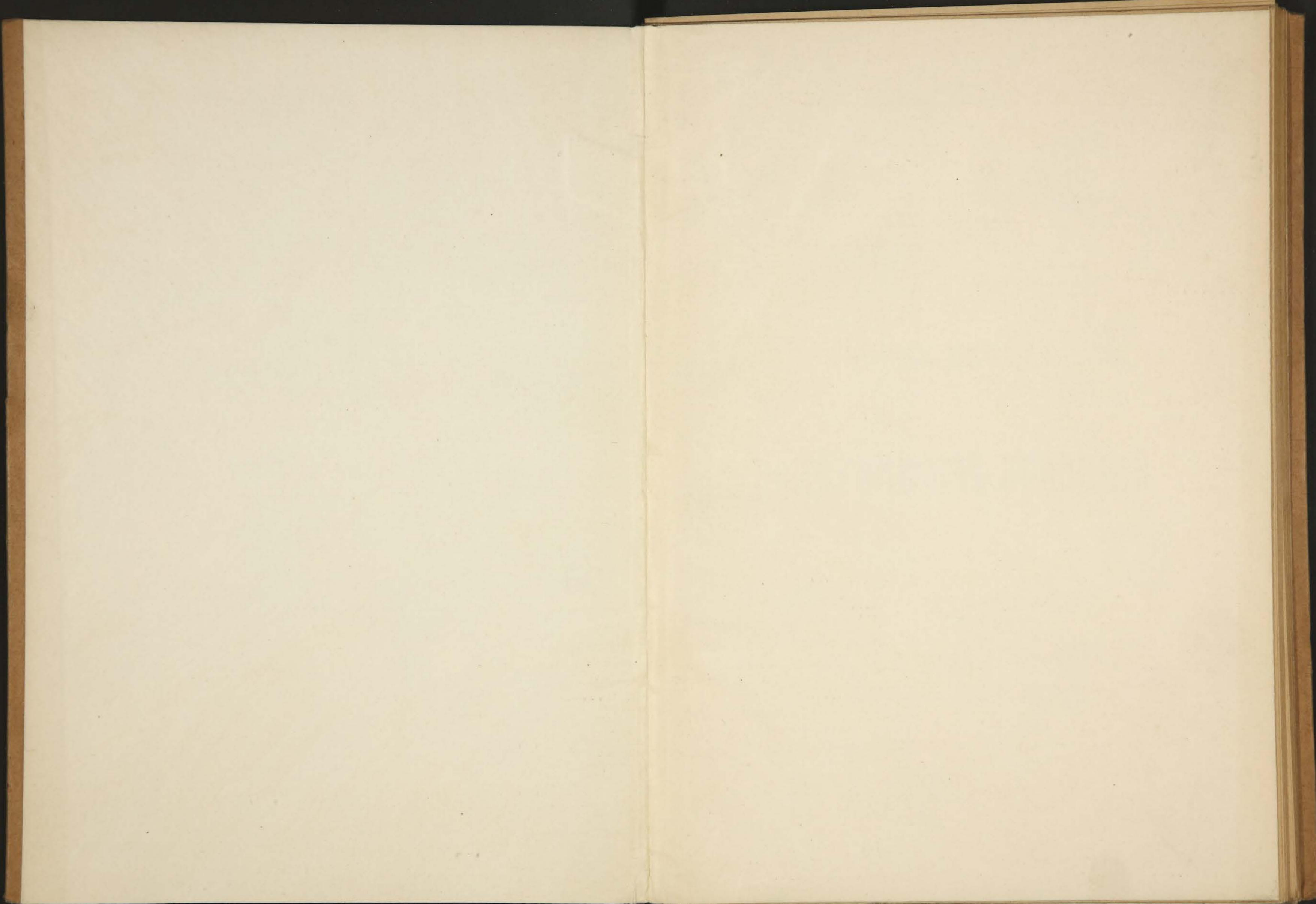
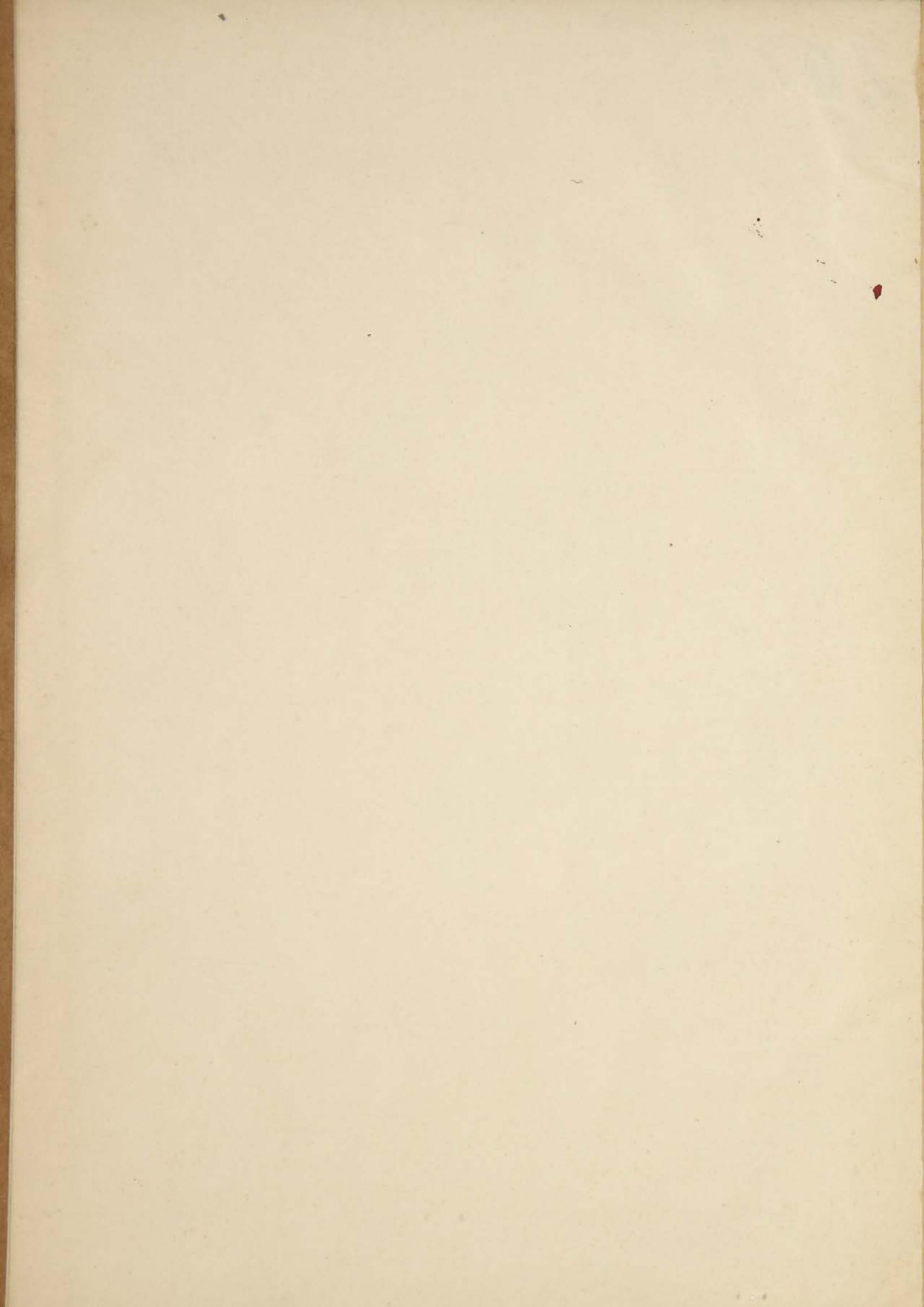


20255.





20255

22 3183



НОВЫЯ НАЧАЛА

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Библиотека ЦК - СССР



ALAHAN-RIBBON

ИМОНОЖЕ ЙОГАРИТИ, ОН



НОВЫЯ НАЧАЛА

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Допущено к печати приказом министра народного просвещения.

ВЛАДИМИРЪ АЛОВЪ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 13
1903



16

АЛАРАН РІДЯОН

ШІМОНОДС ЙОЗІЯРІТІЛДІ

Дозволено цензурою 20 января 1903 г. С.-Петербургъ.

ДЕОЛА ГЕЙМНАДЕ

83028

2300



ГІ-БІБЛІОТЕКА
Імператорської Академії Наук
1903



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Введение.

Въ области знанія человѣкъ въ каждую данную минуту, обладая тѣмъ, что выработано наукой, никогда не доходитъ до разрѣшенія всѣхъ возникающихъ въ умѣ его вопросовъ. Истинное знаніе, освѣщающее пройденный путь, открываетъ непрерывно новые перспективы и то, что выдавалось за послѣднее слово—не болѣе, какъ переходная ступень въ движении творческой мысли. Въ каждую данную эпоху всегда, болѣе или менѣе, замѣтно мерцаетъ свѣтъ будущаго. Но, тѣмъ не менѣе, мы далеки отъ мысли, что все познаваемое нами—условно, имѣя лишь временное и относительное значеніе; въ каждой наукѣ есть незыблемая истины. Такъ, уваженіе нравственного достоинства человѣка, его личности, понятіе о долгѣ и связанной съ послѣднимъ отвѣтственности принадлежать къ числу тѣхъ аксиомъ, которые облегчаютъ для настѣ вѣрное пониманіе явлений общественной жизни. Согласно съ Платономъ мы полагаемъ, что добротель для отдельныхъ личностей и нравственный законъ для общества служить главнымъ началомъ человѣческой жизни.

Наука политической экономіи или о хозяйствѣ общества, очевидно, имѣеть своимъ предметомъ жизнь, сочетаніе и соотношеніе дѣятельности и состоянія всѣхъ тѣхъ частныхъ хозяйствъ, изъ которыхъ слагается дѣятельность и состояніе общественного хозяйства. Представителемъ каждого частного хозяйства является частное лицо: землевладѣлецъ, промышленникъ, купецъ; следовательно, главнымъ предметомъ своимъ, политическая экономія имѣеть отношеніе и дѣятельность этихъ лицъ.

Отсюда вытекаетъ, что всѣ тѣ законы и принципы, которые управляютъ дѣйствіями людей въ ихъ отношеніяхъ между собою, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ законами и принципами политической экономіи, а главный и основной ихъ принципъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея главнымъ и основнымъ принципомъ.

Классическая экономическая школа Адама Смита и Рикардо приняла за таковой руководящий принцип частный интересъ, тогда какъ нововозникшая историческо-статистическая школа имѣть наклонность не признавать никакого руководящаго принципа и въ основаніи науки полагаетъ точное эмпирическое наблюденіе надъ фактами, путемъ исторического метода и статистического изслѣдованія. Признавая все преимущество этого направленія, мы, тѣмъ не менѣе, находимъ въ немъ одинъ важный недостатокъ: именно, отсутствіе одного центральнаго, движущаго начала, которое могло бы, такъ сказать, охватить и руководить всѣми экономическими изслѣдованіями, которое пролегло бы, такъ сказать, красной нитью черезъ всѣ лабиринты исторического и статистического изслѣдованія и вело бы прямымъ путемъ изъ мрака прошлыхъ вѣковъ къ тому, уже опредѣлившемуся и известному намъ, пункту, до которого достигла наша современность. Это тѣмъ болѣе необходимо, что означенный пунктъ не представляетъ чего-либо неопределенного, гадательного или сомнительнаго, нѣтъ, онъ выдѣляется такъ рельефно и съ такою настойчивостью, что всѣ сознаютъ, если не осмысленно, то инстинктивно, его вліяніе и не отрицаютъ того реального значенія, которое онъ имѣетъ на всю общественную жизнь народа. Всѣ сходятся въ общемъ убѣжденіи и согласны въ томъ, что существуетъ нѣкоторое начало, — нѣкоторое средоточіе общественной жизни, вокругъ котораго группируются, какъ около своего центра, всѣ соціальные явленія; начало это объединяетъ и согласуетъ ихъ въ одно гармоническое цѣлое, съ силою сдерживаетъ общество отъ распаденія и даетъ его духовной жизни то тепло и свѣтъ, безъ которыхъ немыслимо никакое проявленіе какъ въ физическомъ мірѣ, такъ и въ мірѣ духовномъ.

Скажу болѣе, сама политическая экономія, какъ равно и всякая другая наука, не можетъ существовать и развиваться безъ основного, руководящаго начала. Начало это должно быть истиннымъ, точно определеннымъ и несомнѣннымъ для того, чтобы быть вполнѣ научнымъ. Оно должно вполнѣ соответствовать той области знанія, къ которой примѣняется: какъ астрономіи соответствуетъ законъ всемирнаго тяготенія или логикѣ — законъ о причинности всѣхъ явленій. Что касается классической школы, то вся ея ошибка заключается въ томъ, что взятое ею основаніе — ложно. Дѣйствительно, — что такое частный интересъ? Это есть личное чувство и воля человѣка — эгоизмъ или альтруизмъ, — милосердіе или корыстолюбіе; но что за дѣло обществу до индивидуальныхъ чувствъ отдельныхъ личностей и можетъ ли общество управляться личными чувствами отдельныхъ индивидуумовъ? Ясно, что въ сферѣ общественной жизни не можетъ быть никакихъ произвольныхъ чувствъ. Жизнь общества управляется болѣе основнымъ, постояннымъ и безусловнымъ нравственнымъ закономъ, тѣмъ мимолетныя побужденія личности. Нравственный законъ для общественной жизни людей, для ихъ взаимныхъ отношеній между собою и правильного согласованія въ одно стройное гармоническое цѣлое долженъ быть выше, обширнѣе и безусловнѣе, тѣмъ законъ для отдельной личности

Этот нравственный общечеловѣческій законъ — справедливость. Это толь самыі великиі законъ, къ которому сознательно и безсознательно стремятся всѣ народы, ради котораго учреждаются правительства и издаются государственные законы. Всякое отношеніе, гдѣ стакиваются интересы людей, предполагаетъ это основное начало, безъ котораго немыслима правильная дѣятельность, нарушеніе котораго влечетъ за собою разрушеніе могущественнѣйшихъ государствъ и упадокъ высокихъ цивилизаций. Это великое нравственное начало руководить всѣми общественными явленіями. Оно господствуетъ въ соціальномъ мірѣ и должно быть принято за основное начало, какъ соціалогіи вообще, такъ политической экономіи въ частности. Только при свѣтѣ этого нравственного начала можно разобраться въ безконечной массѣ переплетающихся явленій сложнаго организма соціальной жизни, — уяснить и осмыслить его систему, — прослѣдить его постоянное, послѣдовательное, хотя медленное и неустойчивое, но неуклонное и постепенное развитіе въ одномъ опредѣленномъ направлени— и согласовать всю массу разнообразныхъ переплетающихся явленій въ одну стройную научную систему.

Это тѣмъ необходимѣе, что сама природа человѣка требуетъ нравственного начала въ своихъ основаніяхъ; она жаждетъ его съ трепетной необходимостью, она стремится къ справедливости, какъ пчела — къ цвѣтку, какъ все живое — къ солнцу.

Экономистъ, — имѣя дѣло съ человѣческой природою, съ дѣятельностью людей, съ обстоятельствами, составляющими слѣдствіе нашего развитія, нашего сознанія, нашей воли, съ которой нельзя снять всей отвѣтственности, — не можетъ оставаться простымъ свидѣтелемъ человѣческихъ страданій и заниматься только логическими выводами. Зная причину бѣдствій, онъ невольно стремится уничтожить зло, — обнаружить истину.

Дедуктивное и априорное предположеніе о естественномъ и благодѣтельномъ порядкѣ вещей есть не только вполнѣ законный, свойственный человѣческой природѣ и естественный мотивъ, но и единственно раціональный научный стимулъ.

Дѣйствительно, какова цѣль всякой науки? — Это открыть и указать средства наиболѣе благодѣтельныя для жизни. Если наука не ставить своею задачею счастье человѣка, то она не имѣть никакого смысла и практическаго значенія, — она становится безполезною болтовнею. Поэтому въ основѣ всякой науки должно стоять умозрительное предположеніе о благодѣтельномъ и цѣлесообразномъ порядкѣ вещей, отыскать который наука ставить своей задачею посредствомъ опыта и индукціи. Эта верховная идея составляетъ душу всякаго знанія, соединяетъ его въ одну стройную систему, направляетъ и регулируетъ эту систему къ одной общей цѣли — къ общему благу и благосостоянію. Если предположить, что міровой порядокъ вещей не цѣлесообразенъ и не благодѣтеленъ; если неѣть никакого средства достигнуть разумнаго и благодѣтельнаго порядка, то наука теряетъ всякий смыслъ и для нея не остается болѣе мѣста. Тогда людямъ совсѣмъ незачемъ обладать такими знаніями, которыхъ имъ не

могутъ помочь въ жизни; тогда совершенно безсмысленно трудиться и истощать себя многолѣтнимъ учениемъ только для того, чтобы въ концѣ концовъ узнать, что нѣтъ никакихъ средствъ къ спасенію и что рано или поздно мы неминуемо принуждены будемъ задохнуться подъ тяжестью накопившагося зла. Съ другой стороны, наблюдая явленія природы, человѣкъ легко можетъ убѣдиться, что въ неорганическомъ мертвомъ мірѣ существуетъ цѣлесообразный порядокъ и строгая послѣдовательность, что въ природѣ дѣйствуетъ безпрестанная, круговая работа силъ и послѣдовательная смена явленій, управляемая общими строго опредѣленными законами. Все это, конечно, даетъ больше права предположить, что и въ нравственномъ духовномъ мірѣ дѣствуютъ столь же опредѣленные и благодѣтельные законы, чѣмъ предположить обратное, что законы нравственные—нечѣлесообразны и неблагодѣтельны.

Увѣренность въ существованіи этихъ благодѣтельныхъ законовъ духовнаго міра рождаетъ мысль, что если человѣкъ до сихъ поръ чувствовалъ себя угнетеннымъ, а не облагодѣтельствованымъ этими законами, то только потому, что онъ не понялъ ихъ и, безсознательно противясь ихъ требованіямъ, идетъ въ разрѣзъ съ собственною природою, чѣмъ и причиняетъ себѣ страданіе.

Цѣль науки—отыскать эти законы, а цѣлью соціалогіи и въ частности экономіи должно быть еще согласованіе жизни общества и экономическихъ явленій съ этими всеобщими, неизмѣнными, всемірными законами путемъ выработки соотвѣтственной соціальной юриспруденціи и правильной экономической и финансой системы.

Сама природа обеспечила и положила необходимое для общественного благосостоянія основаніе, сдѣлавъ главнымъ принципомъ жизни стремленіе къ улучшенію положенія

Индивидуумъ, стремясь къ личной выгодѣ, способствуетъ невольно и общему благосостоянію; общественные же учрежденія, противодѣйствуя во имя общаго блага осуществленію частныхъ стремленій, противорѣчатъ нерѣдко своимъ цѣлямъ. Эти противорѣчія происходятъ вслѣдствіе непониманія основныхъ законовъ и требованій природы; но инстинктъ спасаетъ людей.

Воззрѣніе на цѣль науки и убѣженіе въ цѣлесообразности природы не лишаютъ, однако, научного значенія политическую экономію и нисколько не противорѣчатъ положенію, требующему, чтобы научные изслѣдованія были чужды всякой предвзятости и чтобы они признавали только то истинной, что вытекаетъ изъ индуктивнаго синтеза отдѣльныхъ явленій, добытыхъ наблюдениемъ; это основное положеніе о цѣлесообразности науки не есть руководящимъ направляющимъ началомъ; оно не стоитъ впереди науки и не диктуетъ ей произвольныхъ выводовъ, а потому оно и не можетъ навязывать ей какую бы то ни было тенденцію. Нѣтъ, оно только слѣдуетъ за наукой, предоставляя ей вполнѣ свободное строго-раціональное движеніе и лишь старается приложить ея выводы къ практической жизни.

Такъ что признать это начало можно независимо отъ личныхъ воззрѣній на разные научные методы, и только предвзятое убѣжденіе въ не-пѣлесообразности мірового порядка ващей противится его признанію и приводить къ логическому постулату о невозможности существованія какой-либо цѣлесообразной соціальной системы.

Теорія народного хозяйства или политическая экономія въ тѣсномъ смыслѣ изслѣдуетъ типическія формы, общіе законы и условія хозяйственной дѣятельности и объясняетъ вліяніе разныхъ явленій на народное благосостояніе. Она изслѣдуетъ не то, что было прежде или что есть въ данный моментъ,—а то, что всегда бываетъ, и почему проявляется такъ, а не иначе. Она не можетъ охватить всего разнообразія фактovъ и явленій, какое представляетъ дѣйствительность, но имѣть дѣло съ общимъ, а не частнымъ, съ родовымъ, а не индивидуальнымъ, съ правиломъ, а не исключеніемъ; иначе она совершенно растерялась бы въ частностяхъ и отдельныхъ случаяхъ, часто противорѣчащихъ другъ другу, и никогда не пришла бы ни къ какимъ точнымъ, опредѣленнымъ выводамъ. Поэтому она въ разнообразіи явленій стремится охватить общіе существенные признаки и отбросить все особенное и случайное.

Вникая въ великое твореніе отца классической экономіи, можно замѣтить уже въ немъ тѣ зародыши ошибочныхъ мнѣній, которыя вскорѣ вывели экономическую науку на ложную дорогу. Огромный умъ Смита, его наклонность вѣрою оцѣнивать вещи и здравый взглядъ на дѣйствительность предохранили, однако, его самого отъ тѣхъ крайностей, въ которыхъ впали впослѣдствіи менѣе талантливые его послѣдователи.

Но уже Рикардо и Мальтусъ развили во всей полнотѣ слабыя стороны ученія и поставили науку на совершенно ложную дорогу. Главное изъ такихъ ложныхъ началъ—объясненіе дѣятельности человѣка единственнымъ основаніемъ и стимуломъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ—эгоизмомъ. Они имѣютъ постоянно въ виду эгоистического человѣка, дѣйствующаго исключительно подъ вліяніемъ себялюбивыхъ соображеній; основной общественной жизни они ставятъ борьбу за существованіе. Придавая слишкомъ большое значеніе отдельнымъ индивидуумамъ, умаляютъ значеніе силы общества, которая является главнымъ факторомъ въ общественной жизни. Они, наконецъ, вовсе не придаютъ никакого значенія нравственности, до того, что могутъ быть названы материалистами. Конечно, здравый умъ Смита значительно смягчилъ и умалилъ значеніе этихъ недостатковъ, но слѣдуетъ признать, что въ общихъ принципахъ, лежащихъ въ основѣ его системы, можно прослѣдить всѣ элементы для дальнѣйшаго развитія этихъ ложныхъ тенденцій.

Школа А. Смита всецѣло основана на одномъ только чувствѣ человѣческой души—и то самомъ низкомъ—эгоизмѣ. Она ставитъ центромъ и исходнымъ пунктомъ всей экономической дѣятельности частный интересъ индивидуума, руководящійся эгоистическимъ стимуломъ собственной выгоды. Никакихъ другихъ началъ она не признала и тѣмъ санкционировала самое низкое чувство человѣческой природы.

Разумѣется, что такая система, со столь поглубь и противорѣчашимъ дѣйствительности основаніемъ, не можетъ быть истинною и вводить человека во все болѣе и болѣе заблужденіе, по мѣрѣ своего развитія. Неопределенность и неточность принципа, къ которому классическая школа сводить всѣ экономическія явленія, даетъ себѣ чувствовать все съ болѣшой и болѣшой силою. Мы говоримъ о такъ называемомъ «стремленіи къ богатству». Этимъ однимъ выраженіемъ стараются обозначить все широкое разнообразіе потребностей, желаній, чувствъ, очевидно различающихся между собою какъ по природѣ, такъ и по экономическому вліянію и измѣняющихся на разныхъ стадіяхъ общественного развитія. Очевидно, существуетъ множество двигателей, опредѣляющихъ экономическую дѣятельность, какъ эгоистического, такъ и альтруистического характера,—и поэтому нельзя сваливать всѣ эти двигатели въ одну кучу, сводя ихъ къ столь грубому обобщенію, какъ единственное «стремленіе къ богатству». Хозяйство всякаго общества составляетъ результатъ долгой эволюціи, въ которой были и постоянство и измѣненія и въ которой экономическая сторона является лишь одной изъ дѣйствующихъ силъ. Законы народного хозяйства зиждутся на исторіи, на общемъ ходѣ соціального развитія. Интеллектуальная, нравственная, физическая, политическая и экономическая стороны соціального развитія неразрывно связаны между собою. Такъ, напр., юридическая положенія, относящіяся до собственности, владенія и промышленности вызваны соціальнымъ развитіемъ; они въ то же время являются и экономическими факторами. Экономическое положеніе всякаго общества есть результатъ того же общаго поступательного движения, которое создало политическія учрежденія, организацію семьи, формы религіи, ученыя профессіи, искусство и науку, известное состояніе земледѣлія, промысловъ и торговли. Поэтому экономическія отношенія должны всегда согласоваться и идти рядомъ съ развитіемъ и стремленіями современного общества, и только слѣдя эволюціи общества, экономическая система можетъ принести обществу наибольшую пользу и доставить ему наибольшее благосостояніе.

Но классическая школа изучаетъ экономическихъ явленія съ слишкомъ индивидуальной и субъективной точки зрѣнія. Она смотритъ на богатство только какъ на средство для удовлетворенія желанія и упускаетъ изъ виду, что многие предметы сами по себѣ обладаютъ полезными и цѣнными свойствами. Она все измѣряетъ съ точки зрѣнія субъективныхъ воззрѣній и желаній.

Стремленія индивидуума почитались единственнымъ основаніемъ и мѣриломъ богатства. Цѣнность опредѣлялась отношеніемъ къ ней личности и потому соціальная цѣнность предметовъ, т. е. цѣнность въ смыслѣ ея объективной полезности, которая часто научнымъ образомъ можетъ быть опредѣлена, была оставлена безъ изученія. Смитъ, ратуя за свободу и за невмѣшательство правительства въ дѣла торговли и промышленности, впалъ въ крайнее отрицаніе всякаго общественного воздействиа въ дѣлѣ регулированія экономической жизни. Не замѣчая, что общественные си-

стемы и законодательство имѣютъ рѣшающее значеніе и что они способны развивать цивилизaciю и разрушать ее, Смитъ не принималъ во вниманіе нравственного предназначения человѣка, не видѣлъ въ богатствѣ лишь средства для достиженія высшихъ цѣлей жизни; и это послужило поводомъ къ ложному принципу, будто въ основѣ общественной жизни человѣка лежитъ эгоизмъ и борьба за существованіе, вопреки всѣмъ очевиднымъ и огромнымъ отличіямъ, которыя характеризуютъ человѣка между другими животными и которыя обусловливаютъ его общественные отношенія на законахъ разума, на рациональныхъ началахъ взаимопомощи и любви; насколько отдельный человѣкъ отличается отъ животнаго индивидуума, настолько и общество человѣка должно отличаться отъ общества животныхъ. Вся система Смита слишкомъ абсолютна по своему характеру, что противорѣчитъ духу общественныхъ наукъ: такая система соотвѣтствуетъ только строгимъ, точнымъ математическимъ наукамъ съ индуктивнымъ характеромъ и имѣющимъ твердыя непреложныя основанія, на которыхъ зиждутся неизмѣнныя законы. Но общественные науки дедуктивного характера, какъ соціалогія и въ частности экономія, которыя развиваются совмѣстно съ эволюціей общества, не могутъ быть столь абсолютнаго характера и по необходимости должны имѣть только условное значеніе.

Человѣкъ, какъ членъ общества, является порожденiemъ цивилизаций и продуктомъ исторіи. Различie въ стадіяхъ общественного развитія изменяетъ общественные условия и экономическая система и даже отдельныхъ индивидуумовъ. Такимъ образомъ, въ тѣхъ общихъ принципахъ, которыя лежать въ основѣ системы Смита, видны всѣ элементы для дальнѣйшаго развитія этихъ ложныхъ тенденцій въ наукѣ экономіи. Въ соціальныхъ наукахъ первое мѣсто должно быть отдано обществу, такъ какъ всякая соціальная система прежде всего зависитъ отъ состоянія общества. Но А. Смитъ ставить частный эгоизмъ главнымъ факторомъ общественной дѣятельности до такой степени, что даже альтруистическая чувства считаются послѣдствиемъ того же себялюбія, забывая, что борьба за существованіе имѣеть мѣсто только у неразумныхъ животныхъ и что разумъ человѣка дѣлаетъ человѣческое общество способнымъ основать свои принципы на болѣе рациональныхъ началахъ.

Этотъ индивидуальный эгоизмъ придаетъ экономіи Смита какъ бы научный характеръ, сближающій ее съ точными науками, но зато исказжаетъ истину. Научный методъ, который вполнѣ полезенъ для точныхъ и строго систематическихъ наукъ: математики, физики, механики и другихъ, оказался совсѣмъ непригоднымъ для политической экономіи. Смитъ думаетъ, что благо общества лучше всего достигается свободной борьбой индивидуумовъ и потому онъ считаетъ отдельныхъ личностей главными факторами всякаго дальнѣйшаго движенія и развитія и не замѣчаетъ рѣшающаго, преобладающаго значенія общества — какъ цѣлаго. Ось не замѣчаетъ, что движеніе, прогрессъ, развитіе и вся цивилизаций, главнымъ образомъ, зависятъ отъ состоянія общества, отъ тѣхъ общественныхъ системъ, которыя приняты въ основѣ общественной жизни. Его послѣдо-

ватели развили эту ошибку и придали слишком преувеличенное решающее значение индивидууму, умалив значение социальных систем и поставив их в зависимость от недостатков и несовершенства отдельных личностей. Этот ложный взгляд и до ныне преобладает в науках. Она придает общественным законам только пассивный характер, назначая их только для предупреждения столкновения эгоизма отдельных личностей и давая им лишь настолько значения, насколько эти законы и системы обуздывают стремления индивидуумов стремлениями большинства общества. Но не всякий человек понимает надлежащим образом свои интересы и не всегда удачно стремится к достижению их; также экономическая выгода индивида не всегда совпадают с общественным благом. А потому достижение естественного порядка природы, естественного права и естественной свободы непосредственно прежде всего зависит от общества — как одного целого, и от общественных систем и законов, а послѣ уже от отдельных личностей, как составных частей этого целого. Экономическое положение личности не столько зависит от естественных прав или ея индивидуальных способностей, сколько от экономической и юридической организации общества. Поэтому отношения общества к личной свободѣ и собственности имѣютъ огромное значение. Цѣли личности нельзя влѣсть в основу социальной системы, потому что это приводить к непригоднымъ выводамъ физіократовъ й А. Смита — свободного соперничества. Въ обществѣ дѣйствуютъ двѣ силы: индивидуальная и соціональная, и ни одной изъ нихъ нельзя дать преимущества въ ущербъ другой. Свобода личности опредѣляется въ обществѣ не частными, но социальными условіями. Общество, въ его целомъ, имѣетъ свои положительные и определенные задачи и смыслъ, отличный отъ интересовъ частныхъ лицъ. Его задачи заключаются не только въ отрицательномъ назначеніи поддерживать порядокъ и связь своихъ членовъ, но и въ достижении такихъ цѣлей, которые не доступны частнымъ лицамъ. Общество развиваетъ въ себѣ такія свойства и качества, которые по самой природѣ своей совершенно чужды индивидуумамъ. Оно обладаетъ отличительнымъ отъ индивидуального характеромъ, интеллектуальнымъ и эстетическимъ развитиемъ, экономическимъ бытомъ и способомъ отношений. Но общество должно уважать достоинство личности и руководиться по отношению къ ней обязательнымъ закономъ справедливости, а не покровительственнымъ принципамъ опеки и снисходительного попеченія. Основанія, обеспечивающія достоинство личности, должны покояться на обязательныхъ нравственныхъ законахъ, а не переходящихъ измѣнчивыхъ побужденіяхъ. Общество точно также должно беспристрастно и безразлично относиться ко всемъ своимъ классамъ, какъ и къ отдельнымъ индивидуумамъ, не давая ни одному изъ классовъ или корпораций особыхъ преимуществъ и предпочтенія предъ другими, а руководствуясь во всѣхъ случаяхъ абсолютнымъ закономъ справедливости; ибо въ соціальномъ мірѣ излишнее милосердіе и снисхожденіе такъ же вредны, какъ и жестокость или безпощадность. Общественные науки рассматриваютъ человека какъ члена общества, какъ нѣко-

торую часть одного цѣлаго; имъ нѣтъ дѣла до индивидуальности, хотя индивидуальность въ абсолютномъ значеніи вышій элементъ человѣка, чѣмъ общественность.

Независимо отъ человѣка существуетъ естественная система соціальныхъ и экономическихъ законовъ, сама по себѣ благодѣтельная, стремящаяся къ увеличенію общественного благосостоянія; человѣкъ только долженъ ее понять и ей слѣдовать, чтобы достигнуть возможнаго счастія и избѣгнуть зла.

Давленіе средствъ существованія и борьба за нихъ характерны скорѣй для низшихъ, чѣмъ для высшихъ стадій цивилизациі. Наука политической экономіи трактуетъ о той части общаго порядка вещей, которая является, главнымъ образомъ, результатомъ пользованія и развитія силы труда; подъ ея руководствомъ трудъ долженъ получить наибольшее значеніе и наивысшую продуктивность.

Наука о трудѣ—о природѣ, качествахъ, значеніи труда, о причинахъ его продуктивности, обѣ отношеніи человѣка къ труду, о стимулахъ къ нему, инертности и дѣятельности, какъ двухъ противоположныхъ силахъ, наконецъ, о скучѣ, какъ слѣдствіи отсутствія дѣятельности, составляетъ главную часть политической экономіи.

Взаимное соединенное дѣйствіе людей даетъ господство имъ надъ природою, оно облегчаетъ трудъ и понижаетъ цѣнность его продуктовъ. Общество же заботится о томъ, чтобы частныя выгоды не нарушили общественныхъ. Существуетъ естественная самопроизвольная общественная гармонія, вытекающая изъ самыхъ свойствъ природы человѣческаго общества: всѣ принципы, всѣ мотивы, всѣ побужденія къ дѣятельности, всѣ интересы работаютъ совмѣстно для достиженія великой конечной цѣли, къ которой человѣчество все болѣе и болѣе стремится. Цѣль эта заключается въ безграничномъ приближеніи всѣхъ классовъ къ одному постоянно возвышающемуся уровню—къ всеобщему уровню всѣхъ отдѣльныхъ людей при всеобщемъ благосостояніи.

Цѣль внутренней политики всякаго государства состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать людей добродѣтельными и установить учрежденія, которыя имѣли бы опору въ законахъ нравственности, познаніи, разумѣ и общественной совѣсти. Богатство и благосостояніе народа зависятъ не столько отъ наличныхъ благъ, сколько отъ поддержанія гармоніи и взаимности въ обществѣ. Это достигается тогда, когда природѣ предоставлено дѣлать свое дѣло и когда вмѣшательство власти въ промышленныя дѣла имѣетъ цѣлью доставить всѣмъ равную свободу и ограждать общественную жизнь отъ насилия надъ природою. Организація экономическихъ учрежденій и система политической экономіи не должны противорѣчить естественному порядку вещей, установленному природою и естественнымъ, соціальнымъ законамъ, управляющимъ общественною жизнью каждого народа. Такимъ образомъ можно признать существованіе одного незыблемаго естественаго-нравственнаго порядка, распространяющагося какъ на всю сферу человѣческой дѣятельности, такъ въ частности на общественную жизнь и на

политическую экономию и выражавшуюся во всеобщемъ законѣ — «безусловной справедливости». На немъ зиждутся коренные условия для осуществленія всякаго порядка и зависящаго отъ него благосостоянія. По мѣрѣ развитія общества вмѣстѣ съ успѣхомъ образованія, благосостоянія и нравственности, общество все болѣе стремится приблизиться къ этому идеалу справедливости, чтобы удовлетворить своему развивающемуся нравственному чувству. Стремленіе это безпредѣльно и безпрерывно. Оно безпредѣльно потому, что вслѣдъ за физическими развиваются и духовныя потребности, что желаніе человѣка всегда превышаетъ его средства; но тѣмъ не менѣе, стремленіямъ этимъ должно удовлетворять по мѣрѣ возможности; должно употреблять всѣ средства для ихъ осуществленія, такъ какъ они — высшая и благороднѣйшая стремленія человѣческаго духа.

Въ природѣ существуютъ вѣчные, постоянные и неизмѣнныя законы, которые управляютъ общественной жизнью, и только выполняя ихъ можно достигнуть благосостоянія. Съ самаго начала человѣчество въ погонѣ за счастіемъ инстинктивно, бессознательно искало этихъ законовъ, стараясь попасть въ ихъ колею. Въ древнее время изъ двухъ силъ общественной жизни преобладала сила союза въ ущербъ индивидуальной свободѣ. Эта сила союза старалась направить все общество въ его цѣломъ, помимо отдельныхъ индивидуумовъ и не обращая вниманія на ихъ личные взгляды или состояніе, на путь законовъ и стественныхъ потребностей. Теперь сила свободы стала заявлять свои права въ ущербъ силѣ единенія и происходящая отсюда борьба двухъ силъ производить потрясенія во всей общественной сфере и выбываетъ изъ установленной колеи движение жизни; эта хаосъ мыслей и состояній, которымъ характеризуется современная переходная эпоха, стремится выработать новыя основанія для общественной жизни. Онъ хочетъ сдѣлать силу свободы и индивидуального почина руководящимъ факторамъ и дать ему преобладаніе надъ силою единенія. Но это только перемѣна способа достижения цѣли, такъ какъ конечная цѣль жизни общества и вѣчные, постоянные законы ею управляющіе остаются всегда, какъ въ древности такъ и теперь, одинаковы и неизмѣнны, поэтому и индивидуальный строй долженъ руководиться тѣми же законами и подчиняться имъ, которые стремился осуществить древній общественный строй. Преимущество индивидуального способа заключается въ томъ, что для принятія каждого новаго положенія, для каждого нового шага впередъ онъ требуетъ соответственного воспитанія и подготовки къ нововведенію каждого индивидуума, а слѣдовательно — и внутренней подготовки всего общества. Онъ дѣлаетъ жизнь общества такимъ образомъ сознательною, осмысленною въ исканіи счастія и блага. Тогда какъ въ древности жизнь общества была бессознательна. Строй общества часто превышалъ развитіе индивидуумовъ, а потому не было мѣста и безпредѣльному общественному прогрессу. Отсюда древняя неподвижность, застой. Обществомъ руководилъ тогда высшій немногочисленный классъ или каста, который одинъ былъ подготовленъ къ каждому нововведенію, и для проведения его въ народѣ естественно былъ принужденъ прибѣгать къ приказу и наси-

лю. Такимъ образомъ, прежде высшій, немногочисленный классъ тянуль за собой низшіе и всю остальную массу народа. Теперь же, когда первую роль играютъ цифры и численность, масса народа перетягиваетъ волю общества на свою сторону и, такимъ образомъ, всегда являются изъ массы группы людей болѣе развитыя, которые возвышаются надъ современнымъ имъ положеніемъ вещей, открываютъ болѣе совершенные начала и ведутъ за собою общество къ усовершенствованію. Отсюда вытекаетъ современная способность къ прогрессу и наше постоянное стремленіе впередъ, тогда какъ древнее общество часто тянуло назадъ къ прогрессу: такъ евреи неоднократно отрекались Іеговы и впадали въдолопоклонство; и стоило только разрушить іерархію древняго государства, уничтожить высшую касту, чтобы немедленно же вызвать и полное паденіе цивилизациіи народа. Поэтому въ древности правительство и отличалось такой силой, что оно стояло впереди.

Теперь же, напротивъ, сами народы вырабатываютъ себѣ правила общежитія, не только не подвергая никакой опасности цивилизацию, но еще открываютъ этимъ болѣшій для нея просторъ, все новые горизонты и широкую свободу для индивидуального развитія.

Существуютъ соціальные законы и генденціи, независящіе отъ индивидуальныхъ стремлений, потому что существуютъ такія соціальные сферы, которые не зависятъ отъ свободной воли; иначе они были бы не соціальными законами, а законами индивидуальными или свободной воли и, такимъ образомъ, отрицалось бы существование соціального порядка вообще. Соціальные законы нельзя смѣшивать съ индивидуальной свободной волей на томъ основаніи, что будто они составляютъ только простую равнодѣйствующую всѣхъ отдѣльныхъ индивидуальныхъ свободныхъ воль. Если бы это даже и было такъ, если бы соціальные законы ни отчего болѣе не зависѣли кромѣ какъ отъ свободныхъ воль всѣхъ членовъ, составляющихъ общество, то и тогда этотъ соціальный законъ не былъ бы простой механической равнодѣйствующей всѣхъ воль членовъ общества, уже по одной причинѣ той чрезмѣрной сложности, какую представляетъ организація человѣческаго общества. Это не была бы простая равнодѣйствующая физическихъ силъ, а это былъ бы скорѣй результатъ сложной химической реакціи, опредѣлить котораго заранее умозрительнымъ, теоретическимъ путемъ невозможно, а можно только—посредствомъ опыта и наблюденія. Дѣйствительно, исторія свидѣтельствуетъ, что жизнь общества вовсе не идетъ согласно желаніямъ большинства, а скорѣй, наоборотъ, по желанію меньшинства. Измѣненія въ общественномъ строѣ постоянно происходятъ по волѣ немногочисленныхъ классовъ и группъ людей, а еще чаще по волѣ одного геніального человѣка. Такъ и теперь современный промышленный порядокъ держится по волѣ менѣе многочисленнаго класса капиталистовъ; такъ что на общественную жизнь сильнѣе вліяетъ преимущество ума или материальное превосходство, нежели простой количественный перевѣсъ.

Но соціальное движеніе не было бы и простымъ результатомъ химической реакціи, потому что на жизнь общества также сильное вліяніе оказы-

ваетъ и большинство, какъ это видно, особенно ясно, въ современныхъ свободныхъ республикъ, а также въ стачкахъ рабочихъ массъ; такимъ образомъ, даже завися исключительно только отъ свободныхъ воль индивидуумовъ, слагающихъ общество, соціальный законъ бытъ бы результатомъ гораздо болѣе сложной реакціи, чѣмъ химическая: онъ бытъ бы какъ бы соединеніе механическаго воздействиа съ химическимъ въ чрезвычайно сложныхъ сферахъ духовнаго міра.

Но если принять во вниманіе, что соціальный законъ еще болѣе физической среды зависитъ отъ организаціи общества, отъ стадіи его развитія, наконецъ, отъ прошлыхъ поколѣній, которыя оставили на обществѣ неизгладимый слѣдъ своей дѣятельности, и воля которыхъ даетъ себѣ чувствовать и въ настоящемъ, наконецъ, отъ той фатальной стадіи, которая уже подготовлена всей предшествующей жизнью общества и неминуемо должна наступить, то придется признать, что соціальные законы являются результатомъ гораздо болѣе сложныхъ явленій, чѣмъ самая сложная явленія матеріального міра. И этотъ специальный законъ фактически преобладаетъ. Въ морали тоже существуютъ естественные законы или «императивные предписанія», которыя предполагаютъ въ своемъ основаніи порядокъ существованія и послѣдовательность, чѣмъ объясняется возможность моральной эволюціи. Если въ мірѣ матеріальномъ усовершенствование происходитъ посредствомъ борьбы за существованіе и путемъ количественнаго размноженія, то міръ нравственный, къ которому принадлежитъ человѣкъ, отличается отъ матеріального тѣмъ, что эволюція его основана на взаимопомощи и сочувствіи и совершается путемъ качественнаго развитія—умственного и нравственного преуспѣванія.

Общество является не только соединеніемъ индивидуумовъ, въ настоящее время живущихъ; оно содержитъ въ себѣ элементы прошлыхъ вѣковъ жизни, которые тѣсно связаны съ настоящимъ его состояніемъ и представляютъ собою одну непрерывную цѣнь послѣдовательныхъ звеній, относящихся какъ причины къ слѣдствіямъ. Оно содержитъ въ себѣ уже зачатки будущаго, которые до извѣстной степени фатальны, т. е. неизбѣжны и неминуемы, въ такой именно степени—по сколько подчинены этому соціальному закону, и потому могутъ быть предвидѣны. Но конечной судьбы общества опредѣлить нельзя, какъ вслѣдствіе неопределеннаго предложавшаго впереди времени, такъ и въ виду массы самопроизвольныхъ явленій, ни чѣмъ виѣшнимъ между собой, по самой природѣ своего происхожденія, не связанныхъ, а вытекающихъ только изъ свободной воли человѣка;—явленій, которыя постоянно происходятъ въ соціальной жизни и которые, не смотря на свое ничтожество, въ общемъ итогѣ производятъ сильное влияніе и способствуютъ глубокимъ измѣненіямъ общественной жизни; этихъ измѣненій опредѣлить нельзя, нельзя предвидѣть и того значенія, которое займетъ какое-либо опредѣленное явленіе, хотя бы черезъ опредѣленное время.

Въ виду такого характера соціальныхъ явленій наука соціалогіи не можетъ быть вполнѣ точной наукой и не можетъ объять собою всего предмета

во всемъ его цѣломъ, т. е. зарожденія, быта и смерти общества, покамѣстъ са-
ма дѣйствительность не осуществить во всемъ цѣломъ процесса жизни каж-
даго данного общества. Кромѣ того, общественные явленія не могутъ имѣть
строгого опредѣленного характера даже въ относительномъ ихъ значеніи:
по занимаемому ими положенію въ опредѣленное время и въ опредѣлен-
номъ мѣстѣ; такъ какъ въ своемъ соприкосновеніи съ другими соціаль-
ными явленіями и въ своемъ послѣдовательномъ существованіи, они ока-
зываются на окружающей мірѣ самыя разнообразныя вліянія, зависящія
не только отъ ихъ собственного состоянія, но и отъ состоянія тѣхъ явле-
ній, съ которыми соприкасаются. Окружающія ихъ условія могутъ совер-
шенно измѣнять значеніе каждого явленія для соціального міра и даже
внутреннюю природу самого дѣйствующаго явленія. Такимъ образомъ, исто-
рія развитія общества не можетъ быть опредѣляема силою науки; она
только выясняется ею путемъ наблюденія и сравненія по мѣрѣ своего осу-
ществленія. Законы жизни и развитія общества, однако, могутъ быть опре-
дѣлены и поняты, а знаніе ихъ даетъ возможность человѣку опредѣлить
естественные требованія природы, согласуясь съ которыми своею свободо-
ною волею, человѣкъ можетъ достигнуть наибольшаго благоденствія и
счастія на землѣ въ своей соціальной жизни. Замѣченное правильное, за-
коносообразное измѣненіе въ жизни и развитіи общества даетъ основаніе
для распредѣленія границъ между абсолютнымъ и относительнымъ въ со-
ціальной области. Абсолютный элементъ открывается въ послѣдователь-
ности развитія формъ соціального движенія—его количества, силы, интен-
сивности и направленія независимо отъ его измѣненій въ характерѣ раз-
витія, обуславливаемыхъ особыми вѣшними обстоятельствами. Эти об-
стоятельства измѣняютъ болѣе вѣшнія формы и сравнительное развитіе
жизни, чѣмъ соціальное положеніе (*conduct*) ея или координацію и взаи-
модѣйствіе всѣхъ функций жизни, а послѣднее и есть проявленіемъ або-
лютнаго. Такимъ образомъ, законы соціалогіи, какъ и всѣ прочіе законы
природы, заключаютъ въ себѣ элементъ всего того прочнаго и неизмѣн-
наго, которое находится въ соціальной жизни. Жизнь—борьба, движеніе
и только благодаря этимъ законамъ движеніе это принимаетъ правильное
«законообразное измѣненіе», которое называется развитіемъ. Эта законо-
сообразность развитія въ организаціи и дѣятельности общества, это соот-
ношеніе соціальныхъ явленій, обусловливающее зависимость ихъ измѣненій
(модификації) между собою и соответствие самихъ измѣненій, эти
столь постоянныя отношенія послѣдовательности сосуществованія и зави-
симости явленій называются естественными соціальными законами. За-
коны эти универсальны и позволяютъ построить абстрактную теорію эко-
номического развитія.

Наблюдая явленія природы, не нужно обладать особенной проницатель-
ностью, чтобы замѣтить, что во всѣхъ ея сферахъ непремѣнно существуютъ
два противоположныхъ начала, которые постоянно борются другъ съ дру-
гомъ, противодѣйствуютъ другъ другу и, какъ бы дополняя одинъ другого,
производятъ то равновѣсіе, которое называется въ наукѣ статикой, а ихъ

борьба и стремление къ равновѣсію составляютъ предметъ динамики. Такъ центробѣжной силѣ противостоитъ центростремительная. И только онѣ, взятыя вмѣстѣ, производятъ всемірный порядокъ и всеобщую гармонію. Такъ точно въ нравственномъ мірѣ необходимо противоборство добра со зломъ. Въ душѣ человѣка замѣчается постоянная борьба ума съ чувственностью. Въ его природныхъ наклонностяхъ—два противоположныхъ стремлений—общественность и индивидуальность. Въ самомъ физическомъ строеніи его существуютъ двѣ формы—мужчина и женщина; въ его общественной жизни бѣдность противополагается богатству; въ его коммерческихъ отношеніяхъ спросъ—предложенію, въ промышленномъ мірѣ трудъ—капиталу; во всей природѣ существуетъ двойственность силъ и положеній. Въ электричествѣ является положительность и отрицательность; въ магнетизмѣ тоже два противоположныхъ полюса. Это противодѣйствіе міровыхъ силъ уже давно замѣчено человѣкомъ и уже Зороастръ основалъ на немъ свою великую религіозную систему дуализма. Этотъ общеизвѣстный неоспоримый фактъ лежитъ во всѣхъ областяхъ природы, и человѣкъ, конечно, не исключенъ изъ общаго правила. Поэтому совершенное устраненіе зла—немыслимо: оно равнялось бы уничтоженію свойствъ природы. Но, тѣмъ не менѣе, это не даетъ права относиться безразлично къ двумъ нравственнымъ началамъ—добру и злу, какъ къ вполнѣ равнымъ и необходимо-пополняющимъ другъ друга. Человѣкъ непремѣнно долженъ придерживаться одного изъ этихъ началъ,—ослаблять другое и тѣмъ содѣйствовать динамикѣ въ нравственности. Эта обязанность человѣка вытекаетъ изъ того положенія, которое онъ занимаетъ въ обществѣ; кромѣ индивидуальныхъ началъ—добра и зла, которые составляютъ внутренній міръ человѣка, онъ имѣеть по отношенію къ окружающему міру, какъ объектъ его, свое особое положеніе, и это положеніе, занимаемое человѣкомъ въ природѣ, подчиняетъ его другимъ, болѣе высшимъ міровымъ началамъ, которые по отношенію къ нему объективны. Но и въ объективномъ мірѣ существуютъ два противоположныхъ начала—духъ и матерія, а человѣкъ въ послѣдовательной цѣпи міровыхъ явлений представляетъ собою конечное звено духовнаго развитія природы на землѣ, является вѣнцомъ ея нравственнаго проявленія. Такимъ образомъ, по самому положенію своему въ природѣ, по мѣсту, занимаемому въ ней, человѣкъ является союзникомъ и даже центромъ духовнаго начала, а съ тѣмъ вмѣстѣ и естественнымъ противникомъ и борцомъ противъ материализма. Это положеніе заставляетъ человѣка способствовать всему, что усиливаетъ, распространяетъ и развиваетъ духъ и ослабляетъ вліяніе матеріи; а такъ какъ психологія и исторической опытъ многихъ тысячъ лѣтъ свидѣтельствуютъ, что добро усиливаетъ духовныя начала и даетъ имъ власть надъ матерію, тогда какъ зло разслабляетъ духъ и способствуетъ подчиненію его матеріи, то этимъ объясняется стремленіе природы человѣка и всей нравственной эволюціи къ добру.

Въ основаніи общественной соціальной нравственности лежитъ сознаніе справедливости, которое требуетъ во взаимныхъ сношеніяхъ людей

между собою руководиться свободой, равенствомъ и братствомъ: свободой—въ отношеніи другъ къ другу, равенствомъ—въ распределеніи всѣхъ благъ между собой и братствомъ—въ воздаяніи другъ другу за полученные услуги. Въ основѣ индивидуальной нравственности отдѣльныхъ лицъ лежитъ чувство любви къ человѣку, къ Богу, къ жизни, къ природѣ, ко всему живущему и насъ окружающему,—любви безпредѣльной и всеобщей, абсолютной и неотъемлемой, которая требуетъ соединенія и неразрывнаго сочетанія себя съ жизнею, обществомъ и міромъ во имя себя, близняго и Бога. Эта любовь не сочетается никакими посредничествующими элементами, не зависитъ ни отъ какихъ особыхъ правилъ, не руководствуется справедливостію; она является сама по себѣ непосредственнымъ самозиждущимъ и основнымъ началомъ и дѣйствуетъ только во имя самой себя и для самой себя, помимо всякихъ особыхъ, постороннихъ основаній, безъ всякаго отношенія къ справедливости, безъ всякаго принужденія какой-либо необходимости или какою-либо цѣлью для созданія какого-либо порядка. Изъ дуализма силь въ природѣ—въ жизни и развитіи общества, въ его динамикѣ и статикѣ—фатальное составляетъ только одно выраженіе жизни, оно есть понятіе обѣ одной только общественной силѣ, къ которой примкнуло магометанство и кальвинизмъ. Понятіе о противоположной силѣ выразилось въ ученіи о свободной волѣ. Но какъ тотъ, такъ и другой взглядъ на жизнь и порядокъ вещей въ духовной природѣ представляеть собою только часть истины. Въ жизни духа обѣ силы эти дѣйствительно существуютъ и дополняютъ другъ друга. Ихъ взаимодѣйствіе, обусловленное естественными законами, порождаетъ всѣ духовныя явленія, которыя имѣютъ огромное первенствующее значеніе, какъ въ жизни отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлаго общества. Только благодаря этимъ законамъ возможна въ мірѣ духовномъ и соціальномъ систематическая работа для улучшения условій жизни и соціального порядка; и хотя направлениѳ и существенный характеръ эволюціи предопределены заранѣе, но степень ея быстроты и второстепенные черты подчинены вполнѣ свободной волѣ человѣка. Статика и динамика опредѣляютъ, въ связи съ дѣйствующими нравственными законами, законосообразныя измѣненія жизни. Нравственный законъ господствуетъ въ сфере духовной.

Соціальная жизнь зиждется на нравственности и общественномъ долгѣ въ отличіи отъ индивидуальныхъ правъ, вытекающихъ изъ естественного права. Такимъ образомъ, достижениѳ соціальныхъ цѣлей можетъ происходить мирнымъ путемъ, замѣнная революцію—эволюціей. И потому методъ *a posteriori* является возможнымъ для полученія истинъ въ соціологіи, а пользованіе въ ней методомъ *a priori* примѣняется, какъ дополнительное, для полученія окончательныхъ цѣльныхъ истинъ изъ совокупности собранныхъ фактовъ посредствомъ наблюденія и изслѣдованія.

Каждая стадія экономического развитія является результатомъ исторического прошлаго, гармонирующаго въ цѣломъ съ современными соціальными условіями и скрывающаго въ себѣ зачатки будущаго, предопределеннаго уже въ своихъ существенныхъ чертахъ, но могущаго испытать

измѣненія во второстепенныхъ частностяхъ. Поэтому политическая экономія, имѣя, какъ и все дѣйствительно-жизненное, элементы искусства, обладаетъ характеромъ истинныхъ наукъ. Система политической экономіи можетъ основываться на такихъ положеніяхъ, которыя сами по себѣ универсально-правильны и приложимы ко всѣмъ пунктамъ безграничныхъ предѣловъ мѣста и времени,—ко всѣмъ стадіямъ общественнаго развитія. Важный вопросъ обѣ отношеніяхъ абстрактнаго къ конкретному заключается только въ опредѣлениі границъ этихъ отношеній, въ томъ: гдѣ предѣлы абстрактнаго, а гдѣ—конкретнаго. Нашъ вѣкъ характеризуется стремлениемъ создать синтетическую систему и осуществить ее въ жизни. Но нужно замѣтить, что трудность этого стремленія увеличивается тѣмъ антагонизмомъ, который существуетъ между религіей и наукой,—антагонизмомъ, который былъ порожденъ упадкомъ церковной власти, а еще болѣе—утвержденіемъ римскаго языческаго права во всей Европѣ.

Антагонизмъ этотъ тѣмъ болѣе чувствителенъ, что между экономическими организаціями и счастиемъ человѣка существуетъ столь же тѣсная связь, какъ между богатствомъ и моралью; эти два соотношенія прямо пропорциональны другъ другу.

Начала правды и справедливости составляютъ принципъ какъ религіозныхъ, такъ и юридическихъ и экономическихъ отношеній. Тѣ и другія—только видоизмѣненія общественности, а справедливость это—основаніе всякихъ отношеній между людьми. Связь между политической экономіею и правомъ—очевидна. Они имѣютъ одну и ту же конечную цѣль—осуществленіе правды и благосостоянія. Правда стремится къ водворенію справедливости, къ установленію гармоніи личныхъ интересовъ, внутренняго общественнаго единства и нравственного авторитета между людьми. Но законы природы предустановливаютъ гармонію, но не сдѣлали ея осуществленія механической необходимостью. Только нравственная сила влечетъ человѣка къ осуществленію его высокаго назначенія. Но такъ какъ она часто оказывается бессильна въ борьбѣ съ сурою дѣйствительностью, то осуществленіе конечнаго торжества справедливости отдалается и даже не застраховано отъ совершенного пораженія, которое равносильно вырожденію общества. Такимъ образомъ, на карту ставится не какая-либо второстепенная задача, но вопросъ о жизни и смерти общества. При столкновеніи личныхъ интересовъ частныхъ лица и корпораціи обращаются къ принудительной силѣ, которая могла бы, если не дать справедливости, то, по крайней мѣрѣ, уничтожить часть неправды и приблизить ихъ къ справедливости. Въ этомъ состоитъ великое назначеніе правительственной власти! Такимъ образомъ, наибольшія выгоды достигаются устраненіемъ причинъ, нарушающихъ гармонію общественныхъ отношеній, расширеніемъ предѣловъ частной ініціативы и облегченіемъ образования союзности, возникающей изъ общности интересовъ людей. Тогда авторитетъ власти получаетъ неизыблемость: въ рукахъ ея не одна внѣшняя, но и нравственная сила, потому что она представляется не въ борьбѣ съ законами природы,—въ борьбѣ, оканчивающейся разложеніемъ общества или переворотомъ, надолго истреб-

ляющимъ силу всякаго авторитета,—а во главѣ преобразованій, упрочивающихъ правильное развитіе общественной жизни. Порядокъ и справедливость служать залогомъ гражданскаго развитія,—основою авторитета власти, не только существующей для подворенія правды и справедливости, но и черпающей въ нихъ свою внутреннюю и нравственную силу. Таковы законы, управляющіе общественною жизнею,—законы, которые могутъ быть выведены изъ мірового опыта и доказаны историческими фактами. Они, подобно другимъ законамъ природы, просты и имѣютъ характеръ всеобщей истины. Они устанавливаютъ гармонію и совершенное согласіе между интересами всѣхъ людей. Если интересы людей или классовъ общества противоположны и противорѣчатъ другъ другу, такъ это только доказываетъ ненормальность положенія людей или неправильность общественной организаціи. Если вѣрно, какъ учитъ Рикардо, что землевладѣльцы выигрываютъ отъ высокихъ цѣнъ и большихъ рентъ, т. е. отъ дороговизны производства, въ то время, какъ мануфактурсты и потребители—массы народа отъ этого теряютъ; если вѣрно, что сдѣлки между землевладѣльцами и другими лицами не могутъ быть выгодны для обѣихъ сторонъ, потому что выгода одной влечетъ непремѣнно проигрышъ другой; если пониженіе цѣнъ хлѣба сопряжено съ значительными потерями для какого-либо класса общества и со значительными выгодами для другого; равнымъ образомъ, если увеличеніе заработной платы—въ интересѣ работника, но не въ интересѣ капиталиста, то все это только доказываетъ ненормальное положеніе классовъ общества. Оно является слѣдствіемъ непониманія законовъ гармоніи хозяйственного порядка. Отвергая эти законы и прибѣгая къ захвату, привилегіямъ и монополіи, мы находимъ, что интересы разныхъ сторонъ противоположны, потому что основы для взаимнаго соглашенія утрачиваются и возникаетъ раздоръ, отсутствующій тамъ, где законы природы правятъ явленіями. Все—что препятствуетъ пониженію цѣнности средствъ, служащихъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей человѣка: всякое монопольное обладаніе материалами или силами природы; всякое стѣсненіе свободы въ выборѣ дѣятельности, въ употребленіи труда и капитала; наконецъ, всякое покушеніе на право собственности, будь ли оно относиться къ труду или къ имуществу—все это ведетъ къ потрясеніямъ, которыя не могутъ измѣнить сущности экономическихъ законовъ, не уничтожаютъ ихъ вліянія, а только изврашаютъ ихъ обнаруженіе въ видимыхъ намъ явленіяхъ. Насиліе надъ законами природы обращаетъ ихъ изъ творческаго, развивающаго начала въ разрушающее, которое иногда дѣлаетъ совершенно невозможнымъ всякое дальнѣйшее улучшеніе жизни. Потому, что нарушеніе экономической гармоніи заключаетъ въ себѣ произволъ и неправду. Но классическая экономическая школа является лишь теоріей частной собственности и частныхъ интересовъ, вместо того, чтобы изучать общественную жизнь, какъ цѣлое, въ ея національной солидарности и историческомъ развитіи. Она занимается только изученіемъ материальныхъ благъ, обладающихъ цѣнностью, и временнымъ существованіемъ отдѣльныхъ личностей, игнорируя поддержаніе общественнаго производства, интел-

лектические продукты, духовные силы, эстетическая наслажденія и государство съ его высшими задачами и цѣлями. Но преслѣдованіе частными лицами своихъ личныхъ интересовъ не можетъ создать общественного блага.

Сила общества, сконцентрированная въ правительствѣ, имѣеть цѣлью заботиться о поддержаніи естественного порядка вещей, о справедливомъ распределеніи какъ юридическихъ, такъ и соціальныхъ, какъ материальныхъ, такъ и нравственныхъ благъ общественного соединенія и прогресса равномѣрно на всѣхъ членовъ общества; для этого требуется только регулированіе дѣйствій предвѣчно существующихъ естественныхъ законовъ природы и поддержаніе совмѣстныхъ имъ условій. Это необходимо для установленія справедливости между всѣми членами общества и для устраниенія тѣхъ преимуществъ и привилегированного положенія, которое нынѣ занимаетъ въ промышленномъ мірѣ капиталъ, для уничтоженія тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ погоню за деньгами и концентрацію богатствъ. Но для классической школы политической экономіи основаніемъ служило механическое, атомистическое и материальное общество безъ духовнаго его элемента, а потому она игнорировала духовные силы и нравственный порядокъ, основанный на справедливости, который господствуетъ въ соціальномъ мірѣ.

На ряду съ материальными благами или цѣнностями существуетъ производительная сила—элементъ гораздо болѣе важный для народа, чѣмъ сила цѣнности, элементъ, приобрѣтаемый нерѣдко пожертвованіемъ цѣнностей, именно: духовное и физическое развитіе человѣка, свобода дѣятельности, обеспеченіе пользованія труда, его продуктивность, наука и искусство, развитіе промышленности и могущества государства. Формы хозяйственнаго устройства, подобно всѣмъ общественнымъ явленіямъ природы, имѣютъ, безъ сомнѣнія, и общечеловѣческія и мѣстныя стороны и въ этомъ смыслѣ подчиняются какъ общимъ, всеобъемлющимъ міровымъ законамъ природы, такъ и относительнымъ, времененнымъ постановленіямъ.

Трудъ, капиталъ и земля.

Багатство общества заключается не въ количествѣ мѣновыхъ цѣнностей, но въ развитіи его производительныхъ силъ—труда, поэтому, то общество много теряетъ и неправильно организовано, въ которомъ встрѣчаются лица, не могущія найти приложенія для своего производительного труда. Экономическое благоустройство общества и его воспитаніе важнѣе производства цѣнностей, и настоящее поколѣніе должно жертвовать своими временными выгодами для обеспеченія силъ и способностей постоянныхъ и необходимыхъ для процвѣтанія будущихъ поколѣній.

Основная задача хозяйства—увеличеніе производительности труда или его продуктивности. Всякій законъ и учрежденіе имѣеть цѣну настолько, насколько содѣйствуетъ этому условію. Трудъ человѣка можетъ видоизменять и пользоваться благами, земля или природа доставляетъ ихъ, а ка-

питалъ способствуетъ труду въ его работѣ. Только трудъ является активнымъ факторомъ всякой дѣятельности, а потому польза общества требуетъ доставлять работу каждому желающему трудиться и замѣнить милостыню платой за трудъ. Такъ какъ всѣ произведенія приобрѣтаются трудомъ, то цѣнность вещи для ея владѣльца соответствуетъ тому количеству труда, которое можетъ быть куплено этимъ произведеніемъ. Дѣйствительная цѣнность каждого произведенія—это трудъ, который нужно употребить на его приобрѣтеніе. То, что дѣйствительно стоитъ вещь—это трудъ, отъ котораго она можетъ избавить владѣльца вещи или который она позволяетъ наложить на другихъ лицъ. То, что покупается на деньги, покупается трудомъ, точно такъ же, какъ и то, что приобрѣтается въ потѣ лица. Трудъ былъ первою цѣною—естественною монетою, уплачиваемою за всѣ вещи. Такъ говорить Адамъ Смитъ, и съ этимъ согласны всѣ экономы міра. Въ началѣ произведенія труда исключительно принадлежали работнику; но послѣ образования земельной собственности и появленія капиталовъ, дѣйствительная цѣна распалась на три части. Изъ вознагражденія труда сдѣланы были два вычета: ренты, платимой землевладѣльцу за пользованіе землею, и прибыли, платимой капиталисту за пользованіе капиталомъ. Такъ образовались три составные части дѣйствительной цѣны: заработка плата, рента и прибыль.

Капиталъ только помогаетъ труду и усиливаетъ производительность; онъ облегчаетъ также раздѣленіе занятій и сочетаніе труда. Но человѣкъ не можетъ ни увеличить, ни уменьшить количество вещества, изъ котораго состоитъ міръ; онъ можетъ только измѣнить форму вещества или перемѣстить его съ одного мѣста на другое. Производство состоить въ усвоеніи, измѣненіи и перемѣщеніи даровъ природы. Прогрессъ неразрывно связанъ съ производствомъ и торговлею, и то вліяніе, которое они оказываютъ на общее положеніе цивилизаций, служитъ вѣрнымъ мѣриломъ состоятельности этой цивилизациі; а то пагубное вліяніе, тотъ пауперизмъ, который производится прогрессомъ техники, служитъ явнымъ и неопровергнутымъ доказательствомъ несостоятельности современной цивилизациі.

Междудо капиталомъ и трудомъ не должно существовать антагонизма, но, напротивъ—гармонія интересовъ: первому нужно примѣненіе къ дѣятельности, а второму нужны средства для дѣятельности; при нормальныхъ условіяхъ капиталъ отдается въ распоряженіе труда. Трудъ и капиталъ по самой природѣ вещей должны дополнять другъ друга и содѣйствовать одинъ другому. Уничтоженіе существующей теперь финансовой опеки капиталу является альфой и омегой задачи современной экономіи. Неотъемлемое право индивидуума на безпрепятственное пользованіе своимъ трудомъ и его продуктами служить основаніемъ всякой дѣятельности, и экономія тѣсно связана съ юриспруденціей и этикой народа.

Сама наука политической экономіи несправедливо опредѣляется, какъ наука о богатствѣ: она проще всего и главнымъ образомъ—наука о труде, какъ единственномъ основаніи, факторѣ и началѣ всякаго народнаго благосостоянія. Она должна рассматривать не производство, распределеніе и

потребленіе богатства, но продуктивность, распределеніе и вознагражденіе труда, его потребленіе и приложеніе.

Въ каждомъ человѣкѣ равно преобладаетъ желаніе сохранить и улучшить свое положеніе. Это желаніе побуждаетъ его къ основанію семейства и къ приобрѣтенію власти надъ средствами, называемыми богатствомъ. Изъ этихъ средствъ образуется капиталъ, который обусловливаетъ собою улучшеніе качества и уменьшеніе количества труда, необходимаго въ производствѣ и составляетъ главное орудіе нашего материальнаго и нравственнаго развитія. Всякое благоустроенное общество должно давать всѣмъ своимъ членамъ равную возможность удовлетворять свои законныя стремленія; оно должно способствовать благосостоянію возможно большаго числа своихъ членовъ и возможно болѣе равномѣрному распределенію благъ въ массѣ народа. Всякая система, способствующая концентраціи капитала и преобладанію одного класса общества надъ другимъ, разлагаетъ общество на враждебные лагери, разрушаетъ гармонію, обезсиливаетъ народъ духомъ разъединенія и, наконецъ, что всего хуже, деморализируетъ нравственно, порождая въ высшихъ классахъ пороки избыткомъ богатствѣ и роскошью, а въ низшихъ—крайнею нуждою, невѣжествомъ и озвѣрѣніемъ. Благоденствіе народовъ и счастіе индивидуумовъ существуютъ въ той мѣрѣ, въ какой законамъ природы дано управлять дѣйствіями людей; бѣдность и нищета, развратъ и роскошь должны быть приписаны нарушенію этихъ законовъ человѣкомъ и существуютъ соразмѣрно съ такимъ нарушеніемъ, а потому политическая экономія, изучающая эти законы, призвана быть руководителемъ въ дѣятельности человѣка. Ей приходится постоянно имѣть дѣло съ условіями, отъ которыхъ зависитъ внутреннее и внѣшнее счастіе людей, и быть безпредвзятнымъ судьею дѣйствій, въ которыхъ нарушается законъ божественной и человѣческой справедливости. Въ ней рѣчь идетъ о благѣ и счастіи человѣка и невольно напоминаетъ о невинно страдающихъ жертвахъ общественнаго строя.

По мѣрѣ увеличенія въ странѣ населенія и умноженія капитала, цѣна на всѣ предметы потребленія повышается, жизнь становится дороже и труднѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается и централизація капиталовъ вслѣдствіе усовершенствованія способовъ производства. Это увеличеніе капиталовъ происходитъ неравномѣрно во всѣхъ классахъ общества, а въ богатыхъ классахъ гораздо болѣе, чѣмъ въ бѣдныхъ, такъ какъ централизація капитала стремится сосредоточить богатства въ немногихъ рукахъ. Такимъ образомъ благъ, прогресса достается несравненно болѣе капиталистамъ и потому на долю массъ приходится непропорціонально менѣе, чѣмъ слѣдовало бы соотвѣтственно съ пониженіемъ цѣны денегъ или, что все равно, съдорожаніемъ жизни,—не пропорціонально менѣе той суммы денегъ, которая пускается въ обращеніе, а потому жизнь народа становится все тяжелѣе и труднѣе. Прогрессъ вмѣсто того, чтобы облегчать положеніе массъ, ухудшаетъ его. Отсюда и выходитъ то несообразное явленіе, что при пониженіи цѣнности капитала трудъ не только не облегчается, но даже уси-

ливаются для пріобрѣтенія этого капитала, и доля рабочихъ въ итогѣ производства непрерывно уменьшается.

Между тѣмъ способъ распредѣленія благъ во всей массѣ общества имѣть огромное вліяніе на благосостояніе и на всю жизнь и развитіе народа; чѣмъ равномѣрнѣе и справедливѣе распредѣляются богатства въ массѣ общества, чѣмъ болѣе широкое распространеніе они въ немъ получаютъ, чѣмъ большія группы народа собой захватываютъ и чѣмъ большее число людей можетъ пользоваться благами цивилизациіи, тѣмъ и благосостояніе общества выше. Другими словами, оно зависитъ не только отъ самого количества богатствъ, но и отъ ихъ распредѣленія. Для блага общества необходимо, чтобы всѣ классы его принимали справедливое участіе въ пользованіи богатствами, добываемыми обществомъ. Особенно это важно по отношенію къ самымъ многочисленнымъ и основнымъ классамъ общества, а потому участіе рабочаго класса въ распредѣленіи богатствъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ политической экономіи.

Землевладѣлецъ, капиталистъ и работникъ—вотъ три фактора современной промышленной дѣятельности—факторы, которыми кишитъ современный міръ, которые составляютъ главную массу всякаго современного общества. Отъ ихъ благосостоянія или бѣдствія зависитъ благосостояніе или бѣдствіе народа. Ихъ интересы въ то же время—интересы и всего народа; и все, что волнуетъ или потрясаетъ ихъ, что ихъ гнететъ или облегчаетъ, то волнуетъ и потрясаетъ, гнететъ и облегчаетъ весь народъ. И это только потому, что громадная масса народа принадлежитъ именно къ этимъ тремъ классамъ. Дѣйствительно, всѣ другіе классы, сложенные вмѣстѣ, не составятъ и десятой доли того, что составляютъ эти три класса: доктора, адвокаты, педагоги, люди всѣхъ свободныхъ профессій, военные, чиновники и всѣ служащіе въ казенныхъ учрежденіяхъ на государственномъ жалованіи; священники, монахи, профессора и люди науки или искусства, какъ художники, артисты, архитекторы, наконецъ, домашняя прислуга, лакеи, кучера и извозчики, всѣ эти классы и корпораціи людей, взятые вмѣстѣ, не составятъ и десятой доли того числа, которое составляютъ классы землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ. Но, кроме своего численного превосходства, эти три класса важнѣе всѣхъ остальныхъ и по своей дѣятельности и по тому положенію, которое они занимаютъ въ государствѣ. Только они непосредственно участвуютъ въ промышленности, только они составляютъ группу производительныхъ людей и добываютъ всѣ тѣ материальныя богатства, которыхъ необходимы для существованія народа и поддержанія государства. Всѣ остальные классы, такъ сказать, содергятся на ихъ счетъ: ихъ трудомъ или капиталомъ, или, наконецъ, ихъ позволеніемъ пользоваться природою и всѣми необходимыми средствами для производства богатствъ и существованія. Такъ, ни чиновникъ, ни докторъ, ни священникъ, ни актеръ, ни лакей, ни извозчикъ въ сущности не производятъ сами никакого материальнаго богатства и только получаютъ его отъ этихъ трехъ классовъ за свои услуги, которыхъ они имъ оказывають.

Богатство переходитъ въ ихъ руки путемъ дальнѣйшаго распределенія, но первоначально оно добывается только этими тремя классами.

Такъ, напр., если бы земледѣлецъ не взrostилъ на своемъ полѣ льна, если бы капиталистъ не скупилъ его на свою фабрику, а рабочій не превратилъ его путемъ обработки въ полотно, то ни за какія деньги нельзя было бы достать бѣлья. То же нужно сказать и обо всѣхъ другихъ полезностяхъ и объ каждой вещи первой необходимости. Возьмите любой изъ предметовъ, какой первый вздумается, какой прежде бросится на глаза въ комнатѣ: спички, карандашъ, хлѣбъ, шоковая матерія, ножъ или мѣдная кастрюля, наконецъ, самый домъ, въ которомъ живете,—всѣ эти вещи и предметы—результатъ послѣдовательнаго или взаимнаго участія землевладѣльца, капиталиста и работника. Землевладѣлецъ посвѧлъ сѣмя, капиталистъ скучилъ жито оптомъ на свою мельницу, работникъ измололъ его въ муку. Безъ земли, капитала и труда невозможна никакая дѣятельность. Весь материальный запасъ народнаго имущества, все вещественное богатство, которымъ народъ владѣеть, все это является произведеніемъ силъ природы, капитала и труда. Если имѣется карандашъ, которымъ можно писать, то это потому, что составляющей его графитъ былъ добытъ рудокопомъ изъ земли,—купленъ капиталистомъ на фабрику и обдѣланъ рабочими въ дерево. По этой-то причинѣ, что никакой материальной вещи, необходимой для поддержанія нашего существованія, для нашей ли общественной жизни или домашнаго обихода, нельзя достать въ современномъ обществѣ помимо земли, капитала и труда, по этой-то причинѣ и три класса общества, владѣющіе землей, капиталомъ и трудомъ, имѣютъ такое огромное первенствующее значеніе въ современной жизни. Безъ участія землевладѣльца или, покрайней мѣрѣ, безъ позволенія его пользоваться землею и производительными силами природы другимъ—будетъ ли это земля пахатная или подъ садомъ, городская ли, угольныя залежи или соляныя коши, безъ содѣйствія капиталиста въ добываніи и обработкѣ добытаго изъ земли продукта и безъ труда работника—невозможно существованіе общества. Дѣятельность этихъ трехъ классовъ направлена на удовлетвореніе самыхъ элементарныхъ, необходимыхъ, материальныхъ потребностей общества, безъ которыхъ не возможно само животное существованіе человѣка. Потому-то дѣятельность ихъ такимъ тѣснымъ образомъ связана съ интересами общества и гораздо элементарнѣе для него, чѣмъ дѣятельность всѣхъ остальныхъ классовъ. Въ виду такого значенія и численнаго перевѣса этихъ трехъ классовъ въ обществѣ—ясно, почему всякое явленіе, оказывающее то или другое вліяніе на нихъ, всякое обстоятельство, волнующее ихъ или затрагивающее ихъ интересы, тотчасъ же отзыается и даетъ себѣ чувствовать на всемъ обществѣ. Эти три класса составляютъ, такъ сказать, основаніе и фундаментъ народа: на нихъ зиждется вся общественная организація; и потому, чтобы радикально излѣчить тѣ язвы, которыя разъѣдаютъ современное общество, чтобы уничтожать все то зло въ самомъ его корнѣ, которое тяготѣеть надъ нимъ, и установить въ немъ прочное материальное благосостояніе и всеобщее благоденствіе, необходимо реорганизовать эти три

класса,—измѣнить систему ихъ взаимнаго отношенія и условія ихъ совмѣстной дѣятельности. Конечно, что для рѣшенія столь огромной задачи нужно руководиться не какими-либо началами условными и преходящими, не какими-нибудь юридическими законами или гражданскими правами, но однимъ, вѣчнымъ, неизмѣннымъ и непреложнымъ, нравственнымъ закономъ справедливости. А этотъ законъ требуетъ воздавать каждому должное по его заслугамъ и прямо пропорционально имъ. Итакъ, чтобы воздать каждому должное по дѣламъ его, нужно знать дѣятельность каждого изъ этихъ трехъ классовъ и ту степень участія, которое они принимаютъ въ производствѣ материальнаго богатства. Возьмемъ самый простой примѣръ, гдѣ участвуютъ эти три фактора: хлѣбный промыселъ. Вотъ передъ нами крестьянинъ—арендаторъ. Онъ обрабатываетъ поле собственнымъ трудомъ: пашетъ, сѣетъ, удобряетъ, затѣмъ онъ ничего болѣе не предпринимаетъ и оставляетъ послѣвъ произрастать: всю главную работу сдѣлаетъ сама природа; она съ лихвой вознаградитъ его трудъ и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи: за послѣянныя сѣмена она дастъ жито, за каждую затраченную четверть послѣва—уродить въ шесть, семь разъ болѣе. Конечно, хлѣбопашецъ въ правѣ взять себѣ изъ собраннаго урожая обратно все то количество, которое употребилъ на послѣвы и, кроме того, вполнѣ заслуживаетъ получить нѣкоторую часть въ качествѣ вознагражденія за свой трудъ, необходимую для поддержанія его безбѣднаго существованія. Остальная часть сбора уплачивается землевладѣльцу. Затѣмъ собранный урожай свозится зерномъ на мельницу, гдѣ работники перемалываютъ его въ муку. Конечно, хозяинъ мельницы—капиталистъ и работники получаютъ вознагражденіе: первый за свое содѣйствіе труду, а послѣдае за свой трудъ. Вознагражденіе это равняется заработной платѣ перемола за вычетомъ издержекъ производства. Ясно, что работники, непосредственно прилагавшіе свой трудъ къ обработкѣ зерна, имѣютъ преимущество въ правѣ на вознагражденіе, чѣмъ капиталистъ—хозяинъ мельницы; такъ какъ только трудъ—единственно неотъемлемая, естественная собственность человѣка—даетъ право на приобрѣтеніе собственности. Поэтому работники являются хозяевами вознагражденія, а капиталистъ за свое содѣйствіе труду получаетъ право участія въ ихъ вознагражденіи. Ему принадлежитъ извѣстный справедливый процентъ, соотвѣтственный употребленному имъ въ дѣло капиталу, но основная часть прибыли принадлежитъ рабочимъ и дѣлится между ними пропорционально ихъ труду.

Въ первобытныя времена до образованія еще организованныхъ обществъ, когда люди жили отдельно и бродили по бесконечнымъ незаселеннымъ пространствамъ земли, добывая сами себѣ все необходимое для своего существованія,—когда охота и рыбная ловля составляли единственный способъ получения пищи и одежды, тогда только трудъ являлся единственнымъ факторомъ дѣятельности человѣка; человѣкъ былъ обеспеченъ настолько, насколько могъ добыть трудомъ необходимое количество пищи для своего существованія. Ни рента, ни капиталъ не имѣли тогда мѣста, такъ какъ земельной собственности не существовало—земля была общимъ

достояніемъ всѣхъ, подобно водѣ и воздуху, а капиталомъ являлся развѣ только излишekъ продуктовъ предшествующаго труда въ видѣ запаса на нѣкоторое время; но онъ не имѣлъ вовсе того самостоятельнаго значенія, которое пріобрѣлъ въ современномъ обществѣ, онъ былъ только избыткомъ производительности труда надъ тѣмъ количествомъ, которое необходимо для разового потребленія человѣка. Только трудъ составлялъ основу всякой дѣятельности и только онъ одинъ давалъ право производителю на собственность своего произведенія. Господствующее значеніе капитала, которое является въ современномъ обществѣ, не могло имѣть мѣсто въ тѣ первобытныя времена, когда еще не существовало никакихъ искусственныхъ организаций и системъ, когда каждой вещи давалось свойственное ей естественное назначеніе. Капиталъ не могъ обладать той мѣновой цѣнностью, которую пріобрѣлъ нынѣ, ибо каждый имѣлъ тогда только самое необходимое для своего существованія—то же, что и всѣ другіе, и потому не могъ ничего купить у другихъ и не имѣлъ надобности продавать своихъ произведеній. Кромѣ отсутствія надобности въ куплѣ-продажѣ, капиталъ не могъ быть употребляемъ какъ средство для освобожденія себя отъ труда или для сложенія съ себя труда на кого-нибудь другого, такъ какъ всѣ въ равной мѣрѣ пользовались благами природы, всѣ обладали естественной способностью къ примитивному труду и могли работать независимо для самихъ себя для поддержанія собственного существованія. Никто не имѣлъ надобности идти въ услуженіе къ другому и не согласился бы отдавать свой трудъ въ чужое пользованіе, а потому капиталъ имѣлъ только подчиненное второстепенное значеніе, соотвѣтственное естественному положенію вещей и своей природѣ; онъ зависѣлъ всецѣло отъ труда. Только общественная организация и современная экономическая система дали то значеніе капиталу, какимъ онъ теперь пользуется.

Это значеніе является результатомъ не отдѣльныхъ частныхъ лицъ и ихъ особыхъ единичныхъ между собой сдѣлокъ, а всего общества въ его цѣломъ,—всей его совокупной, сложной дѣятельности и той среды, которая вырабатывается взаимными соотношеніями всѣхъ членовъ общества между собою. Если деньги или вообще всякий капиталъ имѣеть теперь столь огромное значеніе, то это по тому, что существуетъ такая общественная среда, которая даетъ возможность капиталисту приложить свой капиталъ для удовлетворенія своихъ потребностей путемъ купли нужныхъ ему вещей; даетъ возможность ему наложить при содѣствіи капитала обязанности труда на другихъ людей въ свою пользу или пустить свой капиталъ въ оборотъ на выгодныхъ для него условіяхъ. Такъ, если сто тысячъ рублей деньгами или многоэтажный домъ или неводъ послѣдней самой усовершенствованной конструкціи имѣютъ теперь для владѣльца этихъ предметовъ большое значеніе, то это только потому, что за свои деньги онъ можетъ пріобрести, благодаря современному общественному устройству, современнѣй развитой промышленности и всемирной торговлѣ, все необходимое для своего пріятнаго существованія,—что въ домѣ его поселяются квартиранты, которые приносятъ ему хороший доходъ,—что, наконецъ, усовершенствован-

ный его неводъ даетъ ему возможность пользоваться болѣшимъ уловомъ, который доставляетъ ему соотвѣтственно и болѣшій заработка.

Преимущество теперь, что этотъ владѣлецъ ста тысячъ рублей, многоэтажного дома и усовершенствованного невода очутился вдругъ со всѣмъ своимъ имуществомъ гдѣ-нибудь въ безлюдной странѣ, на какомъ-либо необитаемомъ островѣ. Какое значеніе будуть имѣть тогда всѣ его капиталы? Они сразу потеряютъ всякое значеніе. Его сто тысячъ окажутся совершенно ненужными, такъ какъ на эти деньги ничего незыбъ будетъ купить или сдѣлать изъ нихъ другого употребленія для удовлетворенія своихъ потребностей за отсутствиемъ общественной среды, и капиталисту придется трудиться самому и добывать собственнымъ трудомъ средства для своего существованія. Точно также и домъ останется стоять порожнякомъ и не будетъ приносить никакого дохода. Онъ окажется слишкомъ обширнымъ для своего одинокаго обитателя, которому вполнѣ достаточно одной комнаты, а потому не доставить ему болѣшей выгода, чѣмъ маленькая хижина или какая-нибудь ватуральная пещера въ дикой скалѣ; наконецъ, его усовершенствованный неводъ не принесетъ болѣшей пользы, чѣмъ примитивное удилище первобытнаго рыбака, такъ какъ весь избытокъ улова, превышающій мѣру его собственнаго потребленія, некому будетъ сбывать и, такимъ образомъ, усовершенствованіе утратить для него свое главное назначеніе; отсюда ясно, что если капиталъ и играетъ теперь такую важную господствующую роль, то это не вслѣдствіе своего собственнаго естественного достоинства, заключающагося въ немъ самомъ, также не вслѣдствіе достоинствъ его владѣльца или какихъ-либо особыхъ индивидуальныхъ качествъ частныхъ лицъ, а единственно благодаря силѣ общества въ его цѣломъ и той средѣ, которую оно развиваетъ путемъ сближенія отдѣльныхъ индивидуумовъ и посредствомъ организаціи ихъ взаимныхъ соотношеній. Такимъ образомъ, современное значеніе капитала является всецѣло результатомъ общественной дѣятельности и экономической организаціи народа. Различныя общественные учрежденія и юридические институты — собственность, наслѣдованіе, договорное право и т. п. предоставляютъ собою только историческія категории, которые измѣнялись въ прошедшемъ и будутъ измѣняться въ будущемъ. Они не представляютъ собой опредѣленного и постоянного порядка вещей и тѣмъ менѣе могутъ служить основаниемъ для естественныхъ правъ отдѣльной личности. Уже Д. С. Милль замѣтилъ, что распределеніе зависитъ всецѣло отъ общественной организаціи. Конечно, организація общества обусловливается степенью его соціального развитія.

Опасности и неудобства, возникающія вслѣдствіе неудовлетворительной организаціи въ мірѣ труда, должны особенно привлекать вниманіе общества и побуждать его къ реформамъ въ этой сферѣ соціальныхъ отношеній; ибо вопросъ о труде стоитъ теперь на первой очереди и тѣ опасности, то обостренное положеніе, которое онъ вызываетъ, лучше всего свидѣтельствуютъ о той степени несоотвѣтствія съ современными нуждами и развитіемъ общества, въ какой находится нынѣшняя организація труда. Кромѣ

устраненія опасностей, угрожающихъ общественному порядку и помимо временныхъ палліативовъ, облегчающихъ давленіе соціальныхъ несправедливостей, правительство въ вопросѣ обѣ организаціи труда должно руководиться непреложными, твердыми законами справедливости и проводить коренные преобразованія, основанная на нравственныхъ неколебимыхъ началахъ. Промышленное общество не можетъ долго оставаться безъ систематического твердаго устройства. Свободная борьба частныхъ интересовъ никогда не создаетъ хорошо организованнаго труда. Одна свобода безъ фундаментальной поддержки справедливости не можетъ решить вопроса; свобода только необходимое условіе для решения практическихъ проблемъ. Она даетъ природнымъ силамъ возможность развиться и обнаружить свои характерныя тенденціи, но сама по себѣ не въ состояніи удовлетворительно решить вопроса. Доведенный до крайности классъ общества можетъ воспользоваться своей свободой для разрушенія или уничтоженія тяготѣющей надъ нимъ несправедливой организаціи, но никогда не въ состояніи учредить для себя новую болѣе справедливую; свобода имѣть отрицательный, а не положительный характеръ. Въ обществѣ она составляетъ элементъ разрушенія и очищаетъ путь для болѣе высшихъ формъ соціальной жизни. Конечно, съ теченіемъ времени, промышленное общество, такъ или иначе, организуется и удовлетворить вѣчнымъ требованіямъ справедливости, но было бы большой ошибкой дать полный просторъ свободнымъ инстинктамъ отдѣльныхъ классовъ, предоставивъ ходъ вещей собственному теченію и отдавъ столь существенные интересы общества на произволъ слѣпыхъ случайностей. Дѣло правительства—отвратить всякия неопределенные случайности и направить движение твердой рукой къ благопріятной и неизбѣжной развязкѣ, указываемой непреложными нравственными законами. Настоящее переходное положеніе, которое налагаетъ на всѣ явленія какой-то двусмысленный характеръ, болѣе всего даетъ чувствовать дисгармонію въ промышленной жизни, которая во всѣхъ отношеніяхъ весьма не соответствуетъ современнымъ гуманнымъ воззрѣніямъ. Это доказываетъ, что общество пережило уже современную свою промышленную систему, что система эта уже устарѣла и не удовлетворяетъ развившимся взглядамъ общественного мнѣнія и требованіямъ справедливости. Необходимо установить новую болѣе нравственную организацію, и это главная задача современного общества—это вопросъ дня, не терпящій отлагательствъ. Правительству предстоитъ теперь опять славное дѣло уничтоженія рабства—рабства еще болѣе чувствительнаго и деморализующаго, чѣмъ крѣпостничество, рабства сотенъ тысячъ приниженныхъ и угнетенныхъ матеріальной нуждой рабочихъ отъ тяжелаго ига концентрирующагося капитала.

И если условія новаго порядка вещей еще не достаточно поняты, такъ это потому, что общество еще никакъ не можетъ от脫яться отъ той ложной идеи, которую навѣяла старая экономическая школа; оно съ трудомъ усваиваетъ ту истину, что не эгоистическій интересъ управляетъ соціальными явленіями, но рѣшающій и не терпящій противорѣчій императивъ

нравственной справедливости. Учреждения будущего должны покойться не на переходящих чувствах и привычках, а на постоянных неизменных основаниях. Решение вопроса должно иметь въ высшей степени нравственный характеръ; и религія, заключающая въ себѣ чистоту евангельской истины о справедливости и братствѣ, является естественнымъ учителемъ и наставникомъ для устраненія или ослабленія соціальныхъ бѣдствій, связанныхъ съ промышленной жизнью. Важная роль правительства въ этомъ вопросѣ тѣмъ больше приобрѣтаетъ значеніе, что только оно, своимъ энергическимъ содѣйствіемъ и предупрежденіемъ требованій времени, идя навстрѣчу голосу нравственности, можетъ предотвратить насильственную борьбу и всѣ послѣдствія соціалистического зла. Возникающе въ обществѣ сознаніе нравственного долга не находитъ еще дѣйствительныхъ средствъ для удовлетворенія своихъ требованій для распространенія, поддержанія и практическаго приложенія закона справедливости. Отсюда вытекаетъ это двусмысленное, шаткое современное положеніе.

Только твердое и мощное вмѣшательство просвѣщенной власти, ясно сознающей требованія абсолютной справедливости, можетъ болѣе чѣмъ всякая другая сила способствовать постепенному и мирному образованію новой промышленной и финансовой системы. При разрѣшеніи практическихъ вопросовъ общества частичный синтезъ невозможенъ, и для экономической реорганизаціи общества необходимо универсальное, не только материальное, но и умственное и нравственное обновленіе. Промышленный переворотъ, въ которомъ чувствуется такая настоятельная необходимость, для осуществленія котораго работаетъ столько головъ и скорое наступление котораго замѣтно по многимъ признакамъ, не долженъ тяготѣть болѣе своею угрожающей опасностью надъ обществомъ и истощать его столь изнурительными, напряженными усилиями для временного поддержанія старого порядка, который рано или поздно долженъ уступить требованіямъ справедливости.

Правительство, конечно, не будетъ пассивнымъ факторомъ этого великаго, неминуемаго переворота; оно приметъ дѣятельное, верховное участіе и возьметъ подъ свое покровительство попранныя права справедливости. Оно создастъ организацію, соотвѣтственную новымъ требованіямъ жизни, которой предназначено измѣнить радикально общественное состояніе, подѣйствовать на всю культуру, опредѣлить взаимные отношенія людей, однимъ словомъ, направить всѣ средства общества на достиженіе единой и великой цѣли—сохраненіе и развитіе человѣчества. Эта великая и славная задача всецѣло лежитъ на правительствахъ и составляеть ихъ священную обязанность, — ихъ нравственный долгъ, потому что только они располагаютъ достаточными средствами и необходимыми силами для цѣлеобразнаго и счастливаго осуществленія этихъ непреложныхъ цѣлей.

Какъ бы далеко не простидалось развитіе начала личности или общественности, но одно не исключаетъ другого. Индивидуальная свобода, частная собственность такъ же точно не мыслимы въ общества, въ которомъ человѣкъ и его имущество принуждены служить общественнымъ цѣ-

лямъ и гдѣ весь порядокъ хозяйственныхъ отношеній слагается подъ вліяніемъ права, развивающагося путемъ закона или обычая, какъ не мыслимо такое общественное устройство, которое сглаживало бы всякое проявленіе человѣческой личности, всякий слѣдъ частной собственности.

Равнымъ образомъ порядокъ распределенія богатства всегда предполагаетъ и условленное вознагражденіе за услуги и разныя повинности для удовлетворенія потребностямъ общества. Съ природой вещей одинаково несомнѣнно, съ одной стороны, чтобы отношенія индивидуума къ обществу зависѣли отъ произвола частныхъ личностей, а съ другой — чтобы всѣ общественные отношенія имѣли лишь обязательный характеръ, исключающій всякую личную иниціативу. Поэтому вовсе и не можетъ быть рѣчи о выборѣ между обществомъ, основаннымъ исключительно на частномъ интересѣ, личной свободѣ, соперничествѣ и частной собственности и обществомъ чисто коммунистическимъ. Достоинство истинной системы и соответствие ее съ главною хозяйственную цѣлью человѣка состоитъ не въ томъ, чтобы подавить то или другое начало — личность или общественность, а въ томъ, чтобы оба эти начала получили возможно полное развитие, — только не въ ущербъ другъ другу. Предѣлы, въ которые заключена свободная дѣятельность человѣка, должны раздвигаться все далѣе и далѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ общество принимаетъ на себя заботу объ безопасности, удобствахъ, объ возможно лучшемъ удовлетвореніи потребностей частныхъ лицъ и объ поддержаніи справедливости въ ихъ сношеніяхъ между собою.

Истинное богатство и благосостояніе человѣчества увеличиваются только тогда, когда оно добываетъ изъ природы для своего пользованія что-нибудь совершенно новое, прежде для него не приносившее никакой пользы. Но ни благосостояніе, ни богатство человѣчества не можетъ увеличиться путемъ обогащенія или улучшенія одного человѣка или одного класса общества насчетъ другого, потому что все приобрѣтенное такимъ образомъ однимъ отнимается у другихъ людей, и подобное обогащеніе одного неминуемо влечетъ обнищеніе другихъ. Въ результатѣ — въ общей суммѣ богатствъ общества — не происходитъ никакого приращенія, а только — перемѣщеніе или иное распределеніе ихъ, еще болѣе несправедливое чѣмъ прежнее.

Но согласованія интересовъ, какъ чего-то непремѣнного и необходимаго, не существуетъ; оно вырабатывается цивилизаціею и возможно при нравственномъ авторитетѣ верховной власти или принудительной силѣ тамъ, гдѣ одной нравственной силы недостаточно. Возмущеніе силъ въ общественной сферѣ, столкновеніе интересовъ различныхъ классовъ ведетъ къ борьбѣ ихъ; и гармонія между ними возникаетъ лишь тогда, когда всѣ силы бываютъ болѣе или менѣе уравновѣшены. Поэтому общность имущество, проповѣдуемая соціалистами — вредна, такъ какъ она даетъ чрезмѣрное преобладаніе элементу общественности въ ущербъ индивидуальности и тѣмъ нарушаетъ равновѣсіе соціальныхъ силъ.

Но экономическая наука, занявшись исключительно изслѣдованіемъ

обмъна, превратилась въ простую теорію коммерції, вмѣсто, того чтобы изучать соціальное назначеніе, природу и распредѣленіе богатства и способы употребленія его для поддержанія и развитія общества. Если не принять во вниманіе этой идеи, то вся экономическая наука обращается въ руководство для рынка. Ложное представлениe о «естественной свободѣ» и «неотъемлемыхъ правахъ» должно быть отброшено: законы богатства должны получаться изъ наблюденія фактovъ богатства, а не изъ абстрактной посылки о человѣческомъ эгоизмѣ. Нужно изучать образъ отношеній самаго общества къ обеспеченію своего существованія и развитія и его мнѣнія объ справедливомъ пользованіи и распредѣленіи богатства. Необходимо всегда имѣть въ виду не эгоистические интересы частныхъ лицъ, а тѣ высшіе цѣли общества, ради которыхъ совершаются все экономическое движение человѣчества. Индивидуальная польза должна подчиняться общественной. Всякій дѣятель, всякая личность должна разсматриваться, какъ членъ общества и какъ органъ дальнѣйшаго общественного союза — человѣчества. Соображенія объ интересахъ личности должны замѣниться соображеніями объ ихъ функціяхъ въ обществѣ. Ученіе о правахъ должно замѣниться ученіемъ о долгѣ, которое одно можетъ опредѣлить справедливое значеніе и участіе въ обществѣ каждого класса и каждого члена и создаетъ справедливыя правила, благодѣтельно регулирующія дѣятельность всѣхъ и каждого въ этой коопераціи. Правительство, какъ органъ сосредоточенія общественной силы, какъ объединяющій и концентрирующій пунктъ всѣхъ элементовъ общественной жизни, должно равномѣрно и справедливо распространять необходимыя блага посредствомъ цѣлесообразныхъ и соответственныхъ общественныхъ законовъ: торговыхъ, финансовыхъ, экономическихъ, юридическихъ, политическихъ и административныхъ, — всѣхъ тѣхъ условныхъ законовъ, которые зависятъ отъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ, отъ положенія, состоянія и развитія общества; но само правительство должно руководиться при этомъ однимъ абсолютнымъ и непредложнымъ для всѣхъ временъ и условій нравственнымъ закономъ справедливости. Поэтому идея о «правительственномъ невмѣшательствѣ» не создаетъ нормального положенія вещей въ экономіи. Правительство имѣетъ цѣлью контролировать дѣятельность частныхъ интересовъ въ видахъ соціальной справедливости и пользы.

Усовершенствование производства, вводя въ процессы добыванія, переработки и доставки продуктовъ на рынокъ новые приемы, орудія и машины, даетъ возможность при томъ же трудѣ и капиталѣ получать большее количество продуктовъ. Слѣдовательно, всякая усовершенствованія уменьшаютъ издержки производства и удешевляютъ продукты. Увеличеніе количества продуктовъ и пониженіе цѣнъ на нихъ — благодѣтельно для массы населенія, но оно невыгодно для землевладѣльцевъ, потому что обработка худшихъ земель тогда становится ненужной и убыточной; предѣлъ культуры повышается, а это уменьшаетъ ренту. Такимъ образомъ, присвоеніе или монополія естественныхъ средствъ и силъ природы ведетъ къ неестественному состоянію вещей, которое, такъ сказать, вооружаетъ одну

часть населенія противъ другой. Вмѣсто того, чтобы созидать гармонію и взаимность интересовъ, какъ это дѣлаетъ всякое справедливое и естественное право,—право земельной собственности, напротивъ того, заставляеть цѣлый классъ общества, пользующійся этимъ правомъ, быть невольнымъ противникомъ общественного блага и промышленного прогресса. Но, разстраивая гармонію въ ущербъ материального благосостоянія общества, оно еще болѣе вредно по своимъ нравственнымъ вліяніямъ, возбуждая непріязнь и раздоры въ средѣ людей, вмѣсто того, чтобы способствовать ихъ единенію для дружного направленія всѣхъ общественныхъ силъ на общую пользу. Одна природа доставляетъ народное богатство, одна природа не только возмѣщаетъ издержки, сдѣланныя на производство, но и даетъ чистое приращеніе вещества въ качественномъ и количественномъ отношеніи. Обрабатывающая промышленность увеличиваетъ цѣнность только потому, что она увеличиваетъ полезность веществъ путемъ ихъ обдѣлки и видоизмѣненія, которое влечетъ за собою потребленіе цѣнности и вызываетъ издержки производства. Такимъ образомъ, если обрабатывающая промышленность и увеличиваетъ полезность благъ, то производить это путемъ уничтоженія другихъ полезностей, тоже взятыхъ изъ природы. Такъ, фабриканть, выдѣлывая изъ шерсти сукно, для того, чтобы произвести свой товаръ, долженъ обрабатывать эту шерсть: мыть, чесать, красить, прѣсть и ткать, а на эти процессы необходимо расходовать другія полезности: мыло, краски, масла, — необходимо употреблять разные прядильныя и ткацкія машины, которые отъ употребленія портятся, теряя часть своей полезности; и только такимъ образомъ: путемъ траты мыла, красокъ, масла, путемъ порчи машинъ и приложенія труда рабочихъ получается изъ шерсти матеріалъ высшей полезности—сукно, полезность котораго равняется суммѣ всѣхъ полезностей, израсходованныхъ на его производство. Отсюда ясно, что обрабатывающая промышленность не производитъ ничего новаго, она только видоизмѣняетъ блага, добытыя изъ природы, и увеличиваетъ ихъ полезность путемъ разнообразнаго сочетанія разныхъ полезностей между собою.

Во всѣхъ трехъ родахъ экономической дѣятельности: добывающей промышленности, обрабатывающей и распредѣляющей или обмѣнивающей, которые всѣ основаны и зиждутся на труде, только природа является единственнымъ факторомъ, производящимъ совершенно новыя блага; поэтому изъ всѣхъ трехъ производствъ только первое должно поддерживаться въ неустанно интенсивномъ состояніи, тогда какъ два послѣднихъ слѣдуетъ, по возможности, согласовать съ нуждами и потребностями общества; поэтому что, въ сущности, добывающее производство доставляетъ изъ природы всю сумму богатства, а два другія лишь видоизмѣняютъ это богатство и распредѣляютъ его. Они ничего не прибавляютъ къ богатству общества, особенно когда способствуютъ лишнему перепроизводству, такъ какъ обрабатывающая промышленность и распредѣляющая имѣютъ своимъ источникомъ добывающую съ приложеніемъ труда: ибо только то можно обработать и распредѣлить, что уже добыто изъ природы; но результаты добы-

вающей промышленности и труда находятся въ обществѣ. Слѣдовательно, если бы не происходило излишней обрабатывающей и распредѣляющей дѣятельности, то расходуемый на нее трудъ былъ бы направленъ на другія дѣйствительно нужные потребности и, такимъ образомъ, общество не только не обѣднѣло бы, но, напротивъ, обогатилось, замѣнивъ непроизводительный трудъ производительнымъ. Между тѣмъ какъ теперь обрабатывающая и распредѣляющая промышленность стремятся превзойти своимъ чрезмѣрнымъ предложеніемъ всякой спросъ и почти насильно сбывають свои произведенія, чѣмъ вызываютъ кризисы.

Изъ добывающей промышленности самое видное мѣсто по своему значенію занимаетъ земледѣліе; оно даетъ также лучшее физическое воспитаніе и, оставляя болѣе досуга, съ удобствомъ можетъ совмѣщаться съ умственной и нравственной дѣятельностью. Земледѣліе способствуетъ развитію общественной жизни и укрѣпленію государственного единенія; промышленность и торговля требуютъ болѣе свободы личности и индивидуальной иниціативы, которая не терпить стѣсненія налогами.

Поземельный налогъ съ ренты долженъ сопровождаться отмѣною всѣхъ другихъ налоговъ, а также всѣхъ ввозныхъ пошлинъ на земледѣльческие продукты, чтобы землевладѣлецъ не могъ, вслѣдствіе конкуренціи, перенести налогъ на цѣну продуктовъ. Всѣ же другіе налоги—собственно, налоги на трудъ и прямо ложатся на народныя массы; но они тѣмъ болѣе вредны, что задерживаютъ развитіе промышленной дѣятельности и богатства народа. Только налоги на предметы роскоши и излишества, какъ, напр., табакъ и водка—благодѣтельны.

Противъ Мальтуса.

Накопленіе капитала позволяетъ съ меньшаго пространства добывать болѣе средствъ для существованія, а взаимное содѣйствіе людей дѣлаетъ трудъ еще болѣе производительнымъ. При дальнѣйшемъ накопленіи капитала и сгущеніи населенія увеличивается легкость приобрѣтенія средствъ существованія съ болѣе ограниченной поверхности. Все это увеличиваетъ размѣръ ренты. Люди получаютъ возможность селиться все тѣснѣе, оказывая большую помошь и содѣйствіе другъ другу, и трудъ становится болѣе производительнымъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ возрастанія капитала, населеніе сгущается. Люди извлекаютъ выгоды изъ совокупной дѣятельности. Трудъ становится менѣе тяжкимъ, и количество услугъ, потребныхъ для обезнеченія существованія, уменьшается. Человѣкъ можетъ посвятить болѣе времени своему духовному образованію. Нравственное развитіе подвигается наравнѣ съ вещественнымъ, и добродѣтели, сопровождающія цивилизацію, замѣняютъ пороки дикой жизни.

Ученіе объ уменьшающейся производительности почвы, предполагающее постоянное увеличеніе трудности добыванія средствъ къ существованію человѣчества по мѣрѣ его размноженія, ошибочно уже потому, что по

мѣръ размноженія увеличеніе способности къ добыванію пищи проходитъ скорѣй, какъ свидѣтельствуетъ дѣйствительность, въ геометрической прогрессіи, а само размноженіе—въ ариѳметической прогрессіи, и, такимъ образомъ, размноженіе не увеличиваетъ трудности существованія, а, напротивъ, облегчаетъ его. По Мальтусу черезъ 250 лѣтъ населеніе увеличивается въ 2048 разъ, а продовольствіе только въ 22 раза; между тѣмъ, дѣйствительность свидѣтельствуетъ, что человѣческій родъ существуетъ уже не 250 и не 2500, а гораздо болѣе чѣмъ 5000 лѣтъ, и, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ не только не можетъ быть рѣчи о недостаткѣ продовольствія, но существуетъ еще масса пустопорожнихъ, незанятыхъ мѣстъ и годныхъ для обработки плодородныхъ пространствъ, для эксплуатации которыхъ не хватаетъ именно рабочей силы. Мальтусъ рекомендуетъ нравственное воздержаніе преимущественно рабочимъ; но почему же не капиталистамъ? Вѣдь воздерживаться для другихъ еще болѣе нравственно, чѣмъ для самого себя; и если ужъ пошло на нравственность, то вѣдь діэта и посты тоже весьма нравственны, слѣдовало бы рекомендовать и ихъ. Кромѣ того, если считать нравственнымъ задержаніе развитія жизни человѣчества путемъ уменьшенія рожденій, то еще болѣе нравственно отказываться отъ своей собственной жизни, принося ее въ жертву другимъ, и, такимъ образомъ, легко дойти до поощренія самоубийства. Количество жизненныхъ продуктовъ земли можетъ увеличиваться соразмѣрно съ увеличеніемъ затратъ труда, капитала и усовершенствованій, и хотя общее количество веществъ природы не можетъ увеличиваться, но путемъ измѣненія химического и постоянного круговорашенія, оно можетъ вѣчно поддерживать жизнь и никогда не израсходуется, именно, благодаря своему постоянству. Это то постоянство вещества и служить, именно, естественнымъ предѣломъ размноженія животныхъ организмовъ и человѣка на землѣ. Такъ, допустимъ, что для составленія организма человѣка требуется соединеніе азота, кислорода, углерода, водорода, фосфора, сѣры, воды, желѣза и многихъ другихъ веществъ, количества которыхъ, необходимыя для человѣческаго организма, обозначимъ послѣдовательно черезъ буквы X, Y, Z, A, B, V и т. д.; но на всей землѣ, въ природѣ этихъ веществъ, имѣется тоже ограниченные количества, которые обозначимъ черезъ буквы X', Y', Z', A', B', V' и т. д.; отсюда ясно, что отношеніе количествъ веществъ, необходимыхъ для образованія человѣческаго тѣла къ количествамъ ихъ, находящимся во всей природѣ, выраженное наименьшимъ числомъ и будетъ предѣломъ человѣческаго размноженія. Такъ, если отношеніе количества желѣза, необходимаго для человѣческаго организма, ко всему количеству желѣза, находящемуся на землѣ, выразится, допустимъ, числомъ 30 билліоновъ, а таковое же отношеніе водорода—числомъ 40 билліоновъ, а кислорода—числомъ 50 билліоновъ, сѣры—числомъ 20 билліоновъ, а фосфора—10 билліоновъ, то и предѣлъ размноженія человѣчества выразится въ 10 билліонахъ, т. е. наименьшимъ изъ всѣхъ отношеній. Если же принять во вниманіе, что для образованія человѣческаго организма необходимо совмѣстное существованіе всѣхъ этихъ веществъ въ строго опредѣ

ленныхъ количествахъ, что для этого, кромѣ того, нужны и другія соотвѣтственные условія, какъ-то извѣстная температура, порядокъ распределенія и сила взаимодѣйствія, и что всѣхъ этихъ многочисленныхъ условій и количествъ, необходимыхъ для образованія организма, часто можетъ не оказываться налицо въ рѣшительныя минуты, то предѣль возможнаго размноженія человѣчества еще болѣе съуживается.

Что касается пищи, то, съѣдая ее, человѣкъ не уничтожаетъ веществъ; онъ только въ своемъ организмѣ разлагаетъ ихъ, и они опять возвращаются землѣ и опять могутъ образовать такое же точно количество пищи, чтобы поддерживать безконечное существованіе человѣчества; такимъ образомъ, вовсе не существуетъ опасности отъ ограниченности количества земли и веществъ въ природѣ; напротивъ, она именно обезпечиваетъ отъ чрезмѣрного размноженія населенія, а круговорашеніе веществъ вполнѣ гарантируетъ средства существованія для людей. Такъ что само теоретическое разсужденіе Мальтуса неосновательно, потому что оно принимаетъ во вниманіе только предѣль средствъ существованія, но совершенно забываетъ, что такой же предѣль существуетъ и для самихъ существователей. А этотъ предѣль именно гораздо уже для послѣднихъ по причинѣ самой сложности человѣческаго организма. Чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ больше требуетъ онъ различныхъ веществъ для своего образованія и чѣмъ болѣе сложные условія требуются для его возникновенія, тѣмъ и средства, находящіяся въ природѣ, для его существованія все болѣе съуживаются. Природа всегда будетъ обладать большими средствами производить болѣе низшіе—менѣе сложные организмы, чѣмъ высшіе—болѣе сложные. Простыхъ животныхъ клѣточекъ, образующихъ высшіе организмы, всегда будетъ относительно болѣе, чѣмъ людей; злаковъ и растительныхъ веществъ всегда будетъ болѣе, чѣмъ животныхъ организмовъ, которые ими питаются; пищи и средства существованія всегда будетъ болѣе, чѣмъ самихъ существователей. И дѣйствительность показываетъ, что предѣль для самихъ существователей гораздо болѣе ограниченъ, чѣмъ для средствъ существованія. Со временеми изданія книги Мальтуса произошли совершенно противоположные его заключеніямъ результаты: скорѣй населеніе возросло въ ариѳметической прогрессіи, а средства существованія—въ геометрической. Такъ, сумма всѣхъ благъ, находящихся въ пользованіи цивилизованнаго человѣчества, возросла гораздо болѣе, чѣмъ въ ариѳметической прогрессіи, благодаря усовершенствованіямъ и прогрессу, а главное той рабочей силѣ, которую влечетъ за собой увеличеніе населенія; притомъ добываніе средствъ къ жизни сдѣлалось гораздо легче, и пищи приходится въ общемъ итогѣ болѣе на каждого человѣка, чѣмъ прежде. Трудность жизни происходитъ единственно только отъ неравномѣрности распределенія богатствъ. Предѣль человѣческаго прогресса и изобрѣтательности—неограниченъ. Въ Китаѣ на одной кв. милѣ 6000 жителей свободно добываютъ средства существованія, тогда какъ на всей землѣ средняя плотность выражается цифрой 600. Только ненормальный современный экономическойстрой превращаетъ ростъ населенія въ причину чрезмѣрной нищеты массъ, и един-

ственнымъ средствомъ до сего времени противъ этого служила эмиграція; но вѣдь она лишаетъ общество производительной силы. Увеличеніе населенія доставляетъ самое существенное богатство общества и первое условіе народного благосостоянія; населеніе есть живой капиталъ страны въ соединеніи съ живою силою природы, и при нормальномъ устройствѣ общества оно служить залогомъ всякихъ благъ и главнымъ условіемъ экономического прогресса. Въ Россіи же, гдѣ существуетъ такое громадное количество незаселенныхъ земель и нетронутыхъ природныхъ богатствъ, гдѣ на каждомъ шагу приходится страдать не отъ излишка, а отъ недостатка населенія, только ненормальное экономическое положеніе и сопряженный съ нимъ недостатокъ денегъ служать причиною материальной скучности народа. Даже теперь за послѣднія сто лѣтъ, когда капиталъ увеличивается быстрѣе населенія и усовершенствованій, что по экономической теоріи должно благопріятно отражаться на рабочихъ, даже и теперь рабочие приходятъ въ отчаяніе отъ гнетущихъ ихъ бѣствій и лишеній, подтвержденіемъ чemu служать постоянныя стачки и забастовки, а это все плоды современной организаціи.

Соответственno увеличенію населенія, увеличивается и его производительная сила, а техническія усовершенствованія и развитіе культуры усиливаютъ производительность почти безпредѣльно. Даже безплодныя пустыни и гранитныя скалы могутъ быть превращены въ плодороднѣйшія поля, какъ, напримѣръ, на островѣ Мальтѣ; а въ Китаѣ земледѣлецъ, имѣя поль-десятины земли, путемъ ея культуры, не только находить возможность прокормить свою многочисленную семью, но еще часть продуктовъ пускаетъ въ продажу. Наконецъ, можетъ быть найденъ способъ производства питательныхъ веществъ искусственнымъ химическимъ путемъ, какъ это уже достигнуто по отношенію къ некоторымъ органическимъ соединеніямъ. Нужно имѣть также въ виду, что увеличеніе населенія и успехи знанія оказываютъ сильное влияніе на общественное устройство, на среду людей и на ихъ образъ жизни.

Понятіе обѣ излишкѣ населенія безсмысленно въ самомъ основаніи: ибо что значитъ слово «излишекъ»; — излишкомъ называется чрезмѣрное изобиліе какого-нибудь предмета или отношенія для составленія чего-либо определеннаго; такъ, если для утоленія голода требуется три фунта хлѣба, то четыре фунта его будетъ заключать одинъ фунтъ излишка. Въ этомъ случаѣ известно, что хлѣбъ служитъ для питанія, и что трехъ фунтовъ его достаточно для насыщенія. Здѣсь понятіе обѣ излишествъ имѣть мѣсто, такъ какъ знаніе о назначеніи хлѣба и о потребномъ количествѣ его даетъ понятіе обѣ излишествъ и дѣлаетъ это понятіе умѣстнымъ. Совсѣмъ другое дѣло съ населеніемъ: мы не знаемъ ни предѣловъ его, ни свойствъ, развивающихся въ немъ съ его размноженіемъ, ни цѣли, ни назначенія количества населенія. Излишество населенія уже по тому одному не можетъ имѣть мѣста, что населеніе является, съ точки зрѣнія экономической науки, предназначеннымъ не для чего-нибудь посторонняго, внѣ его находящагося, не для какой-нибудь особой внѣшней цѣли, ради

которой оно существуетъ, но для самого себя; и потому никогда не можетъ страдать отъ излишества, которое предполагаетъ известную часть населенія избыточной по отношенію къ «чему-нибудь», ибо этого «чего-нибудь» не существуетъ. Опасеніе же, что земля не прокормить большого населенія, неосновательно, потому что не земля кормитъ населеніе, а оно само себя прокармливаетъ, и съ увеличеніемъ количества населенія увеличивается и сила его производительности и продуктивность его труда. Поэтому къ человѣчеству, которое ни къ чему постороннему не относится и которое все свое значеніе и всѣ свои силы заключаетъ не въ своего существованія, а въ самомъ себѣ, какъ въ центрѣ, которое само для себя является цѣлью, понятіе объ излишествѣ неприложимо.

Возрастаніе населенія, увеличеніе затратъ труда и капитала сами по себѣ уже совершенствуютъ земледѣльческую культуру и потому даютъ пропорціональное этой культурѣ увеличеніе жизненныхъ продуктовъ; а такъ какъ культура повышается нѣсколькими способами: и черезъ увеличеніе населенія и усиленіе труда и черезъ увеличеніе капитала и черезъ различныя усовершенствованія въ производствѣ, предѣлы которыхъ неограничены; тогда какъ возрастаніе населенія можетъ происходить только однимъ путемъ; то ясно, что при нормальныхъ условіяхъ жизни развитіе культуры должно всегда идти впереди увеличенія населенія и заблаговременно обеспечивать собою всѣ могущія возникнуть и возрастающія потребности, порождаемыя увеличеніемъ населенія.

Всѣ бѣдствія общества возникаютъ только вслѣдствіе несостоятельности экономического строя. Богатства вполнѣ достаточно для всѣхъ, но оно неравномѣрно распредѣляется, а учрежденія и дѣйствующія системы не только не препятствуютъ этому злу, но даже его поддерживаютъ. Пусть это богатство, такъ же, какъ и трудъ, его производящій, будетъ равномерно распредѣлено, и тогда всякий станетъ получать справедливое вознагражденіе пропорціонально своему труду и, затрачивая умѣренное количество усилий, получить все необходимое для поддержанія удобной жизни. Каждый будетъ имѣть достаточно досуга для нравственного и умственного усовершенствованія. Разумъ станетъ руководить дѣйствіями людей и истина, совершенство и счастье постепенно воцарятся на землѣ. Пищи и мѣста для размножающагося человѣчества всегда хватитъ, такъ какъ съ размноженіемъ населенія усиливаются и средства къ умноженію производства пищи еще въ гораздо большей степени; а способность человѣка строить свои жилища не только въ ширину и длину, но и въ вышину и постепенное усовершенствованіе техники дѣлаютъ всякое опасеніе относительно недостатка мѣста на землѣ неумѣстнымъ.

Нельзя, конечно, совершенно игнорировать и нравственное воздержаніе, которое дѣйствительно существуетъ и противодѣйствуетъ размноженію такъ же, какъ центробѣжная сила противодѣйствуетъ въ природѣ центростремительной. Сама природа поддерживаетъ общую гармонію и равновѣсіе, а человѣкъ обязанъ только выполнять свой долгъ, который

заключается въ предпочтеніи нравственнаго безнравственному, въ слѣдованіи добру и избѣжаніи зла и въ замѣнѣ эгоизма любовью.

Такимъ образомъ, всѣ бѣдствія, которыя порождаются теперь умноженіе населенія, происходятъ не отъ малопроизводительности земли или другихъ какихъ-либо естественныхъ причинъ; на общество имѣетъ первенствующее влияніе не умственное и нравственное состояніе, которое играетъ первенствующую роль по отношенію къ отдѣльнымъ индивидуумамъ, а весь общественный строй въ его цѣломъ. Поэтому для устраненія общественнаго зла недостаточно только распространенія нравственнаго и умственнаго развитія между отдѣльными членами, но необходимо реорганизовать самый общественный строй жизни и поставить его въ соотвѣтствіе съ развитіемъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Конечно, это преобразованіе должно происходить не насильственно, а свободнымъ путемъ, посредствомъ справедливаго законодательства и учрежденія такой системы, которая способствовала бы дробленію богатствъ и распространенію ихъ въ массахъ народа.

Прежде—въ древности личность считалась подчиненной государству; всѣ силы личности должны были согласоваться съ цѣлями государства. Человѣкъ являлся не индивидуумомъ, а гражданиномъ; на человѣка смотрѣли не какъ на производителя, а какъ на обладателя богатства. Богатство разсматривалось какъ средство для достижения высшихъ общественныхъ цѣлей. Государство руководило обществомъ и считало нужнымъ поддерживать силою гармонію индивидуальной дѣятельности съ общимъ благомъ. Идея о подчиненіи личности государству породила стремленіе къ образованію такихъ общественныхъ строевъ, въ которыхъ граждане пользовались бы общностью имущества и женъ; такимъ способомъ хотѣли подавить всѣ частные интересы и всецѣло посвятить личность на служеніе государству. Современность же стремится выработать такой типъ государства, который всего болѣе содѣйствовалъ бы свободѣ личности, защищалъ бы и обеспечивалъ эту свободу отъ посягательства сильнѣйшихъ индивидуумовъ-капиталистовъ. Тогда какъ дѣйствительность представляетъ въ промышленномъ мірѣ картину междуусобной войны съ девизомъ горе побѣженнымъ, въ которой сильный всегда одолѣваетъ слабаго; крупный предприниматель—мелкаго; заводчикъ и фабрикантъ—ремесленника; капиталистъ-наниматель—работника. Крупный предприниматель можетъ производить дешевле и лучше, потому что онъ располагаетъ могущественными орудіями—машинами, доводить до совершенства раздѣленіе труда, производить закупки въ большихъ размѣрахъ и разсчитываетъ свое производство на обширный сбытъ. Такимъ образомъ, крупное предпріятіе убиваетъ мелкія и превращаетъ самостоятельныхъ хозяевъ въ пролетаріевъ. Затѣмъ борьба капиталистовъ съ пролетаріями-работниками еще болѣе не равная. Капиталистамъ легко вступать въ соглашеніе въ стачку между собою относительно размѣра заработной платы; тогда какъ работникъ, вынужденный голодомъ, волею-неволею долженъ соглашаться на всякия условія. Между тѣмъ капиталисты, разоряя мелкихъ промышленниковъ

и понижая заработную плату, не сообразуютъ своего производства съ возможнымъ потреблениемъ и сами разоряются отъ промышленныхъ кризисъ, которые приводятъ ихъ къ банкротству и пускаютъ по міру тысячи рабочихъ.

Промышленные кризисы и сопряженныя съ ними народныя бѣдствія являются знаменемъ разлагающагося общественного организма; но главный признакъ приближающагося упадка заключается въ утратѣ въ доктринахъ нравственности, въ идеи любви, милосердія и состраданія, въ ослабленіи взаимности чувствъ и общности интересовъ и, наконецъ, во всеобщемъ и все большемъ распространеніи скептицизма, который начинаетъ проникать въ народныя массы. Цивилизациѣ обнаружила всѣ недостатки общественного строя съ потрясающей силой, поставила ихъ въ укоръ нравственному чувству и призвала всѣ дѣятельныя силы для борьбы съ ними, но не нашла еще радикальныхъ средствъ помочь злу и ограничивается только частными, временными мѣрами.

Соперничество оказываетъ столь гибельное вліяніе потому, что вступаютъ въ борьбу силы неравныя: съ одной стороны, сплоченные поддерживаемыя монополіями, привилегіями, громадными капиталами, а съ другой раздробленныя, лишенныя всякой поддержки и необеспеченные средствами въ своей дѣятельности. Но безъ соперничества невозможна также и дѣятельность,—наступилъ бы тогда громадный упадокъ силъ. Зло корениится не въ соперничествѣ, а въ недостаточномъ его уравновѣшенніи. Безспорно, такое уравновѣшеніе силъ въ соперничествѣ является одною изъ труднѣйшихъ общественныхъ задачъ. Соціалисты пытаются разрѣшить ее путемъ полнѣйшаго подчиненія интересовъ частныхъ лицъ интересамъ общества. Они строятъ свои системы на привлекательности труда, на природной склонности человѣка къ дѣятельности и отвращеніи его отъ бездѣйствія, которое порождаетъ скуку; путемъ организаціи общественного труда они надѣются достигнуть наибольшихъ благъ найменьшими усилиями. Но привлекательность труда улавливается или нравственною цѣлью трудящагося, или творчествомъ мысли и искусства, а не мнимою охотою къ работѣ, которая будто доставляетъ намъ любимыя наслажденія; напротивъ, опытъ показываетъ, что люди любятъ потреблять многое изъ того, чего не любятъ производить.

Другая слабая сторона соціализма—что они стремятся подавить личность, тогда какъ индивидуальность составляетъ не только одно изъ двухъ прирожденныхъ свойствъ человѣческой природы—индивидуальности и общественности, но и главное изъ нихъ. Поэтому нельзя также стремиться къ уничтоженію личной собственности путемъ установления общности имущества, какъ проповѣдуютъ соціалисты. Трудъ и всѣ продукты труда и всякое имущество, приобрѣтенное трудомъ, составляютъ неотъемлемую собственность личности; а соперничество личностей въ личномъ труде и его продуктивности необходимо, какъ стимулъ для всякой дѣятельности и соревнованія.

Но ученія соціализма очень стары. Они получаютъ значеніе въ тѣ вре-

мена, когда образуется рѣзкое различіе между богатствомъ и бѣдностью и это различіе въ общественномъ положеніи возмущаетъ чувство справедливости. Такъ было въ Греціи, въ эпоху паденія греческихъ республикъ, въ Римѣ при паденіи язычества, въ Западной Европѣ въ періодъ возникновенія реформаціи. Наконецъ, въ XIX вѣкѣ явленію соціализма благопріятствовалъ упадокъ нравовъ, развитіе промышленности и численное возрастаніе рабочихъ классовъ. Лишенный обезпеченной будущности съ болѣе развитыми нуждами, рабочій классъ ощущаетъ сильную потребность въ порядкѣ, который доставилъ бы ему болѣе обезпеченное и независимое хозяйственное положеніе. Большинство населенія не имѣетъ необходимаго. Пища рабочихъ недостаточна для питанія человѣческаго организма—она состоить часто изъ одного хлѣба и картофеля; одежда ограничивается нерѣдко лохмотьями; жилища находятся или въ темныхъ подвалахъ или на холодныхъ чердакахъ. Среди безпріютности, грязи, лохмотьевъ, подъ вліяниемъ голода, зарождаются повальная болѣзни, и чахнетъ организмъ человѣка, обремененнаго тяжелой работою. Смертность въ бѣдныхъ кварталахъ большихъ городовъ бываетъ въ два раза значительнѣе, чѣмъ въ богатыхъ. Нищета сопровождается нравственнымъ паденіемъ; дѣти лишенные призрѣнія, религіознаго и умственнаго образованія, въ раннихъ лѣтахъ поступаютъ въ школу воровства и разврата. Преступленія и прости туція увеличиваются. Нравственность падаетъ. Все это произведеніе современной цивилизаціи, слѣдствіе промышленнаго прогресса и хозяйственного устройства современаго общества.

Сознавіе несправедливости современаго экономического строя сильно развито въ этихъ угнетенныхъ массахъ, которая сильны своимъ численнымъ перевѣсомъ. Принудительный гнетъ материальныхъ лишеній—безнравственный въ самой основѣ, заставляя часто эти массы поступаться своими убѣжденіями и чувствомъ собственного достоинства, разворачиваетъ ихъ окончательно; жаждя свободы тѣмъ болѣе плѣняетъ ихъ, чѣмъ болѣе даетъ себя чувствовать гнетъ материальной зависимости. Но сила демократіи не творческая и организующая, а разрушающая и деморализующая. Эти темныя озлобленныя массы чернорабочаго народа, ожесточенные непосильнымъ трудомъ и материальными лишеніями, способны въ минуту свирѣпаго раздраженія, подъ дѣйствиемъ отуманивающихъ спиртныхъ паровъ и долготаившейся накопленной злобы, разжигаемой несправедливостью мира и жестокостью дѣйствительности, на самыя дикія преступленія. Человѣкъ не животное; но если онъ поставленъ въ положеніе животнаго; если онъ принужденъ исполнять роль только рабочей силы и не можетъ удовлетворять и развивать своихъ духовныхъ потребностей; если средства его доведены до крайняго минимума, который позволяетъ влечь только жалкое животное существованіе; если нѣть никакого выхода для проявленія его духовныхъ способностей, которыхъ обречены на забвѣніе, то человѣкъ, наконецъ, звѣрѣеть и въ неистовомъ звѣрствѣ своемъ можетъ превзойти животнаго. Кровавыя революціи и жестокіе рабочіе бунты лучше всего свидѣтельствуютъ, до какой степени ожесточенія и дикости можетъ дойти

человѣкъ отъ суровыхъ условій жизни. Тогда подъ руками разъяренной толпы все ломается и мечется. Зданія, дома, улицы разрушаются и превращаются въ груды развалинъ, подобныхъ тѣмъ, какія оставались отъ варварскаго нашествія гуновъ или вандаловъ. Славные памятники искусства рушатся; знаменитыя произведенія архитектуры и ваянія, художественные картины и цѣлые картинныя галлерей, музеи и библіотеки уничтожаются и превращаются въ груды обломковъ; а все что еще осталось, что не могло быть уничтожено людьми, поджигается со всѣхъ сторонъ и всепожирающее пламя превращаетъ въ груды пепла только что столь славный и могущественный центръ цивилизациі. Книги, рукописи, картины—все уничтожается безвозвратно, и отъ славной учености въ одинъ часъ не остается и слѣда. Такой-то страшной силой отличается темная, разъяренная, деморализованная материальными лишеніями народная масса; и такая участь ждетъ всякое общество, которое не слѣдуетъ требованіямъ элементарной нравственности. Участь эта можетъ постигнуть нашу цивилизацию, которая подвержена болѣе древнихъ цивилизаций опасности разрушенія и уничтоженія безъ слѣда. Она не прочная цивилизация Египта или Ассирии,—не цивилизациіа гранитныхъ вѣковыхъ пирамидъ или кирпичныхъ письменъ, которые могутъ сохраняться тысячелѣтіями; наши знанія всѣ изложены на непрочной, легко уничтожающейся и горящей бумагѣ, и всю эту бумажную мудрость можно уничтожить въ одной доменной печи.

Налогъ съ ренты.

Современная несостоятельная экономическая система порождаетъ антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ и улучшаетъ только положеніе землевладѣльцевъ, повышая ренту; она уменьшаетъ прибыль капитала въ виду все большаго спроса на землю и занятія все худшихъ земель; капиталисты же стараются вымѣстить эту убыль на рабочихъ, уменьшая заработную плату. Такимъ образомъ, положеніе капиталистовъ и рабочихъ ухудшается, и чтобы поправить зло и воспрепятствовать дальнѣйшему развитію этого движения возможно болѣе справедливымъ способомъ, нужно обложить ренту налогомъ, освободивъ отъ всѣхъ налоговъ промышленность и торговлю и вообще всѣ продукты труда. Налоги цивилизованныхъ государствъ поглощаютъ гораздо болѣе десятой части всего народнаго дохода. Этимъ обуславливается то важное значеніе системы налоговъ, какое имѣетъ она для народнаго хозяйства. Поземельный налогъ уменьшаетъ ренту, и чтобы землевладѣлецъ не могъ перенести его на цѣннѣ сельскохозяйственныхъ произведеній, слѣдуетъ отмѣнить всѣ ввозныя пошлины на земледѣльческіе продукты. Налогъ же на процентныя бумаги прямо затрагиваетъ прибыль и также не можетъ быть переложенъ при конкуренціи. Всѣ же прочіе промысловые налоги облагаются трудъ; они прямо или косвенно—путемъ переложенія—сокращаютъ заработную плату.

Въ земледѣліи «природа работаетъ съ человѣкомъ» и капиталъ фермера не только воспроизводитъ съ прибылью, но создаетъ и ренту для землевладѣльца. Поэтому налогомъ можно справедливо обложить только землю; а употребленіе капитала для земледѣлія является наивыгоднѣйшимъ его приложеніемъ.

Возрастаніе ренты происходитъ отъ спроса и предложенія на землю, а также и отъ постепенного занятія все худшихъ земель; хотя строгой постепенности въ этомъ—фактически—не существуетъ. Оттого увеличеніе капитала понижаетъ ренту, точно такъ же какъ и улучшенія въ земледѣліи, которые позволяютъ съ меньшаго пространства земли и меньшимъ трудомъ добывать больше произведеній, чѣмъ избавляютъ населеніе отъ необходимости обращаться къ воздѣлыванію худшей почвы и сокращаютъ спросъ на землю.

Такъ какъ цѣна продуктовъ опредѣляется издержками производства на землю, не платящую ренты, то очевидно, что «хлѣбъ дорогъ не потому, что уплачивается рента, но рента уплачивается потому, что хлѣбъ дорогъ» и что не произошло бы никакого пониженія въ цѣнѣ, если бы землевладѣльцы всецѣло отказались отъ своихъ рентъ. Рента не вліяетъ на размѣръ цѣны, она уплачивается изъ цѣны, она часть ея, и цѣна осталась бы та же, если бы вовсе не уплачивалось ренты. Цѣна зависитъ отъ спроса. Рентою обуславливается дороговизна жизненныхъ припасовъ только при монопольномъ веденіи сельскаго хозяйства или при отсутствіи конкуренціи въ предложеніи сельскохозяйственныхъ продуктовъ; но, во всякомъ случаѣ, размѣръ ренты равенъ не тому, какой желалъ бы получить землевладѣлецъ,—но наивысшему изъ тѣхъ, какой въ состояніи заплатить арендаторъ. Не изъ продуктовъ, но изъ цѣны, по которой продается продуктъ,—проистекаетъ рента, и эта цѣна зависитъ отъ спроса и предложенія, т. е. зависитъ отъ покупательной силы и состоянія общества. Хотя земли ограниченное количество, а спросъ возрастаетъ, но земля производить пищу для большаго количества лицъ, чѣмъ то, какое необходимо для ея обработки. Общество не чувствуетъ возрастанія ренты, и потому только она есть единственный справедливый источникъ налога; это тѣмъ болѣе справедливо, что рента является результатомъ общественной силы и тѣхъ затратъ, которые сдѣланы обществомъ для улучшенія земли и поднятія культуры земледѣлія. Дѣйствительно, если теперь существованіе ренты является возможнымъ, такъ это единствено только благодаря той силѣ и той средѣ, которую развиваетъ общество посредствомъ сгущенія населенія и путемъ развитія своихъ соціальныхъ системъ. Ни отдѣльные индивидуумы, ни самая земля не имѣютъ столь огромнаго вліянія на ренту, какое оказываютъ на нее условія общественной жизни. Рента возникаетъ, во-первыхъ, потому, что общественная организація способствуетъ въ извѣстномъ районѣ такому сгущенію населенія, которое достаточно для занятія всѣхъ удобныхъ земель этого района, и, такимъ образомъ, дѣлаетъ возможнымъ ихъ сравненіе и даетъ мѣсто для конкуренціи путемъ предложенія продуктовъ различныхъ хозяйствъ. Затѣмъ, вырабатывая институтъ поземель-

ной собственности и учреждая цѣлую систему различныхъ правилъ, для взаимнаго отношенія частныхъ лицъ между собою, общество всѣмъ этимъ санкционируетъ ренту своими установлениями. Въ первобытныя времена до образованія человѣческихъ обществъ, когда не существовало еще сгущенаго населенія, когда люди жили въ одиночку, а свободной земли было всюду достаточно для безвозмездного пользованія дарами природы,—тогда не могло быть и понятія о рентѣ. Никто не могъ получить плату за пользованіе землею, такъ какъ не существовало поземельной собственности, а отдельный, единицій образъ жизни людей среди безпредѣльныхъ незаселенныхъ пространствъ, на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, дѣлалъ сравненіе земель и всякую конкуренцію невозможными. Только по мѣрѣ сгущенія населенія и утвержденія института земельной собственности, вмѣстѣ съ развитіемъ организаціи общества, постепенно возникала и возрастала рента. Отсюда ясно, что рента является, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ общественной организаціи людей и, какъ таковая, она по справедливости можетъ быть употребляема, главнымъ образомъ, на пользу общества. Она является нормальнымъ и естественнымъ источникомъ налога въ пользу общественныхъ цѣлей, и есть единственный изъ всѣхъ нынѣ существующихъ источниковъ государственныхъ налоговъ, который можетъ быть даже всецѣло конфискованъ государствомъ въ пользу общества,—подобно конфискаціи крѣпостного права у помѣщиковъ, какъ не заработаннаго собственнымъ трудомъ владѣльцевъ. Эта конфискація всей ренты въ пользу государства, равносильная совершенному уничтоженію частной земельной собственности, конечно, было бы крайностью, умѣстною развѣ только въ томъ случаѣ, если бы чрезмѣрное увеличеніе государственныхъ расходовъ потребовало чрезвычайныхъ мѣръ для ихъ покрытія. Но такая крайность въ нормально организованномъ обществѣ—излишня, такъ какъ рента при правильномъ устройствѣ народнаго хозяйства способна возрасти гораздо быстрѣе, чѣмъ государственные расходы; а ея общая сумма въ каждомъ государствѣ далеко превышаетъ и теперь сумму государственныхъ расходовъ. Россія въ этомъ отношеніи стоитъ въ особенно благопріятныхъ условіяхъ между всѣми другими государствами по причинѣ обширности своей территории. Замѣна всѣхъ налоговъ однимъ поземельнымъ и современнымъ, въ высшей степени запутанной, финансовой системы простой естественной системою значительно упростила бы бюрократическій механизмъ правительства и принесла бы государству больше дохода, чѣмъ всѣ современные налоги.

Дѣйствительно, если считать удобной земли въ Сибири 124.000,000 десятинъ, а въ Европейской Россіи 496.000,000, то всего получится 620.000,000 десятинъ. Доходы Россіи въ 1901 г. равнялись 1.788,482,006 руб.; слѣдовательно, для покрытія всего государственного бюджета нужно было бы взять съ каждой десятины менѣе трехъ рублей налога; тогда какъ средній доходъ съ одной десятины равенъ въ Россіи 8 руб. 87 коп., а средняя арендная плата съ десятины равна 6 руб. 07 коп.; такимъ образомъ, землевладѣльцы получили бы за свои земли болѣе трехъ рублей за десятину.

При этомъ въ Сибири принято въ разсчетъ только 124.000,000 десятинъ, т. е. $\frac{1}{10}$ всего ея пространства. Если же взять все протяженіе Россіи болѣшее чѣмъ 1.971,300,000 десятинъ, то налога на десятину придется менѣе одного рубля. Принявъ затѣмъ во вниманіе, что городскія земли, а также земли подъ металлической рудой, подъ копями каменнаго угля, залежами соли и нефти даютъ гораздо болѣшую ренту, — что съ теченіемъ времени, по мѣрѣ увеличeія населенія, рента растетъ, и земледѣліе и добывающая промышленность увеличивается, дѣлается очевиднымъ, что замѣна всѣхъ налоговъ однимъ поземельнымъ не только выгодна, но и вполнѣ возможна. И въ этомъ случаѣ землевладѣльцы вовсе не понесутъ никакого материальнаго ущерба, какъ кажется на первый взглядъ; хотя они и отдадутъ часть своей ренты государству, но столько же получатъ обратно отъ капиталистовъ и рабочихъ, вслѣдствіе развитія промышленности; такъ какъ вся та сумма налоговъ, которая при этомъ ляжетъ на нихъ, будетъ снята съ промышленности и торговли, что въ соотвѣтственной мѣрѣ усилитъ и оживить промышленную дѣятельность народа. Масса земель теперь лежащихъ безъ употребленія по непригодности для обработки, пойдетъ подъ фабрики, торговые склады и заводы и съ лихвой вознаградитъ землевладѣльцевъ за увеличеніе налога. Такимъ образомъ, никто не останется въ убыткѣ, а въ результатѣ получится пышное развитіе промышленности страны. Все это сильно подыметъ благосостояніе народа и возвыситъ его нравственность, что поведетъ, въ свою очередь, къ сокращенію бюрократизма въ вѣдомствѣ Министерства Юстиціи. Это дало бы возможность правительству, освободившись отъ лишнихъ узъ, дѣятельнѣе заняться болѣе доходными и важными дѣлами, какъ, напр.: народнымъ хозяйствомъ и просвѣщеніемъ. Оно могло бы взять многія нынѣ частныя предприятия въ свое вѣдѣніе (желѣзныя дороги, почты, телеграфы, телефоны, пароходныя общества и т. п.); могло бы организовать особое министерство общественныхъ работъ, назначенное специально для доставленія всѣмъ ищущимъ труда соотвѣтственныхъ занятій, и такимъ образомъ уничтожить безработицу — величайшее зло современного общества, въ то время какъ общественныхъ дѣлъ, требующихъ исполненія, такъ много; могло бы организовать общественную помощь для всѣхъ неспособныхъ къ труду; могло бы, наконецъ, взять подъ свое непосредственное вѣдѣніе многіе болѣе обширные промыслы сельскаго хозяйства, горнаго дѣла, мануфактуры и торговли и, такимъ образомъ, явиться главнымъ хозяиномъ, земледѣльцемъ, промышленникомъ и купцомъ въ странѣ. Все это со временемъ станетъ главною обязанностью правительства, когда отмѣнятся всѣ пограничныя пошлины, когда арміи будутъ распущены, а военные суда — превращены въ торговые флоты. Сосредоточеніе въ рукахъ правительства всѣхъ самыхъ крупныхъ и требующихъ большихъ средствъ промышленныхъ предприятій имѣло бы очень благодѣтельныя послѣдствія. Оно, во-первыхъ, уничтожитъ возможность сосредоточенія капиталовъ въ рукахъ частныхъ лицъ и отмѣнитъ окончательно всякую частную монополію, всегда преслѣдующую свои личныя выгоды; оно дастъ огромные доходы правительству, которые сократятъ прямые налоги; нако-

нечъ, улучшить положеніе массы рабочихъ, которые подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ правительства всегда пользуются болѣшимъ обезпеченіемъ, чѣмъ на частной службѣ.

Но польза и важность замѣны всѣхъ налоговъ однимъ поземельнымъ уже прекрасно выяснены въ труда Дорджа «Прогрессъ и Бѣдность», а потому мы считаемъ излишнимъ подробно разбирать этотъ вопросъ, не желая повторяться, и отсылаемъ читателей къ указанному труду. Мы ограничились только бѣглымъ разборомъ этого вопроса и переходимъ теперь къ построению и разработкѣ новой финансовой системы, которая и составляетъ главную цѣль этой книги.

Отдавая должную справедливость талантливому труду Дорджа и вполнѣ соглашаясь съ его воззрѣніемъ на ренту и на единственный налогъ съ нея, мы, однако же, находимъ, что Дорджъ слишкомъ увлекался, возлагая всю надежду единственно только на преобразованіе системы налоговъ. Мы полагаемъ, что для установленія справедливой и благодѣтельной системы народного хозяйства и для уничтоженія всего того зла, которое является непосредственнымъ слѣдствиемъ современного экономического строя и которое тяготѣть надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, недостаточно установленія только поземельного налога, такъ какъ корень зла заключается гораздо глубже. Современное господство капитала и приниженное, угнетенное положеніе труда и ихъ взаимная отношенія не могутъ быть удовлетворительно решены одной реформою ренты, заключающей только область одного фактора промышленности — природу. Если бы система налоговъ, предлагаемая Дорджомъ, была осуществлена во всей полнотѣ своей, если бы было сдѣлано даже больше, т. е. поземельная собственность была бы совершенно упразднена, то и тогда главное зло не было бы искоренено, такъ какъ вся сила капитала, его современное преобладающее значеніе и способность его къ концентраціи оставались бы попрежнему налицо, а потому все благодѣтельное влияніе Дорджевої реформы налоговъ обратилось бы всецѣло въ пользу однихъ капиталистовъ, — подобно тому какъ обращаются теперь въ ихъ исключительную пользу всѣ новыя усовершенствованія и всѣ блага прогресса. Произошло бы только то, что богатые классы, сильные своими капиталами, приобрѣли бы исключительное пользованіе землею; и положеніе бѣдныхъ классовъ оказалось бы еще болѣе зависимымъ. Всѣ земли, открытые для общаго пользованія предлагаемой Дорджеемъ реформой налоговъ, поступили бы всецѣло въ обладаніе капиталистовъ, еще болѣе расширивъ пропасть между ними и массой неимущаго народа. Для полнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо распространить реформу на всѣ три фактора промышленной дѣятельности.

Зло коренится во всей финансовой системѣ общества и, главнымъ образомъ, въ своевременной организаціи кредита. Нынѣшнее господство капитала и фатальное его стремленіе къ концентраціи въ немногихъ рукахъ, по мѣрѣ прогрессивнаго движенія промышленности, — концентраціи, которая воздвигаетъ все большую и большую пропасть между двумя главными и противоположными классами современного общества: капиталистовъ и

классомъ труда,—концентраціи, которая съ неудержимою силою погружаетъ послѣдній во все большую и большую материальную вищету и зависимость, а все общество ведеть къ неминуемому нравственному растлѣнію и обращаетъ, такимъ образомъ, всѣ блага прогресса въ пагубное бѣдствіе для народовъ на гибель и паденіе самой цивилизациі,—такое всеобщее и глубокое зло денежнаго ига коренится, конечно, гораздо глубже, нежели въ одной только системѣ налоговъ; оно коренится во всей финансовой системѣ народа—въ организаціи его кредита и въ томъ значеніи, которое придаетъ послѣдній тремъ основнымъ факторамъ промышленной дѣятельности: природѣ, труду и капиталу. Для уничтоженія зла, для радикального излеченія общественного недуга недостаточно ограничиться преобразованіемъ по отношенію къ одному только фактору — природѣ,—необходимо еще реорганизовать трудъ и капиталъ и поставить ихъ въ нормальныя условія, соотвѣтствующія естественному порядку вещей и самой внутренней природѣ каждого изъ этихъ факторовъ. Необходимо приспособить всю экономическую организацію къ болѣе высокому уровню современной цивилизациі,—удовлетворить развивающимся нравственнымъ требованиямъ общества и способствовать наибольшему его благосостоянію. Вторая часть этой книги «Новыя Основанія Финансовой Системы» и стремится къ посильному разрѣщенію этой проблемы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Новыя Основанія Финансовой Системы.

Землевладѣльцы, капиталисты и рабочіе составляютъ три класса, изъ доходовъ которыхъ проис текаютъ доходы всѣхъ другихъ классовъ. Отношенія ихъ интересовъ къ интересамъ общества—въ его цѣломъ—таковы, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда интересы землевладѣльцевъ и рабочихъ совпадаютъ съ интересами общества, интересы капиталистовъ, на противъ, оказываются противоположными съ общественнымъ благомъ и даже часто противорѣчатъ ему. Такъ, напр.: когда благосостояніе общества увеличивается и рабочая плата—высока, когда же эта плата низка, то и благосостояніе общества низко. Капиталистамъ же невыгодно повышеніе рабочей платы и увеличеніе богатствъ народа, такъ какъ первое уменьшаетъ ихъ прибыль, а второе уменьшаетъ ихъ значеніе. Между тѣмъ концентрація капитала монополизируетъ производство, т. е. повышаетъ цѣну товаровъ; тогда какъ естественная цѣна товаровъ, производство которыхъ вполнѣ свободно, есть наименьшая и, слѣдовательно, является необходимымъ условіемъ для удешевленія жизни.

Но какъ богатство націи заключается не въ деньгахъ—а въ полезныхъ видахъ, такъ и благосостояніе націи зиждется не на капиталѣ — а на труде, единственномъ активномъ производителѣ всякихъ полезностей. Преступныя деньги вместо того, чтобы быть работами, какъ это слѣдуетъ по самой природѣ вещей, сдѣлались тиранами. Условія жизни, которыя позволяютъ богатымъ классамъ ничего не дѣлать и пользоваться всѣми благами, а бѣдныхъ принуждаютъ непосильно трудиться, зарабатывая скучное пропитаніе — ненормальны. Они то уничтожаютъ всякую благодѣтельную пользу усовершенствованій; они то развращаютъ народъ и ведутъ его къ неминуемой гибели. Нельзя безнаказанно нарушать естественные законы, нельзя оказывать несправедливое предпочтеніе богатству предъ трудомъ. Интересы классовъ какъ рабочихъ, такъ и капиталистовъ вполнѣ

солидарны, ибо оба они одинаково стремятся къ одной цѣли: накопленію богатствъ и благосостоянію; антагонизмъ между ними порожденъ только неестественной системой народнаго хозяйства. Правительство должно заботиться равно о всѣхъ классахъ; а низшій классъ составляетъ базисъ не только соціальной, но и экономической организаціи. Трудъ—основа богатства; добывающая промышленность самая важная. Справедливость необходимое условіе благосостоянія и пользы успѣховъ прогресса. Безъ справедливости всѣ благодѣянія прогресса клонятся ко вреду общества.

Всѣ преимущества и привилегіи, даваемыя закономъ капиталу, нужно уничтожить. Нравственность имѣть огромное значеніе въ жизни народа; она есть основаніе—двигательная сила; а потому законы, противорѣчащіе ей, влекутъ народъ къ неминуемой гибели. Личность должна пользоваться правомъ обладать всѣми благами, которыя она можетъ добыть своимъ трудомъ. Трудъ долженъ быть свободенъ, а плоды труда должны принадлежать работнику. Это есть священное право собственности. Справедливость—основаніе общественной жизни; она только санкціонируетъ и дѣлаетъ полезными успѣхи прогресса. Соціальная система и законодательство имѣютъ огромное вліяніе, какъ на всю жизнь народа, такъ и на его материальное-экономическое положеніе. Они могутъ или разратить народъ, или поднять его нравственность; а нравственность является необходимымъ условіемъ благосостоянія и прочности государства. Нравственное сознаніе растетъ вмѣстъ съ тѣмъ, какъ христіанская идея проникаетъ въ общество, и требуетъ возвращенія правды въ общественныхъ отношеніяхъ. Поэтому многіе напрасно боялись нарушенія общественного порядка, разрыва патріархальныхъ узъ и потрясенія правъ собственности, какъ неизбѣжныхъ слѣдствій уничтоженія крѣпостного права. Нѣтъ! это была мѣра общественной безопасности, которая спасла государство отъ возможности появленія Пугачевыхъ. Нѣтъ! дѣло шло не объ ослабленіи нравственныхъ узъ, которыхъ не бываетъ при тягостной зависимости, а о приготовленіи условій для ихъ образованія. Нѣтъ! преобразованіе вело не къ нарушенію права, не къ насильной экспропріаціи прежняго владѣльца, но къ возстановленію собственности труда. Послѣднее требовало и надѣла крестьянъ землю и признанія факта существующихъ имущественныхъ отношеній, т. е. опредѣленія известной нормы вознагражденія для землевладѣльца-капиталиста. Безъ этого къ старинной несправедливости была бы присоединена новая и приготовила бы для общества рядъ смѣняющихся споліаций. Съ развитиемъ крупной промышленности капиталъ получилъ преобладающее значеніе. Постепенно сосредоточиваясь въ рукахъ небольшого класса предпринимателей, капиталъ не только выходитъ изъ подчиненной роли вспомогательного для труда орудія, но становится въ господствующее къ труду отношеніе. Онъ, кажется, забылъ, что является только детищемъ человѣческаго труда, что составляетъ только продуктъ и результатъ долгихъ усилий, трудной мозольной работы, интенсивнаго напряженія ума человѣка, въ поть лица въ теченіе долгихъ тысячелѣтій своего существованія борящагося съ природою за свое благосостояніе.

И что же, когда эта борьба уже клонится къ концу, когда побѣда начинаетъ уже улыбаться человѣку и лелѣять его плѣнительными надеждами на скорое вознагражденіе столькихъ непосильныхъ трудовъ, вдругъ возрастаетъ предъ нимъ мрачная дѣйствительность;—дѣйствительность, которая заставляетъ его убѣждаться, что, вмѣсто ожидаемыхъ наградъ и благосостоянія, онъ нажилъ себѣ только нового врага,—перемѣнилъ только своего господина и изъ раба природы сталъ рабомъ капитала. Такимъ образомъ, прогрессъ, вмѣсто благодѣтельного своего направленія, стремится уклониться въ сторону, стремится превратиться въ регрессъ и, по безпрерывному закону круговорота, уничтожить все то, что было сдѣлано его собственнымъ вліяніемъ. Онъ стремится центръ и средоточіе всякой жизненной дѣятельности—человѣка превратить въ слѣпое орудіе капитала и производителя природныхъ благъ—подавить его же продуктами,—поставить человѣка на заданій планъ, на подчиненное мѣсто, въ ряду явлений общественной дѣятельности. Но человѣкъ не можетъ и не долженъ уступать своего мѣста и того значенія, которое дано ему природою, которое составляеть его неотъемлемое право. Онъ долженъ бороться за свою свободу и благосостояніе со слѣпыми силами общественной жизни и побѣдить ихъ или умереть духовно, отказавшись отъ всѣхъ накопленныхъ имъ знаній и свѣдѣній отъ своего интеллектуального и нравственного развитія—однимъ словомъ, отъ цѣлой сокровищницы своей высокой цивилизациі! Какъ жѣ можно освободиться изъ подъ гнетущаго ига капитала? Если желѣзная власть капитала даетъ себя такъ тягостно чувствовать огромной массѣ человѣчества вслѣдствіе того значенія, которое теперь имѣютъ деньги; если безъ нихъ нельзя начать никакого предпріятія; если они являются распорядителями труда вслѣдствіе скопленія своего въ немногихъ большихъ массахъ, то ясно, что освободиться отъ гнета капитала можно только путемъ установленія такой финансовой системы, которая постоянно стремилась бы распределить капиталъ возможно равномѣрнѣе во всей массѣ народа и препятствовала бы его чрезмѣрному скопленію въ отдѣльныхъ рукахъ. Съ другой стороны, чтобы умалить и понизить то огромное значеніе денегъ, которое они теперь имѣютъ и благодаря которому держать въ своей власти трудъ, препятствуя его самостоятельному, независимому существованію, нужно учредить такой институтъ общественного кредита, который бы отводилъ первенствующее значеніе труду и давалъ бы ему господствующее положеніе надъ капиталомъ. Не слѣдуетъ забывать, что капиталъ является только скопленіемъ продуктовъ труда—вещественнымъ слѣдствиемъ его дѣятельности; тогда какъ трудъ—сама движущая, производительная сила—сама живая дѣятельность, на которой зиждется весь общественный прогрессъ, все благосостояніе человѣчества, а потому труду, по всей справедливости, принадлежитъ главная роль въ промышленной дѣятельности.

Капиталъ—не первоначальный факторъ производства, какъ природа и трудъ; онъ самъ является произведеніемъ труда; кромѣ того, онъ самъ по себѣ, безъ приложенія труда,—непроизводителенъ. Все это должно отводить ему второстепенное мѣсто въ производствѣ. Между тѣмъ капиталъ

пріобрѣль и все больше усиливаетъ свою первенствующую, господствующую роль въ промышленности. Организаторами и хозяевами—распорядителями всѣхъ большихъ предприятій являются владѣльцы капитала, а не представители труда. Причина такого ненормального явленія заключается въ томъ, что трудъ безъ содѣйствія капитала мало производителенъ; между тѣмъ, при современномъ устройствѣ финансъ, онъ не пользуется должнымъ кредитомъ для самостоятельного существованія, и потому промышленный прогрессъ шелъ до сихъ поръ параллельно съ накопленіемъ капитала и въ зависимости отъ величины послѣдняго. Между тѣмъ основаніемъ народнаго благосостоянія является трудъ, и увеличеніе этого благосостоянія у насъ въ Россіи тормазится только недостаткомъ капитала, такъ какъ незанятыхъ рабочихъ рукъ всегда много и онъ пропадаютъ не-производительно за недостаткомъ средствъ для приложенія труда. Поэтому если бы была выработана такая экономическая организація, которая позволяла бы труду расширять и основывать производства безъ помощи денегъ—въ кредитъ на долгосрочную разсрочку уплаты изъ доходовъ предприятия, то это сильно способствовало бы развитію промышленности; что особенно выгодно для Россіи—бѣдной капиталами.

Поэтому современная система, ограничивая размѣры промышленности каждой страны размѣрами находящагося въ ней капитала, особенно вредна для Россіи. Россія, превосходя всѣ другія государства Европы и обширностью территоріи, и огромными природными богатствами, и числомъ рабочихъ рукъ, тѣмъ не менѣе, размѣрами своей промышленности далеко уступаетъ Англіи, Германіи и Франціи именно вслѣдствіе того, что обладаетъ меньшимъ количествомъ капитала въ сравненіи съ ними.

Также вслѣдствіе современной системы, производства съ наемнымъ трудомъ, разделеніе труда, веденіе машинъ и другія благодѣянія прогресса пріобрѣтаютъ темные стороны. Эти недостатки современного экономического строя особенно ярко обнаруживаются и даютъ себя сильно чувствовать, когда разомъ вводится много машинъ, въ счетъ той части оборотнаго капитала, которая шла на заработную плату; тысячи рабочихъ лишаются тогда средствъ существованія, а заработка плата остальныхъ, вслѣдствіе конкуренціи, понижается. Въ такихъ случаяхъ классъ пролетариевъ усиливается и, доведенный нуждой до отчаянія, онъ прибѣгаєтъ къ насилию,—нацадаетъ на фабрики, ломаетъ и уничтожаетъ машины, считая ихъ причиной своего бѣдствія. На самомъ же дѣлѣ причина лежитъ не въ машинахъ, которые сами по себѣ составляютъ истинное благодѣяніе человѣчества, а въ способахъ ихъ приложенія, въ существующемъ строѣ экономической дѣятельности. Если бы сами рабочие могли организовать предприятія на артельныхъ началахъ и общими средствами пріобрѣтать машины, результатъ введенія послѣднихъ былъ бы совершенно иной. Положимъ, артель, состоящая изъ ста человѣкъ, пріобрѣтаетъ машину, вдвое сокращающую количество труда, а размѣры рынка не позволяютъ удвоить производства, тогда единственнымъ результатомъ введенія машины будетъ то, что время работы для каждого работника сократится вдвое; освободив-

шійся досугъ каждый можетъ посвятить другимъ занятіямъ. Никакого затрудненія отъ этого для рабочихъ не произойдетъ, а только увеличится ихъ благосостояніе, вслѣдствіе выгоднаго пользованія своимъ трудомъ и временемъ. Между тѣмъ на фабрикѣ съ наемными рабочими половина рабочихъ въ такихъ случаяхъ совсѣмъ лишаются заработка, а другая половина, вслѣдствіе усиленія конкуренціи, принуждена бываетъ согласиться на уменьшеніе платы. Кромѣ того, введеніе машинъ при современномъ капиталистическомъ производствѣ съ наемнымъ трудомъ вредно и для мелкихъ самостоятельныхъ производителей. Машина не только даетъ преобладаніе крупному капиталисту, но и совершенно убиваетъ мелкое самостоятельное производство. Мелкие хозяева, не имѣя средствъ пріобрѣсти машины, продолжаютъ производство ручнымъ способомъ, отчего продукты ихъ дороже и хуже машинного. Они не могутъ конкурировать съ фабрикантами, принуждены прекращать самостоятельный трудъ и превращаться въ наемныхъ рабочихъ крупныхъ фабрикъ. Такимъ образомъ, теперь машины приносятъ массѣ народа не пользу, а вредъ, способствуя скопленію капиталовъ въ рукахъ немногихъ крупныхъ промышленниковъ на счетъ массы народа, которая состоитъ изъ представителей мелкаго труда—рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ. Машины отнимаютъ у народа капиталъ и лишаютъ его труда—единственнаго средства благосостоянія.

О ненормальности настоящей финансовой системы лучше всего свидѣтельствуетъ то вредное вліяніе, которое она оказываетъ на всѣ современные цивилизованные народы, превращая ихъ то въ хищныхъ коммерсантовъ, готовыхъ продать все святое для денежныхъ выгодъ—истребить благосостояніе цѣлыхъ странъ и вести кровопролитныя войны для материальныхъ интересовъ и торговыхъ цѣлей,—то въ жалкихъ забитыхъ торговцей, дрожащихъ надъ каждой копѣйкой, готовыхъ продать душу за грошъ и не видящихъ въ жизни никакой болѣе цѣли кромѣ накопленія денегъ. Какъ тѣ, такъ и другіе народы неудержимо стремятся къ собственной гибели; всѣ они нравственно деморализованы, только въ противоположные полюсы. Первые погибнутъ отъ собственного меча и распущенности, порождаемой богатствомъ, избыткомъ и роскошью; вторые продадутъ собственную родину за деньги, которыя они поставили выше всего на свѣтѣ—выше свободы, родины и независимости, и поклоняются имъ, какъ евреи золотому тельцу.

Для Россіи современная финансовая система только еще болѣе усиливается тотъ недостатокъ, которымъ отъ природы она страдаетъ: отсутствіе капиталовъ еще болѣе даетъ себѣ чувствовать и еще болѣе поощряется инертность и неподвижность въ промышленной дѣятельности. Давая возможность получать высокіе проценты на капиталъ, она тѣмъ самымъ освобождаетъ массу состоятельныхъ и притомъ самыхъ образованныхъ людей отъ всякой дѣятельности и позволяетъ жить съ процентовъ; съ другой стороны, дѣлая необходимымъ для всякаго предпріятія денежный капиталъ, она тѣмъ еще болѣе тормозитъ всякую промышленную дѣятельность. Поэтому если бы необходимость въ денежномъ капиталѣ была устранена

или, по крайней мѣрѣ, достаточно ослаблена, то тотчасъ же открылся бы широкій просторъ для промышленной дѣятельности. Съ другой стороны, если бы процентъ на капиталъ былъ пониженъ до размѣровъ, не позволяющихъ существованія съ него одного, то масса лицъ, теперь живущихъ на проценты, обратилась бы къ труду и этимъ еще болѣе расширила кругъ дѣятельности. Русскій человѣкъ по своей природѣ инертенъ и тяжелъ на подъемъ, а потому и стимулы для побужденія его къ дѣятельности должны быть болѣе внушительны. Но недостатки общественной системы должны быть устранимы на основаніи принциповъ личной свободы, а не стѣсненіемъ дѣйствій частной предпріимчивости и деспотизмомъ общественныхъ учрежденій, потому что они уничтожаютъ свободу — это основное нравственное благо.

Распредѣленіе богатства сильно вліяетъ на его производство. Уменьшеніе значенія денегъ и концентраціи капиталовъ вызоветъ большую конкуренцію въ сферѣ промышленности и торговли, что понизитъ фабрикаты въ цѣнѣ. Оно даетъ широкое распространеніе ассоціаціи труда и способствуетъ образованію общирныхъ предпріятій, что тоже еще болѣе понизитъ цѣну продуктовъ. А понижение цѣнъ благодѣтельно для общества.

Весь ходъ общественного развитія стремится замѣнить господство капитала трудомъ. Это будетъ результатомъ или естественного процесса «соціального подбора», или перемѣнной системы, которая поставитъ «экономическое равенство» на мѣсто преимуществъ личности, опредѣляемыхъ капиталомъ. Второй способъ лучше, потому что скорѣе удовлетворить справедливости. Что же касается того возраженія, что онъ лишитъ преимуществъ личности по ея заслугамъ и достоинствамъ, то все заслуги и достоинство личности въ данномъ случаѣ заключаются лишь въ томъ, что ей удалось разбогатѣть на счетъ бѣдныхъ, пользуясь несправедливостью экономического строя. И если теперь богатые классы отличаются отъ бѣдныхъ нѣкоторыми дѣйствительными достоинствами, напр.: большими образованіемъ, деликатностью, утонченностью нравовъ и т. п., то вѣдь все эти достоинства получены на счетъ бѣдныхъ классовъ, благодаря несправедливой системѣ, которая принуждаетъ рабочихъ погрязать въ невѣжествѣ, лишеніи и всякихъ недостаткахъ. Поэтому чѣмъ скорѣе будетъ принята справедливая система, чѣмъ скорѣе будетъ провозглашенъ принципъ экономического равенства и возстановлено естественное право труда, тѣмъ скорѣе достигнется конкретное равенство людей. Но осуществленіе идеала этого затрудняется побужденіями частного интереса, которые слишкомъ властно господствуютъ надъ обществомъ и такъ еще могущественны, что даже нельзя и предвидѣть, когда совершится эта перемѣна; такъ какъ подавленные и угнетенные бѣдностью массы не могутъ противодѣйствовать возрастающему преобладанію могущественныхъ и богатыхъ классовъ, въ рукахъ которыхъ наука и власть, то благодѣтельная перемѣна откладывается каждый разъ на неопределенное время; между тѣмъ соціальные законы требуютъ необходимой справедливости и не терпятъ промедленія. Такимъ образомъ, соціальный кризисъ можетъ наступить раньше, чѣмъ общество бу-

деть достаточно подготовлено къ добровольному и осмысленному принятію необходимой перемѣны, что повлечетъ за собой упадокъ цивилизациі.

Современное распределение, которое извращаетъ естественное равенство людей и основано на томъ, будто лишь нѣкоторые рождены быть богатыми, а большинство рождено для бѣдности, — очевидно, несправедливо. Оно есть слѣдствіемъ ложной организаціи всей экономической системы— въ ея цѣломъ, которая даетъ огромныя привилегіи и преимущества капиталу въ ущербъ труда и тѣмъ неестественно повышаетъ значеніе и цѣну денегъ и дѣлаетъ ихъ необходимымъ орудіемъ всякаго начинанія, тогда какъ въ сущности деньги и капиталы—только облегчающее средство. Поэтому уничтоженіе привилегій и перевесъ капитала и пониженіе значенія денегъ должно быть главною задачею экономіи. Богатство—продуктъ труда—должно быть собственностью работниковъ, а не богачей, случайнаго рожденія. Такимъ образомъ, не противорѣча свободѣ личности, при частной собственности на землю, когда значеніе денегъ будетъ сведено изъ господствующаго фактора до вспомогательного средства, а трудъ приобрѣтѣть свое естественное значеніе—фактора богатства и господствующее положеніе, тогда каждый человѣкъ, способный къ труду, будетъ богатъ и будетъ имѣть участіе въ благахъ соединенного труда всего общества.

Законы производства болѣе зависятъ отъ неизмѣнныхъ естественныхъ основаній и свойствъ природы, которыя человѣкъ можетъ только видоизмѣнить путемъ техническаго усовершенствованія производства, тогда какъ порядокъ распределенія преобразуется одними общественными учрежденіями. И потому общество можетъ собственными законами улучшать распределеніе богатства. Соціалисты мечтаютъ о такомъ порядкѣ вещей, при которомъ сотрудничество основывалось бы на симпатіи. Но соціализмъ грѣшилъ тѣмъ, что онъ, пренебрегая свободой, готовъ для своихъ цѣлей прѣвѣгнуть къ насилию, и тѣмъ лишить общество драгоценнѣйшаго дара, какъ общественной, такъ и частной жизни—свободы, которой ничѣмъ замѣнить нельзя. Единственный рациональный способъ равномѣрнаго распределенія богатства безъ нарушенія свободы—это способъ справедливаго законодательства, равно обязательнаго и безпристрастнаго для всѣхъ, возвышающагося надъ интересами отдѣльныхъ классовъ ради пользы всего общества—въ его цѣломъ. Землю, труду и капиталу—тремъ факторамъ всякой человѣческой дѣятельности должно отдать справедливо мѣсто согласно значенію каждого изъ нихъ. Землю, какъ единственное основаніе и точку опоры и приложенія всякой дѣятельности, безъ которой немыслимъ никакой производительный трудъ и за пользованіе которой вполнѣ, слѣдовательно, справедливо требовать вознагражденія, — обложить налогомъ. Труду, какъ единствено дѣйствительной продуктивной силѣ и какъ единственному активному фактору, принадлежитъ вся чистая прибыль производства, а капиталу, какъ вспомогательному средству, но пассивному фактору, слѣдуетъ дать извѣстный справедливый процентъ въ видѣ вознагражденія за содѣйствіе.

Смѣть обращать слишкомъ исключительное вниманіе на мѣновую цѣн-

ность въ отличіе отъ богатства въ собственномъ смыслѣ, это придало поверхностный характеръ экономическому изслѣдованію, отвращая его отъ научныхъ построеній, исключало вопросъ о реальной и общественной пользѣ, не оставляло мѣста для критики производства и привело къ отрицанію значенія изслѣдованій потребленія и пользованія богатствами. Это пренебреженіе къ значенію и положенію общественнаго богатства неминуемо влекло за собою несправедливое расширеніе правъ частныхъ личностей въ ущербъ всего народа. Оно является причиной теперешняго привилегированнаго положенія капитала въ ущербъ труду и землѣ и того преимущества отдѣльныхъ лицъ, какое имѣютъ капиталисты въ ущербъ всей массы народа.

Преобладаніе капитала надъ трудомъ.

Но не собственность нужно отнять, а нужно отнять возможность приобрѣтенія собственности помимо труда. Капиталъ является результатомъ труда; и потому его цѣнность опредѣляется трудомъ, затраченнымъ на его приобрѣтеніе. Другими словами, цѣнность его равна цѣнности затраченного на его приобрѣтеніе труда. Слѣдовательно, его цѣнность должна быть въ строгомъ соотвѣтствіи съ трудомъ. Если, напримѣръ, для приобрѣтенія капитала въ 100.000 рублей потребовалось известное количество труда, величину котораго обозначимъ черезъ X , то этотъ капиталъ не долженъ, по справедливости, давать право на трудъ большаго количества, чѣмъ X .

И лишь только трудъ прекращается и человѣкъ начинаетъ жить на средства, собранныя своимъ трудомъ, то капиталъ его долженъ, по справедливости, неминуемо уменьшаться, такъ какъ самое основаніе, производящее капиталъ—трудъ прекращенъ и, слѣдовательно, прекращена возможность производства капитала. Капиталъ можетъ тогда только убывать. Такъ должно быть при справедливой, естественной финансовой системѣ. Что же существуетъ на дѣлѣ? Человѣкъ, скопившій 100.000 и прекратившій всякія занятія, не только не лишается возможности удерживать свой капиталъ въ неизмѣнной величинѣ, но даже еще можетъ увеличивать его. Ему стоитъ только положить въ банкъ свои деньги и онъ будетъ получать за нихъ 5.000 процентовъ, ничего не дѣлая, и если онъ проживаетъ въ годъ 1.000 рублей, то имѣть еще возможность увеличивать ежегодно свой капиталъ на 4.000, что въ 25 лѣтъ удваиваетъ капиталъ. Такимъ образомъ, ничего не дѣлая въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, онъ будетъ въ состояніи не только приобрѣсти на свой капиталъ дѣйствительную его стоимость, выраженную количествомъ X , но еще удвоить это количество, такъ какъ, владѣя теперь 200.000, онъ дѣлается обладателемъ количества труда, равнаго $2X$, такимъ образомъ, является собственникомъ благъ, вовсе имѣ не заслуженныхъ. Ясно, что система, допускающая такія несообразности—несправедлива и несправедливость эта усугубляется еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что она даетъ возможность жить безъ всякаго труда, безъ всякой пользы для общества, ничего не производя, не увеличивая благъ и

богатства народа какой-либо полезной дѣятельностью, а, напротивъ, уничтожая и уменьшая непроизводительно эти блага своимъ безполезнымъ существованіемъ.

Такимъ образомъ, подобная система финансъ поощряетъ къ лѣни, безнравственности и способствуетъ развитию паразитовъ въ обществѣ. Но что всего хуже,—она этимъ даетъ неизмѣримую цѣну деньгамъ, увеличивая непомѣрно ихъ значеніе. Потому что при такой организаціи не трудъ, а деньги являются основаніемъ всѣхъ благъ; всякий знаетъ, что, накопивъ достаточно денегъ, онъ является какъ бы застрахованнымъ на всю жизнь отъ труда и всякой дѣятельности. Это рождаетъ ту погоню за деньгами, которая составляетъ глубокую язву и главное зло нашего времени. Изъ-за денегъ люди пускаются на обманъ, на хитрость, на спекуляціи всякаго рода, пренебрегая всѣми правами нравственности. Но нельзя нарушать великий нравственный законъ справедливости. Природа караетъ всякаго, кто осмѣлился преступить его, а потому-то и современная наша финансовая организація такъ тяжело отражается на обществѣ и такъ деморализируетъ народъ. Такимъ образомъ, нынѣшняя финансовая система, вмѣсто того, чтобы болѣе равномѣрно распредѣлять капиталы между классами общества, напротивъ, способствуетъ еще болѣеющей ихъ концентраціи, которая и безъ того чрезмѣрно вызывается характеромъ современной промышленности. Между тѣмъ, чтобы уничтожить это зло-концентраціи капиталовъ, чтобы противодѣйствовать этому вредному дѣйствію промышленности, которое стремится въ конецъ разорить народныя массы и увеличивать пропасть, раздѣляющую немногочисленный состоятельный классъ капиталистовъ отъ народа, нужно именно установить такую финансовую систему, которая противодѣйствовала бы этому вредному ходу прогресса; нужно противостоять силѣ развивающейся промышленности противоположную ей силу финансовой системы, которая дѣйствовала бы прямо противоположнымъ образомъ и стремилась бы дробить большия капиталы и распредѣлять ихъ равномѣрно во всей массѣ народа. Словомъ, нужно организовать новую систему финансъ и кредита.

Римская цивилизациѣ была сферой подневольнаго труда—рабства; наша цивилизациѣ является сферой экономического рабства—капитала. И какъ упадокъ земледѣлія обусловливался въ Римѣ употребленіемъ рабскаго труда, такъ и шаткость промышленности—кризисы обусловливаются теперь господствомъ капитала. Многіе римскіе писатели — Катонъ, Варронъ, Калумелла и д.—доказывали, что бороться съ надвигающимся нравственнымъ развратомъ и возвратиться къ прежнимъ римскимъ добродѣтелямъ можно только при посредствѣ возрожденія и реформированія земледѣлія, — что только такимъ образомъ могутъ быть прочно укреплены основы общественнаго благосостоянія. Но рабство невозможно было отмѣнить въ Римѣ, и потому, несмотря на сознаніе ясной причины зла передовыми людьми Рима, онъ не могъ измѣнить свою язву и долженъ былъ неминуемо клониться къ упадку. То же повторяется и въ современной цивилизациї. Хотя многіе современники ясно сознаютъ всю несправедливость, несообразность и вредъ

господствующего капиталистического строя, тѣмъ не менѣе, зло такъ глубоко коренится въ современномъ соціальномъ устройствѣ, такъ тѣсно связано со всѣми сферами частной и общественной жизни, что теперь такъ же трудно уничтожить его, какъ Риму было бы трудно уничтожить рабство.

Уничтоженіе господства капитала есть дѣло высшей цивилизациі, а потому паденіе современной—неминуемо, если она окажется не въ состояніи подняться надъ поземомъ современной жизни и удовлетворить требованіямъ справедливости, уничтоживъ зло,—если у ней не найдется достаточнаго запаса нравственной энергіи. Только современная христіанская цивилизациі могла уничтожить языческое рабство и только высшая цивилизациі можетъ уничтожить господство капитала. Оно же порождаетъ неравенство между людьми, служитъ причиною экономического рабства и зависимости, роетъ ту бездну между колossalнымъ богатствомъ и ужасной бѣдностью, которая раздѣляетъ народъ и развиваетъ непримиримый источникъ вражды между низшими и высшими классами. Оно развращаетъ нравы и деморализируетъ какъ богачей, такъ и бѣдняковъ,—какъ высшіе, такъ и низшіе классы, порождая въ первыхъ изнѣженность, лѣнь, распутство и надмѣнность излишествомъ, а во вторыхъ невѣжество, лицемѣріе, развратъ и насилие нуждой. И эта деморализациія, постепенно увеличиваясь по мѣрѣ укорененія пороковъ въ обществѣ и расширенія пропасти между враждебными классами, по мѣрѣ накопленія богатствъ у однихъ на счетъ другихъ, которое неудержимо, безпрерывно совершающееся, ведетъ къ неминуемому паденію цивилизациі.

Нашъ жребій такъ же ясенъ, какъ жребій Рима, который, несмотря на все свое военное могущество, населенность и обширность територіи, былъ завоеванъ немногочисленными варварскими племенами, потому что въ соціальномъ мірѣ править нравственный законъ, а не физическій.

Современную цивилизацию также не спасеть ни ея ученость, ни матеріальное могущество, ни численность населенія; ученость падетъ, населеніе исчезнетъ, могущество развѣдетъ какъ дымомъ и все повторится то, что было съ Римомъ, если не будетъ удовлетворенъ законъ справедливости. Въ нравственной сферѣ выбора между добромъ и зломъ быть не можетъ и нельзя установить ничего средняго; здѣсь прямо дѣло идетъ о жизни или смерти,—рѣшается вопросъ быть или не быть. Требуется или уничтоженіе несправедливаго господства капитала, или полное самоуничтоженіе современного строя. Поэтому современная дѣятельность должна стремиться къ уничтоженію безграничного роста капитала и его господства надъ міромъ.

Скажутъ,—что для основанія всякаго предпріятія нуженъ денежный капиталъ и потому никакая промышленная дѣятельность не можетъ основываться и существовать помимо его. Дѣйствительно, теперь это невозможно,—но не потому, что для этого необходимы денежныя средства, а потому, что теперь ей мѣшаетъ возникать дѣйствующая экономическая среда; но лишь только будетъ положено основаніе новой экономической жизни, лишь только будетъ призвана къ дѣйствію новая среда, установленіемъ единственнаго поземельного налога, то этимъ будетъ открыта возможность возникновенію трудовыхъ предпріятій.

Такъ точно, какъ и въ средніе вѣка, въ началѣ не было капиталистовъ, но лишь только стала развиваться торговля и промышленность, лишь только въ городахъ сосредоточились центры ремесль и установилась благопріятная среда,—такъ тотчасъ, сами собою, появились и крупные капиталисты. Совершенно то же произойдетъ и теперь: лишь только установятся условія благопріятныя для господства и развитія труда и справедливаго его вознагражденія, лишь только уничтожится несправедливое покровительство закона капиталу, какъ слѣдствіемъ этого будетъ возникновеніе трудовыхъ предпріятій; а уничтоженіе и пресѣченіе возможности безпредѣльного и безконечнаго увеличенія капитала и уничтоженіе возможности его бесполезнаго, неподвижнаго существованія неминуемо поведетъ къ уничтоженію его господствующаго преобладанія въ промышленности и къ ослабленію значенія денегъ.

Какъ образованіе арміи первоначально имѣло благодѣтельное вліяніе, утверждая безопасность и поощряя мирную дѣятельность, посредствомъ привлеченія меньшинства къ военнымъ операциямъ, большинству народа дало возможность предаваться обезпеченному труду, а теперь арміи стали зломъ нашего времени, потому что безопасность не нуждается уже въ ихъ поддержкѣ, а, напротивъ, само существованіе арміи подвергаетъ народы страшной опасности войны,—такъ точно и вліяніе капитала первоначально было благодѣтельно, поддерживая и развивая промышленность, а теперь, когда промышленность настолько окрѣпла, что не нуждается уже въ его поддержкѣ, то господство капитала не только не полезно, но даже вредно, причиняя постоянные кризисы и угрожая страшнымъ пауперизмомъ, разореніемъ и деморализаціей народныхъ массъ. Нельзя, конечно, не признать, что первоначально сосредоточеніе капитала было во многихъ отношеніяхъ благодѣтельно. Оно дало сильный толчекъ развитію промышленности и укрѣтило ее. Но теперь, когда способы сообщенія и сношенія сокращаютъ время и разстояніе, когда система кредита столь подвижна и пластична, нѣтъ уже болѣе надобности въ огромныхъ капиталахъ для большихъ предпріятій. Стоитъ только установить законодательство, болѣе соотвѣтствующее современности и отдающее должное первенство труду, и образованіе самыхъ грандіозныхъ предпріятій станетъ возможно путемъ соединенія труда работниковъ. Капиталисты заботились объ увеличеніи размѣровъ промышленности, о приобрѣтеніи дорого стоящихъ машинъ; но теперь когда уже нечего опасаться за существованіе промышленности, когда она уже настолько окрѣпла, что можетъ переносить самые тяжелые кризисы, когда машины значительно понизились въ цѣнѣ и основаніе всякаго предпріятія стоитъ гораздо дешевлѣ, чѣмъ прежде, когда, особенно, уничтоженіе всѣхъ промышленныхъ налоговъ понизить издержки всякаго предпріятія до минимума, то для образованія предпріятій не потребуется большихъ капиталовъ и ассоціаціи рабочихъ будуть въ состояніи основывать самостоятельные предпріятія въ кредитъ. Необходимые законы для этого новаго экономического состоянія должны быть слѣдующіе 1) Уничтоженіе всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ податей и налоговъ и замѣна ихъ однимъ прямымъ

поземельнымъ налогомъ. 2) Уничтоженіе возможности безпредѣльного въ количествѣ и бесконечнаго во времени роста капитала путемъ максимальнаго пониженія процентовъ и определенія времени доходности капитала, въ продолженіе котораго за кредитъ должны платиться процентныя деньги, т. е. путемъ ограниченія самаго размѣра вознагражденія или доходности. Необходимо опредѣленіе точнаго размѣра процентовъ за кредитъ и времени ихъ уплаты въ извѣстное число лѣтъ — или же возвратъ единовременно опредѣленной суммы, равной суммѣ кредита + вознагражденіе за кредитъ и труды, сопряженные съ учрежденіемъ предпріятія, если самъ капиталистъ былъ его основателемъ. 3) Уничтоженіе возможности существованія неподвижнаго, бесполезнаго капитала, т. е. такого, который лежитъ безъ вся-
каго употребленія въ банкѣ, путемъ совершеннаго уничтоженія доходныхъ положительныхъ процентовъ съ капитала и установленіе отрицательныхъ за храненіе — какъ общее правило. Такимъ образомъ, капиталистъ, осно-
вывая какое-либо предпріятіе, будетъ пользоваться опредѣленнымъ, спра-
ведливымъ вознагражденіемъ за свой трудъ, но не будетъ имѣть возмож-
ности безгранично богатѣть, такъ какъ доходность его капитала будетъ
ограничена, а степень обогащенія будетъ строго согласоваться съ его лич-
ной дѣятельностью, примѣромъ чему могутъ теперь служить наши желѣзно-
дорожныя частныя общества, которые по прошествіи опредѣленнаго времени
переходятъ въ собственность казны. Если же капиталистъ не пожелаетъ
пустить капиталъ въ предпріятіе, то капиталъ неминуемо будетъ прожить
до послѣдней копейки. Такимъ образомъ, капиталистамъ все жъ таки бу-
детъ гораздо выгоднѣе пускать свои капиталы въ оборотъ для промышлен-
ной дѣятельности. Но капиталъ будетъ играть роль только масла — мази
для смазыванія машины, способствующей механизму промышленности со-
вершать съ большей легкостью и ровностью свои движенія. Уменьшеніе
процента по общему правилу является результатомъ развитія промышлен-
ности, ремесль и торговли, — увеличенія трудолюбія и бережливости. Про-
центъ играетъ роль какъ бы барометръ состоянія народа: низкій процентъ —
вѣрный признакъ цвѣтущаго состоянія; и это вполнѣ гармонируетъ съ
постояннымъ, ненасытнымъ стимуломъ ума къ упражненію и работѣ, чѣму
противорѣчитъ высокій процентъ, побуждающій къ лѣни и бездѣлствію.

Какъ прежде была непонята польза свободной торговли между государствами и многие стояли за протекціонизмъ, но теперь выяснилось, что протекціонизмъ вреденъ, такъ и нынѣ многимъ кажется вреднымъ уничтоженіе привилегированнаго положенія капитала и лишеніе его протекції экономической системы; тогда какъ это — единственное средство для благо-
состоянія народовъ. Если при современной системѣ запрещеніе процентовъ съ капитала немыслимо и даже вредно, такъ какъ оно теперь способно только усилить недостатки ростовщичества возвышеніемъ риска заимо-
давца, по причинѣ современнаго значенія денегъ, то при справедливой фи-
нансовой системѣ и безъ особаго запрещенія нельзѧ будетъ сорвать боль-
шихъ процентовъ, потому что никто не станетъ занимать капитала на
высокіе, невыгодные проценты, разъ будетъ открыта возможность основы-

вать предпріятія въ кредитъ и выплачивать стоимость ихъ оборудования постепенно — съ доходовъ учрежденного предпріятія. А пониженіе цѣнъ и удешевленіе жизни позволить начинать всякое предпріятіе съ гораздо меньшимъ капиталомъ, какой необходимъ теперь. Такимъ образомъ, деньги утратятъ свое господствующее значеніе и капиталисты принуждены будутъ довольствоваться малыми процентами. При чёмъ, нужно замѣтить, что и сами капиталисты ничего при этомъ не потеряютъ; потому что если, съ одной стороны, проценты ихъ уменьшатся въ общей суммѣ, то, вслѣдствіе пониженія цѣнъ, они увеличатся зато въ своей цѣнности — какъ покупная сила, а потому капиталисты не понесутъ никакого материальнаго ущерба; ибо въ справедливой системѣ не можетъ быть того рѣзкаго противорѣчія и антагонизма между интересами разныхъ классовъ, какой замѣчается теперь; все выгодное для цѣлаго общества всегда должно быть выгоднымъ и для отдельныхъ его классовъ. Подавляющее дѣйствіе современной промышленной системы и критическое разслабленіе рабочихъ классовъ требуетъ не покровительственной защиты слабыхъ и снисходительныхъ, благотворительныхъ уступокъ сильныхъ, но установленія равно справедливаго для всѣхъ классовъ общества закона, который бы уничтожилъ преимущества и привилегированное положеніе капитала, дѣйствующаго въ ущербъ естественнымъ правамъ труда и отнимающаго у него всѣ блага прогрессирующей цивилизациі.

Адамъ Смитъ придалъ слишкомъ большое значеніе частной выгодѣ; онъ не принялъ во вниманіе нравственного элемента въ обществѣ, и это служить причиной несправедливой системы финансовъ, которую построили его послѣдователи, не обращая вниманія на ея деморализирующій характеръ. Если бы Смитъ болѣе занимался изслѣдованіемъ общественной, а не частной пользы, то онъ понялъ бы, что утвержденіе преимущества капитала надъ трудомъ — не согласно съ естественнымъ порядкомъ вещей, — невыгодно для народнаго благосостоянія и уменьшаетъ его богатство.

Дробленіе капиталовъ не можетъ повести за собой упадка крупной промышленности, такъ какъ деньги и капиталы сами по себѣ не составляютъ цѣнности и не увеличиваютъ богатства народа. Они играютъ роль масла для смазки машинъ или рельсъ, облегчающихъ передвиженіе; это только средства для уменьшенія тренія. Страна только тогда можетъ имѣть очень мало товаровъ для отпуска и покупать сравнительно со своими средствами очень много заграничныхъ товаровъ, — если покупателями являются капиталисты; ихъ закупки приходится оплачивать металломъ.

Но въ общемъ деньги имѣютъ значеніе только какъ орудія мѣновыхъ оборотовъ и цѣнность ихъ зависитъ отъ отношенія ихъ количества къ количеству всѣхъ богатствъ народа; такъ, напримѣръ, если произведенія промышленности и всякихъ продуктовъ потребленія на народномъ рынкѣ удвоились, а количество денегъ осталось неизмѣнно, то цѣнность денегъ удвоится — и на одну и ту же сумму денегъ можно будетъ купить въ два раза болѣе товаровъ. Материальное благосостояніе народа тоже удвоится, несмотря на то, что количество денегъ не измѣнилось. И тогда малымъ

капиталомъ можно будетъ поддерживать болѣе крупную промышленность, чѣмъ современная.

Подавляющее господство капитала, главнымъ образомъ, поддерживается несправедливой системой процента. Бѣдность теперь неизбѣжно сопровождаетъ богатство, потому что капиталъ растетъ на счетъ труда; богачъ приобрѣтаетъ то, что теряетъ бѣднякъ. Такимъ образомъ, процѣсть между классами общества увеличивается, погружая массу народа все въ болѣй недостатокъ. Главная задача дня—распределеніе богатства, а не накопленіе. Средство противъ бѣдности заключается въ ослабленіи наклонности капитала къ централизаціи. Обрабатывающей промышленности и торговлѣ не нужно давать никакихъ преимуществъ предъ добывающей промышленностью, но также не надо стѣснять ихъ никакими налогами. Этимъ устанавливается равновѣсіе.

Современное экономическое рабство еще болѣе тягостно, чѣмъ юридическое потому, что въ немъ владѣлецъ-предприниматель, имѣя всѣ выгоды господина, свободенъ отъ заботъ и попеченія о своихъ подчиненныхъ работникахъ. Деньги помогаютъ накопленію капиталовъ и приносятъ процѣты, хотя сами по себѣ ничего не производятъ; составляя накопленную работу, реализованную въ золото, они содѣйствуютъ обѣднѣнію рабочаго населенія и обращаютъ его въ состояніе зависимости. По той же причинѣ они препятствуютъ приобрѣтенію новыхъ богатствъ въ краѣ, когда остаются безъ употребленія, чему особенно сильно способствуютъ, такъ какъ представляютъ собою самое удобное средство скоплять въ безполезной неподвижности огромное количество реализованного труда. Отъ этого недостатка капитала особенно страдаетъ Россія, гдѣ такія огромныя богатства лежать безъ всякаго употребленія. Различие между богатыми и бѣдными производить пороки и преступленія; а милостины, утверждая только нищенство, унижаетъ нравственное достоинство человѣка. Употребленіе машинъ, освобождая людей отъ унизительного и изнуряющаго физического труда, должно бы было содѣйствовать поднятію благосостоянія рабочихъ, но этого не случилось; оно только увеличило процѣсть между капиталистомъ и рабочимъ. Отсюда многіе ошибочно вывели, что необходимымъ предварительнымъ условіемъ для полной реорганизаціи промышленности является общая нравственная реформа человѣчества, тогда какъ въ дѣйствительности необходимымъ предварительнымъ условіемъ для улучшенія нравственности должно быть установление справедливой среды и законодательства, которое поощряло бы нравственность, а не препятствовало бы ей; точно также, какъ отмѣна крѣпостничества необходима была для развитія самодѣятельности народа.

Механическія усовершенствованія и улучшенія сдѣлались исключительнымъ достояніемъ богатыхъ классовъ, и они ими пользуются какъ монополіею, какъ привилегіею, гарантированною имъ дороговизною этихъ усовершенствованныхъ машинъ.

Машины, замѣния рабочихъ, доводятъ очень далеко раздѣленіе и соединеніе труда, а вмѣстѣ съ этимъ сильные и способные работники смѣня-

ются женщинами и детьми, такъ какъ отъ работника уже не требуется знанія, искусства и силы. Заработка плата падаетъ и увеличивается доходъ предпринимателя. Искусство, обученіе, умѣніе, умственная дѣятельность рабочаго для производства становятся ненужными. Его трудъ дѣлается автоматическимъ и однообразнымъ присмотромъ за машиною, требующею чрезвычайно напряженного вниманія и одуряющей однообразности, имѣющей послѣдствіемъ пониженіе умственного и нравственного уровня рабочихъ классовъ. И хотя машины конденсируютъ трудъ, уменьшаютъ работу человѣка и увеличиваютъ благосостояніе, хотя они—символъ свободы и господства надъ природою, но при современномъ порядкѣ они, вмѣсто благодѣянія, уменьшаютъ спросъ на рабочія руки, сокращаютъ трудъ и увеличиваютъ нищету. Все предложенное до сихъ поръ для устраненія вреда машинъ—недѣйствительно. Даже сами капиталисты отъ этого терпятъ убытки; чѣмъ болѣе крупныя предприятия поглощаютъ мелкія, чѣмъ болѣе бѣднѣеть рабочій классъ, тѣмъ значительнѣе становится несоответствіе между производствомъ, которое растетъ, и потребленіемъ, которое сокращается по недостатку средствъ у покупателей; отсюда происходитъ переполненіе рынка товарами, а также коммерческіе и промышленные кризисы, сопровождаемые разореніемъ крупныхъ предприятій. При этомъ положеніе рабочихъ еще болѣе ухудшается; предприниматели сокращаютъ число рабочихъ часовъ и уменьшаютъ заработную плату. Такимъ образомъ, усовершенствованія, вмѣсто того, чтобы быть благодѣтельны для рабочихъ, какъ факторовъ труда—что требуетъ естественный порядокъ вещей, ибо облегченіе труда самой природою предназначено для облегченія тружениковъ—напротивъ того, являются для нихъ источникомъ всякихъ бѣдствій. Все это происходитъ отъ того, что промышленность зависитъ не отъ труда, какъ должно быть по всей справедливости, потому что только трудъ составляетъ истинное основаніе и активную силу всякой дѣятельности,—а отъ капитала, который по природѣ своей служитъ только вс помогательнымъ средствомъ для труда. Между тѣмъ, при современной организаціи, капиталъ является хозяиномъ производства и потому введеніе машинъ и другихъ улучшеній, соединенныхъ съ превращеніемъ части оборотнаго капитала въ основной, производить неминуемое уменьшеніе первого, т. е. числа рабочихъ, такъ какъ рабочіе въ сущности составляютъ теперь только часть оборотнаго капитала. Усиливающаяся при этомъ конкуренція въ предложеніи рабочихъ рукъ даетъ предпринимателю возможность еще болѣе понизить заработную плату и тѣмъ еще болѣе увеличить свою прибыль. Совсѣмъ было бы не то, еслибы хозяиномъ промышленности явился трудъ. Тогда всякое усовершенствованіе въ производствѣ достигало бы своей цѣли: оно производило бы дѣйствительное облегченіе труда, такъ какъ каждый рабочій, будучи хозяиномъ, конечно, не отрѣшилъ бы себя отъ работы; напротивъ, усовершенствованное производство облегчило бы ему трудъ и дало бы возможность увеличить продуктивность работы, а увеличеніе товара понижаетъ цѣну на него и благопріятно для всей массы общества. Такимъ образомъ, усовершенствованія и промышленный прогрессъ

вполнѣ достигали бы своей цѣли: освобождали бы человѣчество отъ традиціоннаго проклятія труда, увеличивали бы благосостояніе всей массы общества, а не однихъ только капиталистовъ, и не производили бы теперешней концентраціи капитала, которая является истиннымъ бичемъ современаго человѣчества, производя обогащеніе однихъ на счетъ другихъ и тѣмъ повергая главныя массы народа въ неминуемое все болѣшее обнищаніе и истощеніе жизненныхъ силъ. Даже рабство можетъ считаться лучше сравнительно съ тѣмъ видомъ свободы, которымъ пользуется современная масса бѣднаго народа. Законъ, провозгласившій свободу и не дающій материальной возможности пользоваться ею, только ожесточаетъ человѣка.

Всѣ бѣдствія являются слѣдствіемъ господствующей силы денегъ и централізациіи капитала, безъ которой, однако, возможно крупное производство и раздѣленіе труда, путемъ асоціаціи труда взамѣнъ концентраціи капитала. Трудъ и вещь—основаніе материального благосостоянія; деньги и капиталъ—только орудіе для него. Въ запасѣ и просторѣ труда единственное спасеніе. Трудъ не должно стѣснять никакими налогами. Налогъ на капиталъ тоже долженъ быть уничтоженъ, потому что всякий капиталъ есть продуктъ труда и стѣсненіе капитала уменьшаетъ продуктивность труда. Но величина народнаго дохода еще не служитъ мѣриломъ народнаго благосостоянія, такъ какъ и при большемъ доходѣ массы будутъ бѣдствовать, если большая часть дохода достанется немногимъ лицамъ. Для благосостоянія народа необходимо еще равномѣрное распредѣленіе. Справедливость требуетъ воздавать каждому по заслугамъ; трудъ является главнымъ факторомъ производства и источникомъ капитала. Зевлевладѣльцы и капиталисты составляютъ меньшинство, около котораго группируются капиталы, а классъ труда—большую массу народа, страдающую недостаткомъ; поэтому для равномѣрного распредѣленія слѣдуетъ уменьшить ренту и прибыль и увеличить заработную плату. Но такъ какъ при современныхъ условіяхъ и возрастаніе населенія, и возрастаніе капитала, и улучшеніе способовъ производства, т. е. всѣ благодѣянія прогресса уменьшаютъ заработную плату, то правительство, въ виду такого положенія народныхъ массъ, должно особенно заботиться о послѣднихъ. Вопреки естественному порядку вещей, спросъ на трудъ зависитъ теперь отъ величины капитала. Уменьшеніе рабочей платы увеличиваетъ смертность населенія и сокращаетъ браки. Между тѣмъ капиталистъ можетъ спокойно помѣщать капиталъ въ предприятія, которыхъ болѣе доходны. Ему нетрудно перемѣщать капиталъ въ болѣе выгодное дѣло: часто для этого нужно только продать одинъ бумаги и купить другія. Рабочій же долженъ безъ выбора брать такое занятіе, какое даютъ и какое онъ знаетъ. Даже конкуренція капиталистовъ между собой, требующая пониженія издержекъ производства, поражаетъ, главнымъ образомъ, рабочихъ, такъ какъ уменьшаетъ заработную плату. Дѣйствительно, современная система такъ ослабила рабочихъ, что правительства всѣхъ странъ за послѣднее время стали принимать ихъ подъ свое покровительство для облегченія ихъ участіи и защиты

ихъ законныхъ интересовъ. Стачки и забастовки разрѣшены. Выработаны санитарныя и гигиеническія правила и всякия мѣры для безопасности работы. Капиталистамъ вмѣнена отвѣтственность за несчастные случаи на фабрикахъ. Дальнѣйшая дѣятельность въ этомъ духѣ стремится къ установлению восьмичасового рабочаго дня, къ строгому соблюденію воскресеній и большихъ праздниковъ, къ упраздненію ночныхъ работъ, наконецъ, къ воспрещенію женскаго и дѣтскаго труда и ограниченію возраста мужчинъ совершеннолѣтіемъ и предѣльной старостью. Но самое важное, что государство способами своихъ расходовъ начинаетъ поддерживать трудъ взамѣнъ капитала. Оно не должно способствовать системѣ крупныхъ подрядовъ, поставокъ и концессій, которые усиливаютъ концентрацію капиталовъ. У насъ въ послѣдніе десятки лѣтъ нажито немало крупныхъ состояній казенными подрядами и желѣзнодорожными концессіями. Правительству слѣдуетъ входить въ сношенія непосредственно съ производителями, какъ, напр., сдѣлало наше военное министерство, начавъ покупать хлѣбъ для арміи у земледѣльцевъ и дѣлая значительные заказы сапогъ прямо кустарямъ, стараясь, чтобы польза заказа распространялась на возможно большую массу народа.

Трудъ и капиталъ.

Такъ какъ трудъ есть единственный долгъ и обязанность человѣка, то только онъ одинъ имѣетъ плодотворное вліяніе, какъ на все общество, такъ и на всякую отдельную корпорацію, такъ и на всякую общественную организацію. Современная промышленная организація, основанная на капиталѣ—неестественна, потому что она подавляетъ законное право труда. Отсюда и все то зло, и всѣ тѣ бѣдствія современного состоянія, и вся та страшная нищета и бѣдность народныхъ массъ съ ужасающимъ развитіемъ пауперизма и пролетаріата, вызываемыхъ ни чѣмъ инымъ, какъ современнымъ значеніемъ капитала и ненормальной системой кредита, противорѣчающими естественнымъ правамъ труда и справедливой оцѣнкѣ производительности трудовой силы, которая только одна есть дѣйствительный и единственный производитель. Система денежнаго кредита не только вредна и нелогична, но и самый способъ, которымъ кредитъ нынѣ проявляется—самыя формы его существованія прямо безнравственны, несправедливы и деморализирующі. Такъ, кредиторъ назначаетъ должнику произвольные проценты, которые послѣдній долженъ платить за свой долгъ до полной выплаты послѣдняго. Проценты эти часто несоразмѣрны съ доходностью предприятия и должникъ, тяжелымъ трудомъ вырабатывая доходъ, долженъ платить болѣшую долю его кредитору, который ничего не дѣлаетъ, за то только, что тотъ снабдилъ его капиталомъ, не желая работать самъ. Если же капиталистъ имѣетъ собственное предприятіе, напр., фабрику, заводъ, копи или торговую фирму и, такимъ образомъ, оказываетъ кредитъ не отдельному лицу, а всему обществу, то онъ является еще болѣе несправедливымъ.

дливымъ по отношению къ своему должнику—обществу. Затративъ первоначально на основание своего предприятия известную сумму денегъ, онъ вслѣдствіе этого получаетъ право одинъ пользоваться всѣми доходами своего предприятия въ продолженіе неограниченного числа лѣтъ—до безкочечности и, такимъ образомъ, получаетъ за первоначально затраченный имъ капиталъ въ двадцать и тридцать разъ болѣе, эксплоатируя при этомъ своихъ рабочихъ и все общество. Конечно, онъ имѣетъ право на нѣкоторую прибыль за свой трудъ и вложенный въ него капиталъ, но такія громадныя прибыли, какія получаются современные капиталисты, не соответствуютъ ни ихъ заслугамъ, ни ихъ дѣятельности. Они приносятъ огромный ущербъ обществу и страшно вредны для рабочихъ. Эти печальные послѣдствія происходятъ потому, что капиталу дано преимущество въ ущербъ труда; отсюда происходитъ возможность эксплоатации огромныхъ массъ и цѣлаго общества отдѣльными лицами—капиталистами,—массъ, которая носятъ въ себѣ зиждительную силу труда,—капиталистами, которые обладаютъ только богатствами, произведенными чужимъ трудомъ. Для устраненія этого зла нужно поставить трудъ въ экономической жизни народа на подобающее ему первое мѣсто и дать ему предпочтеніе предъ капиталомъ. По отношению къ фабрикѣ или къ какому бы то ни было предприятію, выражающему собою форму общественного кредита, нужно отдать предпочтеніе рабочимъ предъ капиталистомъ. Теперь дѣло поставлено такъ, что рабочие получаютъ условленное, небольшое, несоответственное съ затратою ихъ силь и положеніемъ промышленности жалованіе, а капиталистъ беретъ всю огромную прибыль—весь доходъ предприятия. Естественный порядокъ требуетъ, чтобы капиталистъ получалъ определенный, справедливый процентъ за свой затраченный капиталъ, а рабочие—брали всю прибыль предприятия: такъ какъ они, въ сущности, являются естественными производителями и двигателями его. Нужно ограничить вознагражденіе капиталиста за затраченный имъ капиталъ не только определенными процентами, но и определеннымъ временемъ или, еще лучше, определенной суммой дохода, напр., за одинъ затраченный миллионъ назначить вознагражденіе въ полтора или два миллиона, по выплатѣ которыхъ все предприятіе перешло бы въ полную собственность работниковъ.

Трудъ, пользуясь помощью капитала, улучшается въ качествѣ. Улучшеніе въ качествѣ уменьшаетъ его количество, потребное для производства продукта, и облегчаетъ приобрѣтеніе послѣдняго. Цѣна товаровъ, выраженная трудомъ, уменьшается. Такъ какъ каждое улучшеніе труда въ качествѣ клонится къ уменьшенію его количества, потребного для производства товара, то отсюда слѣдуетъ, что улучшеніе качества труда клонится и къ уменьшенію количества труда, которое можетъ быть приобрѣтено въ обмѣнъ на уже накопленные произведенія богатства. Поэтому, по мѣрѣ того, какъ трудъ улучшается въ качествѣ, существуетъ постоянное стремленіе къ уменьшенію количества труда, которое можетъ быть приобрѣтено въ обмѣнъ на существующій капиталъ. Цѣнность капитала находится иредѣль въ издержкахъ, необходимыхъ для его воспроизведенія. Кажд-

дое улучшениe качества труда увеличиваетъ количество товаровъ и цѣна ихъ уменьшается; товаръ дѣлается все болѣе доступнымъ для массы народа, увеличиваетъ его достатокъ и улучшаетъ его материальное положеніе. При понижениі лѣнъ количества обмѣнивающихся товаровъ быстро возрастаетъ и капиталистъ получаетъ возрастающую прибыль при постоянно уменьшающейся долѣ изъ всего итога произведеній его предпріятія. Поэтому оба—капиталистъ и работникъ получаютъ возможность пріобрѣтать болѣе и болѣе количество товаровъ, относящихся къ удобствамъ, комфорту и роскоши, въ обмѣнъ на свои произведенія. Раздоръ порождается только системой, покровительствующей однимъ классамъ въ ущербъ другихъ,—дающей искусственное преимущество капиталу предъ трудомъ. Она даетъ капиталу возможность захватывать трудъ подъ свою власть—подчинять его себѣ и, разъ подчинивши, удерживать его въ своей власти безъ всякаго ограниченія времени, отнимая возможность освобожденія изъ подъ экономической и материальной зависимости. Между тѣмъ всякий трудъ стремится реализироваться въ деньги, какъ въ такую форму капитала, которая лучше всего можетъ быть употреблена въ дѣло для пріобрѣтенія чужого труда. Трудъ, такъ сказать, сгущается въ капиталъ, какъ паръ въ пипиновомъ котлѣ, чтобы сохраниться и оказать свое дѣйствіе съ болѣшею силою въ минуту надобности.

Съ улучшениемъ качества труда естественно стремится къ повышенію заработной платы, платимой за услуги людей; поэтому справедливому стремленію препятствуетъ прибыль, платимая за услуги капиталу, такъ какъ она уменьшается при возрастаніи заработной платы. Пользуясь благопріятствующей себѣ системой, капиталъ включилъ въ свое вознагражденіе—прибыль—не только плату за пользованіе капиталомъ, т. е., за свое содѣйствіе труду, которая называется процентомъ или ростомъ, но еще и страховую премію за рискъ, и на этомъ основаніи, присоединяя еще и вознагражденіе за предпринимательский трудъ, если самъ капиталистъ лично завѣдуетъ своимъ предпріятіемъ, присвоилъ себѣ право на весь чистый доходъ съ предпріятія въ ущербъ труду, которому предоставилъ пользоваться одной заработной платой. Но включение въ прибыль страховой преміи за рискъ или опасеніе, которому подвергается капиталъ въ случаѣ своего участія въ предпріятіи, столь же нелогично и неосновательно, какъ и несправедливо: ибо, если рискъ и опасеніе въ этомъ случаѣ неразрывно связаны съ услугами капитала, то они столь же тѣсно связаны и съ усугами труда—и даже еще болѣе—такъ какъ при этомъ человѣкъ подвергаетъ опасности и риску свою собственную личность, самого себя и подвергается опасности потерять свой естественный прирожденный капиталъ—силу, здоровье и трудоспособность, тогда какъ въ первомъ случаѣ риску и опасности подвергается только имущество человѣка. А въ виду того, что всякое имущество или капиталъ составляеть накопленный запасъ произведеній прежняго труда, то запасъ этотъ—по всей справедливости—не можетъ располагаться болѣшимъ трудомъ, чѣмъ тотъ, который его произвелъ.

Трудъ предпринимателя сильно разнится по своей природѣ отъ труда

рабочаго—это чистый, болѣе умственный трудъ; онъ гораздо легче и пріятнѣе тяжелаго, изнуряющаго, физического труда работника. Но, кромѣ этого общаго отличія отъ труда рабочаго, трудъ предпринимателя въ относительномъ своемъ значеніи къ человѣку оказывается еще гораздо легче, чѣмъ трудъ рабочаго, потому что, по самой природѣ своей, онъ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ человѣку, который является прежде всего нравственнымъ существомъ; человѣческая природа постоянно протестуетъ противъ тяжелаго физического труда и постоянно стремится скинуть съ себя его гнетущее, несоответственное себѣ иго. Исторія свидѣтельствуетъ намъ о такомъ стремлениі цѣлымъ рядомъ усовершенствованій въ области техники и изобрѣтеній машинъ, которыя имѣютъ цѣлью замѣнить собою физической трудъ человѣка, и надѣ изобрѣтеніемъ которыхъ столько вѣковъ напрягается умъ человѣческій и столько трудилось и трудится людей, чтобы освободить человѣчество отъ позорнаго и унизительнаго физического труда, не соотвѣтствующаго природѣ и достоинству человѣка. И если вообще физической трудъ гораздо ниже, тяжелѣе и изнурителнѣе труда умственнаго, то для человѣка—существа нравственнаго и разумнаго, предназначеннаго къ гораздо болѣе возвышеннымъ цѣлямъ чѣмъ тѣ, на которыя столь же пригодны волъ или лошадь,—онъ особенно унизителенъ и тяжелъ въ сравненіи съ трудомъ предпринимателя. И если справедливо, что размѣръ вознагражденія долженъ строго соотвѣтствовать расходуемому труду, то, по всей справедливости, рабочій трудъ долженъ имѣть преимущество въ производствѣ предъ трудомъ капиталиста-предпринимателя или управляющаго предприятиемъ. Онъ долженъ быть хозяиномъ производства и играть первую роль въ промышленности, такъ какъ *de facto* онъ является основаніемъ всякой промышленности—непосредственнымъ ея источникомъ и зиждительной силой. Ему принадлежитъ вся чистая прибыль предприятия. Онъ отецъ или творящій факторъ богатства, земля—мать послѣдняго; капиталъ—результатъ силъ природы и труда. Только трудъ направленный на производство блага—производителенъ и вырабатываетъ непосредственно—самъ себѣ—вознагражденіе. Сама цѣнность всякаго продукта зависитъ отъ количества труда, употребленного на его производство. Источникомъ материальнаго богатства служить промышленный трудъ. Богатство народа зависитъ отъ среды или условій: мира, свободы, безпрепятственной экономической дѣятельности, отъ безопасности и отъ трудолюбія—какъ единственнаго субъективнаго фактора, но главнымъ образомъ—отъ законодательства, которое должно поощрять производительный промышленный трудъ.

Капиталистъ долженъ получать въ вознагражденіе за свой капиталъ определенный процентъ, а вся чистая прибыль предприятия принадлежитъ рабочему труду и должна распредѣляться между производителями пропорционально ему. Но такъ какъ всякое обширное промышленное дѣло требуетъ руководителя или администратора, который вѣдалъ бы общія дѣла предприятия и заботился объ его выгодахъ, то необходимъ одинъ управлятель всѣмъ предприятиемъ, хотя и въ этой области, какъ вообще во всемъ дѣлѣ

предпріятія хозяиномъ является рабочій, на трудѣ котораго зиждется все дѣло промышленности; и теоретически рабочій имѣеть право такъ же распоряжаться и въ административной области, ибо она только завѣдуетъ и распредѣляетъ его трудомъ или общимъ трудомъ всѣхъ рабочихъ, въ которомъ имѣется и его часть. Только въ виду того, что обширное промышленное дѣло не терпитъ многихъ администраторовъ, распоряженія которыхъ часто были бы противоположны и противорѣчили другъ другу, то каждый рабочій долженъ уступить свою администраторскую власть и право хозяина одному лицу, назначенному руководить общимъ дѣломъ всего предпріятія. Въ вознагражденіе за свою дѣятельность это лицо получаетъ отъ каждого рабочаго, за то, что исполняетъ его хозяйственныя обязанности и тѣмъ облегчаетъ трудъ рабочаго, извѣстную часть или процентъ его заработка, напр., копѣйку съ каждого рубля. Такъ, если въ предпріятіи участвуютъ 1000 рабочихъ и каждый изъ нихъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ 10 рублей, то администраторъ получаетъ жалованія 100 рублей. Такимъ образомъ, какъ капиталистъ, такъ и администраторъ будутъ пользоваться справедливымъ процентомъ съ чистаго дохода; размѣръ ихъ вознагражденія долженъ тѣсно зависѣть отъ размѣра чистой прибыли предпріятія, чтобы они оба были заинтересованы въ немъ. Это поощритъ капиталиста больше содѣйствовать своимъ капиталомъ расширенію предпріятія, а администраторъ будетъ имѣть импульсъ усерднѣе заботиться о его выгодахъ.

Распредѣленіе.

Справедливость требуетъ, чтобы за создавшимъ цѣнность или увеличившимъ ее было признано право пользованія и распоряженія результатами своего труда; это въ то же время—лучшее средство для возбужденія большей дѣятельности. Каждый работаетъ на себя лучше и охотѣе, чѣмъ на другихъ. А большая производительность труда отдѣльныхъ лицъ увеличиваетъ благосостояніе всего общества. Трудъ—источникъ собственности, а основаніе ея—справедливость и общая польза. Но для того, чтобы богатство приносило практическую пользу, мало того, чтобы оно сосредоточивалось въ странѣ,—нужно, чтобы оно распространялось по всей массѣ народа. Чѣмъ большее число людей будетъ пользоваться благосостояніемъ, тѣмъ больше оно найдетъ примѣненія въ практической жизни.

Распредѣленіе богатствъ является исключительно человѣческимъ учрежденіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ вещи, люди, или отдельно, или всѣ вмѣстѣ, могутъ распоряжаться ими по своему произволу. Они могутъ отдавать ихъ кому имъ угодно и на какихъ угодно условіяхъ. Далѣе, въ обществѣ всякое распоряженіе вещами можетъ происходить только съ его согласія и производиться тѣми, кто располагаетъ дѣятельною силой общества. Даже вещи, произведенныя личнымъ трудомъ, безъ всякой чужой помощи, человѣкъ можетъ сохранять въ своемъ распоряженіи не иначе, какъ съ дозвolenія общества. Мало того, что общество можетъ взять ихъ у вла-

дѣльца, ихъ могли бы взять у него и взяли бы другія частныя лица, если бъ общество оставалось къ этому равнодушнымъ, если бы оно не употребляло своего вмѣшательства или не назначало и не содержало бы особыхъ людей, чтобы не давать никому нарушить владѣнія этими вещами. Такимъ образомъ, распредѣленіе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, которымъ оно подчиняется, создаются мнѣніями и желаніями общества и могутъ быть измѣняемы. Но мнѣнія и чувствованія человѣчества должны согласоваться съ основнымъ закономъ справедливости и находиться въ связи съ знаніемъ, опытомъ, общественными учрежденіями, умственою и нравственною культурою своего времени, для того, чтобы они могли приносить пользу. Общество можетъ подчинить распредѣленіе богатства какимъ угодно правиламъ, но благодѣтельные результаты произойдутъ только отъ правильныхъ съ закономъ справедливости; и хотя человѣку предоставленъ свободный выборъ дѣйствія, но онъ не можетъ безнаказанно преступить этого нравственного закона, уклоненіе отъ которого всегда не замедлитъ дать себя чувствовать во множествѣ общественныхъ бѣдствій и потрясеній. Нравственный законъ, какъ бы самъ стоитъ на стражѣ своихъ предписаній и несетъ возмездіе каждому за свое нарушеніе. Возмездіе это въ народномъ хозяйствѣ выражается въ распаденіи общества на враждебные лагери, въ возникновеніи раздора и антагонизма между ними, который такъ вреденъ для самого материальнаго благосостоянія народа. Вражда нерѣдко до того затмняетъ здравый смыслъ борющихся классовъ, что они думаютъ извлечь себѣ выгоду путемъ уменьшенія достатка и причиненія ущерба своему противнику. Это происходитъ отъ неравной степени интереса, которымъ связаны оба класса въ промышленныхъ предприятияхъ. Несомнѣнно, что капиталистъ заинтересованъ гораздо болѣе въ успѣхѣ и процвѣтаніи предприятия, такъ какъ онъ получаетъ всю прибыль предприятия, тогда какъ рабочій, большую частью, пользуется только однимъ ничтожнымъ заработкомъ и не можетъ разсчитывать на увеличеніе его отъ увеличенія доходовъ предприятия. Естественно поѣтому, что онъ индиферентно относится къ выгодаамъ предпринимателя, не заботится объ успѣхахъ предприятия и старается только не сработать свыше своего заработка. Ясно, что при такихъ условіяхъ промышленность не можетъ достигнуть подобающей высоты, гдѣ главный факторъ промышленности — классъ труда — относится индиферентно къ ея процвѣтанію и такъ мало заинтересованъ въ ея успѣхѣ. Ясно, что онъ только тогда можетъ быть заинтересованъ въ развитіи предприятия, когда будетъ имѣть участіе въ его доходахъ, и что только тогда промышленность можетъ ожидать наибольшаго успѣха, когда благосостояніе и вознагражденіе рабочаго будетъ зависѣть отъ качества и количества производимыхъ имъ продуктовъ.

Нужно дать импульсъ для возбужденія дѣятельности труда, такъ какъ опять показалъ, что дѣйствующій до сихъ поръ импульсъ для дѣятельности капитала не оправдалъ возлагаемыхъ надеждъ. Онъ оказался мало продуктивнымъ и весьма вреднымъ для народовъ, какъ въ материальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи: онъ порождаетъ кризисы, неесте-

ственное и шаткое положение финансовъ и даже посягаетъ на самыя основы общественного строя, а въ нравственномъ отношеніи онъ деморализируетъ народъ, превращая повсюду честныхъ гражданъ въ какихъ-то коммерческихъ спекулянтовъ и вознося деньги на степень всесильнаго кумира, которому всѣ поклоняются и который управляетъ міромъ. Это неестественное положение приводить къ тому, что нѣсколько болѣе промышленные народы, которымъ удалось случайно подняться надъ общимъ уровнемъ: англичане, американцы и нѣмцы эксплоатируютъ весь міръ для своихъ частныхъ выгодъ и обогащаются на счетъ всѣхъ остальныхъ народовъ. Но даже и они не пользуются истиннымъ благосостояніемъ; такъ, въ Англіи насчитывается болѣе трехъ миллионовъ пролетаріевъ, что въ общемъ составляетъ $\frac{1}{12}$ всего населенія страны; американцы отказались отъ всего святого для ловли долларовъ, а нѣмцы изнемогаютъ подъ бременемъ налоговъ. Ясно, что подобное соціальное устройство непрочно и заключаетъ въ самомъ своемъ основаніи зародыши вырожденія и упадка. Благосостояніе народа зависитъ прежде всего отъ распределенія богатствъ, а не отъ ихъ количества.

Распределеніе богатствъ зависитъ отъ мѣны, цѣнности и цѣны. Поэтому для равномѣрного распределенія богатствъ въ народѣ нужно повысить цѣну труда и понизить цѣну капитала, т. е. проценты. Цѣны зависятъ отъ соперничества; слѣдовательно, если бы было больше капиталистовъ, то конкуренція ихъ въ предложеніи капиталовъ понизила бы проценты. Съ другой стороны, уменьшился бы самый размѣръ капиталовъ, что понижаетъ значеніе скопленія денегъ и на меньшій капиталъ можно тогда пріобрѣсти большее. Это происходитъ отъ того, что уничтоженіе крупнаго капитала выдвигаетъ на первый планъ мелкій капиталъ и мелкій кредитъ, который приобрѣтаетъ тогда первенствующее значеніе; но цѣнность денегъ не утрачивается, такъ какъ количество ихъ, обращающееся въ обществѣ, осталось бы одно и тоже, а только измѣнилось бы ихъ распределеніе. Спросъ на капиталъ возрастетъ отъ большаго числа желающихъ кредита, а предложеніе останется въ общемъ итогѣ безъ перемѣны; цѣнность будетъ поддерживаться спросомъ, и деньги вслѣдствіе этого поднимутся въ цѣнности, а, слѣдовательно, всѣ товары подешевѣютъ. Удешевленіе предметовъ производства подыметъ, въ свою очередь, спросъ на нихъ и расширить производство; это уменьшитъ издержки послѣдняго.

Удешевленіе производства и наиболѣе распределеніе составляютъ практическую задачу промышленности. Наилучшее распределеніе, равномѣрно распространяющее богатство во всей массѣ народа, подымаетъ его благосостояніе, что немедленно влечетъ увеличеніе потребленія, которое всегда пропорционально платежнымъ средствамъ народа, а не его естественнымъ потребностямъ. Увеличеніе потребленія или спроса вызываетъ увеличеніе предложенія, т. е. поднятіе промышленности. Такимъ образомъ, нѣть надобности въ созданіи отдаленныхъ рынковъ для произведеній или въ соразмѣрніи производства съ рынкомъ, такъ какъ самъ рынокъ, въ свою очередь, соразмѣряется съ производствомъ: съ количествомъ и цѣною то-

вара. Понижая цѣны товара, промышленникъ тѣмъ самыи расширяетъ рынокъ его сбыта, и, такимъ образомъ, при благоразумномъ хозяйствѣ одинъ и тотъ же рынокъ сбыта можетъ потреблять гораздо болѣе произведеній и поддерживать гораздо большую промышленность, чѣмъ при хищническомъ современномъ хозяйствѣ. Главными же условіями для этого—равномѣрное распределеніе богатствъ и пониженіе цѣнъ производства. Только та промышленность нормальна и можетъ разсчитывать на прочное существованіе, которая питается по преимуществу собственнымъ рынкомъ сбыта, т. е. лежащимъ въ ея районѣ, и старается расширить свое производство пониженіемъ цѣнъ на товары и возможно болѣшимъ распространениемъ ихъ въ своеиѣ районѣ.

Промышленность же, стремящаяся завладѣть отдаленными рынками—искусственна и не можетъ разсчитывать на прочное существованіе, такъ какъ она зиждется не на естественномъ положеніи вещей, а на недостаткѣ или низкомъ уровнѣ промышленности тѣхъ странъ, куда она стремится сбывать свои продукты. Но этотъ недостатокъ странъ всегда можетъ измѣниться. Въ малопромышленныхъ странахъ со временемъ можетъ развиться промышленность, и тогда старая промышленность потеряетъ свой рынокъ. Въ такомъ положеніи находится, напримѣръ, нынѣшняя англійская промышленность. Она грандіозна потому, что снабжаетъ Австралію, Египетъ Индию и другія страны своими произведеніями, но когда въ этихъ странахъ разовьется собственная промышленность, то англійская неминуемо падетъ. Притомъ, конечно, важно, чтобы промышленность каждого района соотвѣтствовала естественнымъ богатствамъ мѣстности, потому, что это даетъ возможность сбывать продукты по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Положеніе общества тѣмъ благопріятнѣе, чѣмъ болѣе произведеній можетъ быть куплено денежнмъ трудомъ простого работника, т. е. чѣмъ выше заработка плата, которая увеличивается по мѣрѣ умноженія произведеній производства и по мѣрѣ пониженія ихъ цѣнъ.

Возвышеніе заработной платы.

Возвышеніе заработной платы за трудъ имѣетъ огромное значеніе для всего общества. Возвысить плату за трудъ—заработную плату—это значитъ увеличить заработка народа, это значитъ облагодѣтельствовать народъ, расширить достатокъ въ самой массѣ народа — въ его корнѣ, пустить живительную кровь въ самый центръ—въ самое сердце его организма, увеличить его материальное благосостояніе, дать ему возможность и средства для духовнаго развитія и нравственнаго преусѣданія. Дѣйствительно, кто эти миллионы земледѣльцевъ - крестьянъ, добывающихъ свой хлѣбъ тяжелымъ трудомъ—въ потѣ лица съ непомѣрными усилиями; кто эти сотни тысячъ мастеровыхъ и рабочихъ, которыхъ суровая судьба заставляетъ гнуться надъ ткацкими станками и жариться предъ паровыми котлами? кто эти бѣдные ремесленники и кустари, которыхъ кон-

куренція крупной промышленности загнала въ темные подвалы и на дырявые чердаки, на самыя окраины и трущобы городовъ, въ самые захолустья провинціальной глуши и заставила работать напролеть дни и ночи ради самаго скучнаго заработка?—Все это представители труда. Они составляютъ главную массу народа. Возвысить ихъ заработка—значить увеличить доходъ народа, значитъ поднять его благосостояніе и благоденствіе. Возвышеніе благосостоянія народныхъ массъ, увеличеніе его достатка влечеть за собою и увеличеніе потребленія и расширение промышленности. Производство усилится и процвѣтѣтъ; а правильный обмѣнъ и равномѣрное круговоращеніе капиталовъ изъ заработка народа въ прибыль капиталистовъ, станетъ поддерживать прочную непрерывную дѣятельность промышленности, поставить ее на твердую почву, застрахуетъ отъ всякихъ кризисовъ и неожиданныхъ превратностей на благо всего народа, на взаимное довольствіе всѣхъ классовъ общества.

Такимъ образомъ, интересы рабочихъ и капиталистовъ находятся въ совершенномъ согласіи между собою, потому что и тѣ и другіе могутъ извлекать выгоды отъ каждой мѣры, клонящейся къ увеличенію капитала и производительности труда; тогда какъ все, что ведетъ къ противоположному результату, невыгодно для обоихъ. Поэтому общій интересъ требуетъ доброго согласія и прочаго довѣрія, предотвращающихъ истребленіе капиталовъ; единственное состязаніе между людьми разныхъ классовъ должно состоять въ стремлениі къ наиболѣе быстрымъ успѣхамъ въ тѣхъ мирныхъ искусствахъ, которыя содѣйствуютъ возрастанію удобствъ и довольствія цѣлаго общества. Дѣятельность показываетъ, что человѣкъ жаждетъ жить не для того только, чтобы жить, но и для того, чтобы наслаждаться жизнью,— извлекать изъ нея возможно больше удовольствія и пріятности; поэтому также важную роль играетъ непроизводительное потребленіе, которое не увеличиваетъ богатствъ народа, а, напротивъ, уничижаетъ ихъ, но зато и удовлетворяетъ его личныя наклонности и позывы и доставляетъ возможное на землѣ счастье. И дѣйствительно, если бы потребленіе стало меныше производства, послѣднее принуждено было бы также сократиться, сдѣлавшись избыточнымъ. Въ дѣйствительной жизни производство и потребленіе стремятся къ равновѣсію, уравниваясь спросомъ и предложеніемъ; дешевизна продуктовъ, расширяя потребленіе, содѣйствуетъ довольствію народа.

Свободное отношеніе работника и капиталиста въ сферѣ промышленности подыметъ ее и возвысить техническіе способы производства. Уменьшеніе благосостоянія одного уменьшаетъ благосостояніе и другого. Какъ разореніе капиталистовъ ведетъ къ нищетѣ рабочихъ, такъ и нищета рабочихъ подрываетъ доходы капиталистовъ. Польза вовсе не въ томъ, чтобы капиталистъ обогащался на счетъ массы народа и затѣмъ принужденъ былъ сокращать свое производство вслѣдствіе обѣданія своихъ покупателей, у которыхъ не осталось больше средствъ для покупокъ его товаровъ. Также и работнику нѣтъ выгоды отъ разоренія промышленника-капиталиста, которое можетъ повести только къ сокращенію промышлен-

ности и уменьшению заработной платы. Дѣло все въ томъ, чтобы равномѣрнымъ соблюдениемъ выгодъ другъ друга и взаимнымъ поддержаніемъ какъ благосостоянія рабочихъ, такъ и достатка промышленника-капиталиста содѣйствовать непрерывному обмѣну между спросомъ и предложениемъ и, такимъ образомъ, дать прочное основаніе промышленности, которая въ равной мѣрѣ выгодна для всѣхъ. Только этотъ непрерывный и постоянный кругъ обмѣна, только равномѣрное и постепенное расширеніе производства по мѣрѣ естественного возрастанія нуждъ народа—благодѣтельно для общества и увеличиваетъ его благосостояніе. Всякія же неестественные повышенія цѣнъ, спекуляціи и непотребныя расширенія производства съ цѣлью личной наживы ведутъ лишь къ кризисамъ и равно разорительны какъ для самого спекулянта, такъ и для всего народа.

Если работникъ лишается заработка, то онъ лишается также возможности покупать у своего хозяина продукты его предприятия; тогда какъ возрастающее благосостояніе одного клонится къ увеличенію приобрѣтенія другого. Итакъ, интересъ всѣхъ и каждого заставляетъ желать господства всеобщаго благосостоянія, накопленія богатствъ и возрастанія производительности труда. Возрастаніе заработной платы какой-либо фабрики отъ увеличенія производства — выгодно для всѣхъ, потому что оно указываетъ на возрастаніе возможности приобрѣтать товары вообще; между тѣмъ какъ возрастаніе заработной платы на одной фабрикѣ отъ уменьшенія производства на другой — невыгодно для всѣхъ, такъ какъ оно указываетъ вообще на уменьшеніе способовъ къ приобрѣтенію предметовъ потребленія. Такимъ образомъ, главною причиной промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ, которые выражаются въ избыткѣ производства и въ наводненіи рынка излишними товарами, служитъ обнищаніе народныхъ массъ. Промышленные кризисы и застой торговли уменьшаютъ спросъ на деньги, и свободный капиталъ въ банкахъ увеличивается новыми вкладами; это происходитъ отъ неравномѣрного распределенія богатствъ: съ одной стороны богатства скопляются въ немногихъ рукахъ, чѣмъ уменьшается ихъ плодотворная дѣятельность, съ другой — массы народа бѣднѣютъ, что лишаетъ ихъ средствъ потреблять продукты производства. Ясно, что во время кризисовъ одни капиталисты не могутъ помочь бѣдѣ, такъ какъ всѣ они одинаково отъ нея страдаютъ, ибо кризисъ — это, собственно, обезсиленіе капитала — единственного орудія, которымъ они владѣютъ. Гдѣ же они могутъ найти спасеніе и опору? Единственно, въ трудѣ — въ томъ классѣ, который является органомъ труда, который составляетъ основаніе всякой промышленной дѣятельности, который одинъ только есть активною движущею силою всякаго предприятия и всей промышленности.

Какую услугу можетъ оказать капиталистамъ и промышленности классъ труда? Онъ можетъ, за соотвѣтственную уступку со стороны капиталистовъ, застраховать ихъ отъ кризисовъ. Эта уступка тѣмъ болѣе справедлива, что рабочие здѣсь страдаютъ по винѣ капиталистовъ. Доходы промышленности уменьшаются и уменьшаются, какъ прибыль капитали-

стовъ, такъ и заработную плату. Многія предпріятія сокращаются или совсѣмъ закрываются и массы народа остаются безъ средствъ къ существованію; неурожай и войны сопровождаются такими же послѣдствіями, какъ и эти кризисы! Какія условія могли бы быть предложены капиталистами? Они могли бы предложить рабочимъ такія условія, которыя позволили бы послѣднимъ работать при подобныхъ обстоятельствахъ за пониженнюю плату, которыя заинтересовали бы ихъ въ выгодахъ предпріятія и сдѣлали бы возможнымъ для нихъ поддерживать его существованіе, давъ гарантію на то, что по миновеніи кризиса они получатъ возможность наверстать тѣ потери, которыя были понесены ими во время кризиса, путемъ пропорціонального увеличенія заработной платы соотвѣтственно увеличенію дохода предпріятія. Такимъ образомъ, капиталисты и рабочіе оказали бы другъ другу взаимныя услуги: первые гарантировали бы послѣднихъ отъ безработицы и голодовокъ, а рабочіе поддержали бы предпріятія капиталистовъ въ періоды кризисовъ и обеспечили бы имъ прочное существованіе. Когда цѣны товаровъ растутъ при уменьшеніи вознагражденія работника, тогда можно быть увѣреннымъ, что явленіе ненормально и непрочно. Это бываетъ слѣдствіемъ спекуляціи, народныхъ бѣдствій или искусственныхъ условій,—а всякий естественный порядокъ вещей влечетъ за собою паденіе цѣнъ и возрастаніе заработной платы. Цѣна товаровъ, выраженная трудомъ, падаетъ съ увеличеніемъ и растетъ вмѣстѣ съ упадкомъ производства. Взаимный кредитъ, оказанный, такимъ образомъ, капиталистами и рабочими другъ другу, увеличилъ бы потребленіе продуктовъ производства и далъ бы возможность существовать предпріятію, чѣмъ удержаналъ бы его отъ разоренія. Тогда какъ недостатокъ взаимности уменьшаетъ какъ вознагражденіе работника, такъ и прибыль капиталиста. Масссы рабочихъ, массы рукъ, ищущихъ труда и занятій, которыми такъ характеризуется наше время, вполнѣ гарантировали бы помѣщеніе всѣхъ капиталовъ, если бы ихъ было даже вдвое болѣе, чѣмъ теперь; и всякий капиталистъ во всякое время могъ бы быть увѣреннымъ, что его капиталъ не останется свободнымъ и празднымъ, если бы только учредился естественный порядокъ хозяйства. Современные промышленные кризисы не имѣли бы мѣста,—кризисы столь роковые для самихъ же капиталистовъ. Но до тѣхъ поръ, пока ненормальное значеніе денегъ и капиталовъ будетъ искусственно поддерживаться—неминуемы и кризисы, которые роняютъ цѣну капиталовъ и заставляютъ за безцѣнокъ продавать дорого стоющія предпріятія; они являются только справедливымъ протестомъ природы противъ неестественныхъ учрежденій людей, которые стараются придать вещамъ несвойственное имъ значеніе. Такова исторія всѣхъ обширныхъ промышленныхъ-капиталистическихъ спекуляцій, которая столь же беспощадно гнететъ цѣлые государства, какъ и отдельныя компаніи, и таковы всегда будутъ послѣдствія общаго и чрезмѣрнаго возвышенія цѣнности реализованнаго труда—капитала.

Трудъ и мѣна.

Понятіе о мѣнѣ неразрывно связано съ понятіемъ о цѣнности; и въ мѣнѣ дается трудъ за трудъ. Трудъ составляетъ главную причину цѣнности. Цѣнность произведеній или благъ измѣняется качествомъ и количествомъ труда, неоходимаго для ихъ производства, и не можетъ превышать труда, необходимаго для ихъ воспроизведенія. Она есть накопленный трудъ въ видѣ капитала или блага. Производство основано на дѣятельности труда и его характерѣ. Человѣкъ ничего не можетъ прибавить къ количеству существующаго вещества и ограничивается измѣненіемъ формы или перемѣщеніемъ матеріи. Поэтому для страны наиболѣе выгодно, когда она за меньшее количество своего труда получаетъ возможно большее количество иностранныхъ товаровъ, т. е. когда ея промышленность совершилъ. Другими словами, та страна въ международной торговлѣ наиболѣе выигрываетъ, трудъ которой наибольше оплатится, т. е. которая можетъ производить продукты съ возможно меньшимъ трудомъ по возможно низкимъ цѣнамъ. Выгода заключается во ввозѣ: чѣмъ дешевле обойдется ввозъ относительно труда страны, тѣмъ выгоднѣе.

Вывозъ страны долженъ оцѣниваться меньшимъ трудомъ, чѣмъ ввозъ въ страну. И та страна остается въ выгода, которая получаетъ за меньшій трудъ относительно большее количество ввоза иностранныхъ товаровъ. Такъ, если художникъ работалъ надъ картиной 100 дней и продалъ ее за 1000 рублей, а портной шилъ платье два дня и получилъ за него 30 руб., то портной получилъ большую выгода, чѣмъ художникъ, потому что онъ за дневной трудъ выручилъ 15 рублей, тогда какъ художникъ за столь же продолжительный трудъ получилъ только 10 р. Слѣдовательно, прогрессъ промышленности зависитъ: 1) отъ развитія техники, 2) отъ подвижности капиталовъ, 3) отъ расширенія производства, 4) отъ личной ініціативы, 5) отъ развитія сотрудничества, т. е. асоціації. Идеаль прогресса состоить въ возможно лучшемъ распределеніи богатства—въ томъ, чтобы не было раздѣленія общества на враждебные классы: труда и капитала, а чтобы всѣ работали на пользу общества съ возможно большею личной независимостью и ініціативой. Итакъ, трудъ является единственной активною производительною силою промышленной дѣятельности, тогда какъ капиталъ, природа, общественные условия, коньюнктуры (стеченіе случайностей), машины, накопленные материальные и духовные средства суть пассивныя производительныя силы, а потому трудъ есть хозяинъ всячаго производства. Поэтому вполнѣ справедливо считаютъ машины, накопленные материальные и духовные средства капиталомъ; какъ таковой же можно рассматривать и общественные условия и коньюнктуры и даже саму природу. Разница между этими факторами только въ томъ, что машины и всякия накопленные средства добыты трудомъ частныхъ лицъ, тогда какъ общественные условия и коньюнктуры являются результатомъ дѣятельности всего общества въ его совокупности, а природа достается

людямъ безъ всякаго труда на общее пользованіе. Изъ этого ясно, что природа и общественные условия, какъ никому не принадлежащія блага, составляютъ достояніе всего общества, и только капиталъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, т . е. всѣ блага, добытыя трудомъ, должны быть частной собственностью того, чей трудъ прикладывался для производства блага и тѣмъ пріобрѣть право на собственность этого блага производителю. Единственная сила, которой человѣкъ обладаетъ при воздействиѣ своемъ на природу—это трудъ и потому только трудъ даетъ ему естественное право на собственность. Жить работнику изъ-за одной рабочей платы, даже надлежащимъ образомъ регулированной закономъ и нравственностью, не согласуется съ истинной справедливостью. Такъ какъ продуктъ труда долженъ всецѣло принадлежать труду и рабочій поестественному долженъ быть хозяиномъ, а капиталистъ наемникомъ всякаго предпріятія,—а не наоборотъ, какъ это существуетъ теперь. Опека же капиталистовъ, если бы она даже была самой высокой нравственности, лишаетъ рабочаго независимости, дѣлаетъ его рабомъ денегъ и такимъ образомъ, уничтожая высшее право и благо каждого человѣка—свободу, не согласуется съ истиннымъ счастіемъ народа.

Рабочія корпораціи.

Для полнаго освобожденія труда изъ подъ ига капитала, для доставленія ему должнаго господства въ промышленности нужно усилить и распространить дѣйствіе трудовыхъ ассоціацій на такихъ условіяхъ, на какихъ нынѣ дѣйствуютъ капиталистическая компанія: акціонерныя предпріятія, соединенныя фирмы, синдикаты, тресты и монополіи. Нужно вызвать въ свѣтъ корпораціи: артели, общества, цехи работниковъ, которые имѣли бы цѣлью соединенными силами устраивать промышленные предпріятія и пользоваться ихъ дивидендами, дѣля между собою чистую прибыль. Такія корпораціи рабочихъ станутъ возможными и появятся сами собой, какъ только будетъ установленъ единственный налогъ съ земли и введена новая система финансъ и кредита. Но и теперь, при воздействиѣ правительства, могутъ возникать подобныя ассоціаціи, обнимающія все рабочее слово; правительство, утверждая ихъ уставы и контролируя ихъ дѣйствія, можетъ оказать имъ содѣйствіе кредитомъ и гарантіею процентовъ. Государственный банкъ можетъ снабжать ассоціаціиссудами и обратить ихъ въ предпринимателей, освобождая отъ материальной зависимости капиталистовъ, гарантируя ихъ самостоятельность. Тогда рабочіе будутъ получать вмѣстѣ съ заработною платою и промышленную прибыль, а государство сдѣлаетъ то, что оно сдѣлало при постройкѣ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, т . е. гарантируетъ въ крайнихъ случаяхъ предпринимателямъ проценты. Для учрежденія самостоятельныхъ промышленныхъ артелей правительство, земство и города могутъ заключать займы, выпуская по нимъ облигациіи (процентныя бумаги, фонды) и перекладывать всю отвѣтственность, рискъ и доходъ предпріятія на рабочія артели. Дивидендъ долженъ

дѣлиться между рабочими пропорционально ихъ труду или заработной платѣ или же распредѣляется поровну между ними.

Разрѣшеніе вопроса о распредѣленіи богатства, согласное съ тѣми цѣлями, къ которымъ стремятся современныя ассоціаціи, заключается въ развитіи свободныхъ товариществъ на твердомъ основаніи частной собственности въ области производства, распредѣленія, накопленія и потребленія богатства, — въ замѣнѣ старыхъ, обветшалыхъ формъ цехового устройства, крѣпостного состоянія и наемнаго труда новыми свободными формами союзности,—въ доставленіи свободной личности точки опоры въ общественномъ порядкѣ, не имѣющемъ привилегированнаго характера. Распространеніе товариществъ предполагаетъ правильное развитіе экономической жизни. Какъ въ средніе вѣка соединеніе промышленнаго класса въ городахъ послужило къ уничтоженію ига землевладѣльческой феодальной аристократіи, такъ въ наше время единственнымъ средствомъ для уничтоженія господства капитала является соединеніе рабочаго класса въ цѣляхъ учрежденія самостоятельныхъ, основанныхъ на трудѣ и справедливомъ его вознагражденіи, предпріятій, освобожденныхъ отъ власти капиталистовъ. А такъ какъ трудъ является основаніемъ всякой дѣятельности, то справедливымъ вознагражденіемъ труда называется такое вознагражденіе, которое равняется всей чистой прибыли предпріятія.

Иго капиталистической промышленности.

Общее и значительное возвышеніе значенія капитала составляетъ главную причину кризисовъ. Ненормальность современной системы не только тормозитъ промышленность недостаткомъ капитала, но и когда капитала много, когда учреждаются банки, когда всѣ пускаются на спекуляцію ссужать деньги, т. е. помѣщаютъ свои капиталы въ банковыхъ акціяхъ, предназначая эти капиталы для учета, тогда вскорѣ оказывается, что акціонеры не въ состояніи сдѣлать всѣхъ слѣдующихъ съ нихъ взносовъ. Многіе стараются сбыть полуоплаченныя акціи; но такъ какъ взносы требуются банковыми компаніями отъ огромнаго числа лицъ, то покупщикъ не бываетъ, и акціи падаютъ до тѣхъ поръ, пока развитіе торговли не доставить занятій затраченному въ нихъ капиталу. Но почему это развитіе оказывается недостаточнымъ, несмотря на услуги такой массы капиталовъ? А потому что, благодаря современному значенію денегъ, владѣльцы капиталовъ предпочитаютъ давать ихъ въ кредитъ на высокіе проценты и получать безъ всякаго труда доходы, чѣмъ самимъ принимать участіе въ промышленности. Между тѣмъ крупная промышленность, поддерживаемая большими капиталами, убиваетъ мелкую, но сама не въ состояніи производить такихъ оборотовъ и давать такого валового дохода, какъ та мелкая промышленность, которой она препятствуетъ существовать. Такимъ образомъ, происходитъ только, такъ сказать, перераспредѣленіе—концентрація промышленности; но въ общей суммѣ размѣръ промышленности всего на

рода уменьшается и потому ее оказывается недостаточно. Если бы дана была возможность участвовать въ кредитѣ всей массѣ рабочихъ, которые теперь должны работать на промышленниковъ-капиталистовъ и на капиталистической компаніи; если бы дана была имъ возможность, такимъ образомъ, устраивать самостоятельный предпріятія путемъ соединенія въ общія болѣе или менѣе обширныя рабочія артели, то тотчасъ явилось бы достаточное количество предпріятій, такъ какъ большинство рабочихъ предпочло бы пользоваться благопріятнымъ случаемъ для того, чтобы сдѣлаться хозяевами предпріятій; и, такимъ образомъ, капиталъ нашелъ бы помѣщеніе. Потому что въ благоустроенному обществѣ трудъ и капиталъ всегда должны находить себѣ приложеніе. Въ крайнемъ случаѣ, можетъ еще быть недостатокъ капитала для поддержанія труда, когда страна бѣдна естественными дарами природы или находится въ упадкѣ; но обратное явленіе, т. е. когда избытокъ капитала не можетъ себѣ найти приложенія за отсутствіемъ труда — совершенно не естественно, противно всякому порядку вещей и здравому смыслу; оно служитъ неоспорымъ доказательствомъ ненормального строя всей хозяйственной организаціи.

Дѣйствительно, по самой природѣ своей человѣкъ существуетъ неудовлетворимое; его желанія возрастаютъ соответственно его пріобрѣтеніямъ. Онъ никогда не доволенъ тѣмъ, что имѣеть, и хочетъ все больше и больше благъ. Никакія средства, никакіе капиталы, какъ бы велики они ни были, не могутъ удовлетворить его. Тѣмъ болѣе въ наше время, когда вездѣ—во всѣхъ странахъ такъ много пролетарія! Что же въ такомъ случаѣ производить то явленіе, что капиталъ не находится приложенія вслѣдствіе недостатка лицъ, желающихъ имъ воспользоваться? Очевидно, не недостатокъ этихъ лицъ, такъ какъ всѣмъ известно, какъ много этихъ лицъ, которыхъ недовольны своимъ материальнымъ положеніемъ и желали бы воспользоваться всякими средствами, чтобы улучшить его! Причины тому кроются гораздо глубже: они заключаются въ тѣхъ условіяхъ, которыхъ не позволяютъ людямъ, желающимъ трудиться и могущимъ вести свои работы самостоятельно, воспользоваться средствами для удовлетворенія своихъ желаній; они лишены кредита для учрежденія своихъ самостоятельныхъ предпріятій. Другими словами, причины эти заключаются во всей хозяйственной организаціи, во всей финансовой системѣ общества, которая даетъ слишкомъ преобладающее значение капиталу въ ущербъ естественнымъ правамъ труда.

Этотъ недостатокъ можно уничтожить путемъ образованія мелкими промышленниками и рабочими-мастеровыми крупныхъ предпріятій: союзомъ ихъ, сплоченіемъ ихъ въ организованныя ассоціаціи и трудовыя артели для установленія самостоятельныхъ цеховыхъ хозяйствъ и промышленныхъ предпріятій. Но, чтобы успѣшнѣе организовать рабочія артели и составлять ихъ въ должномъ количествѣ, полезно учредить въ удобныхъ для того пунктахъ, гдѣ замѣчается сильное скопленіе рабочихъ, особая правительственныея конторы. Такъ, въ Екатеринославѣ, Харьковѣ, Киевѣ, Москвѣ и другихъ промышленныхъ центрахъ часто случается такой наплывъ рабочихъ массъ, что большинству не хватаетъ работъ, и ихъ теперь насилино

отправляют обратно на родину, къ явному ущербу какъ самихъ рабочихъ, которые напрасно потратились на поѣздку и потеряли даромъ время, такъ и всего общества, которое лишается такой массы трудоспособныхъ людей. Въ подобныхъ пунктахъ и полезно было бы учредить эти правительственные конторы, которыя имѣли бы цѣлью организовать рабочія артели, выбирать имъ, изъ ихъ же среды, отвѣтственного предъ правительствомъ старосту съ должною властью, сговаривать ихъ на подходящихъ условіяхъ, снабжать необходимыми принадлежностями и отправлять на мѣсто работъ, по указанію центрального управлениія, завѣдующаго всѣми общественными работами. Конечно, организованнымъ, такимъ образомъ, артелямъ вмѣнялось бы въ непремѣнную обязанность возвратить казнѣ всѣ издержки, со-пряженныя съ ихъ оборудованіемъ, и не расходиться впредь до выполненія всѣхъ положенныхъ условій. Такимъ образомъ, эти конторы направляли бы рабочія силы изъ мѣстъ, гдѣ оказывается ихъ избытокъ, въ мѣста терпящія отъ ихъ недостатка, и доставляли бы всѣмъ ищущимъ труда занятіе.

Это обходилось бы для казны вдвое дешевле, чѣмъ нынѣшніе подряды, такъ какъ, помимо того, что значительно уменьшило бы потребность денежнаго капитала для оборудования, позволяя многое доставлять натурою, еще значительно удешевляло бы само предприятіе; ибо артели простыхъ невзыскательныхъ рабочихъ, во главѣ со своимъ братомъ-старостой, оказались бы, конечно, куда менѣе требовательны и болѣе сговорчивы, чѣмъ подрядчики да капиталисты, съ которыми теперь приходится имѣть дѣло и которые обогащаются такъ жирно насчетъ казны. Кромѣ того, всѣ расходы были бы возвращены казнѣ обратно, и этотъ возвратъ былъ бы гарантированъ трудоспособностью всей артели и ея круговою порукою; артель не имѣла бы права расходиться до выплаты потраченныхъ казною суммъ. При этомъ рабочіе трудились бы гораздо усерднѣе, чѣмъ теперь, такъ какъ они являлись бы полными хозяевами предприятия и пользовались бы всею его прибылью; а отвѣтственный предъ правительствомъ староста, самый опытный и дѣльный изъ нихъ, руководилъ бы работами, заботясь объ единствѣ, порядкѣ и согласіи дѣйствій.

Не оказалось бы недостатка и въ свѣдущихъ, образованныхъ лицахъ, такъ какъ въ эти конторы, конечно, имѣли бы доступъ всѣ желающіе—безъ исключенія: не только рабочіе, но и конторщики, техники, учителя и проч., которые почему-либо нашли для себя выгоднымъ поступить въ члены артели. Наконецъ, и между самими рабочими всегда попадаются свѣдущіе люди, бывшіе уже на практикѣ, болѣе или менѣе знакомые съ разными работами. Все это, при содѣйствіи правительства и при очевидной выгодѣ для самихъ рабочихъ, сильно подыметъ кредитъ труда, оживить промышленную дѣятельность, способствуетъ освобожденію труда отъ ига капитала и понизитъ гнетущее значеніе денегъ. Такимъ образомъ, государство станетъ организовать значительная рабочія силы совсѣмъ даромъ, безъ особыхъ для себя издержекъ, снабжая ихъ только самымъ необходимымъ и не нуждаясь вовсе въ учрежденіи особаго за ними надзора, такъ какъ будетъ налицо самый сильный стимулъ къ труду, именно—личная выгода работника.

Правительство будетъ вполнѣ увѣрено въ полученіи обратно издержекъ, а артель будетъ вполнѣ способна возвратить ихъ и исполнить всѣ условія—какъ обладатель главнаго фактора богатства—труда, обеспеченный всѣми необходимыми для работъ средствами, полученными отъ правительства натурою. Правительство, города и земство могли бы также съ болѣшею выгодой для себя занимать капиталы и передавать ихъ артелямъ, а не отдавать работъ, какъ теперь, въ подряды капиталистамъ. При этомъ правительство или общество передавало бы, такъ сказать, личный кредитъ капиталиста артели, которая, такимъ образомъ, получала бы право на всѣ доходы подрядчика съ уплатой только известнаго, опредѣленнаго процента капиталисту и выплатой издержекъ оборудованія обществу. Въ то же время это своего рода и вещественный кредитъ, такъ какъ общество — правительство, земство или городъ обезпечиваетъ въ данномъ случаѣ кредитора всѣмъ своимъ имуществомъ и само обезпечивается трудоспособностью артели.

Кредитъ натурою.

Главной причиной отсталости русской промышленности является недостатокъ денежныхъ капиталовъ. Но, при изобилии естественныхъ природныхъ богатствъ страны, этотъ недостатокъ можно устранить посредствомъ учрежденія кредита труду. Такъ какъ трудъ является естественнымъ основаніемъ богатства и источникомъ всякой цѣнности, то государству и банкамъ вполнѣ выгодно открыть ему особый кредитъ, ибо всякий трудоспособный человѣкъ обладаетъ уже естественнымъ, природнымъ капиталомъ. Въ виду этого, правительство и банки могутъ безъ опасенія убытковъ организовать рабочія артели и снабжать ихъ необходимымъ капиталомъ для производства: деньгами или натурою, напр., землею, орудіемъ, наконецъ, некоторыми льготами отъ налоговъ и материала, обязывая артели возвратить эту ссуду съ процентами тоже натурою—продуктами ихъ труда. Такъ, организируя рабочія земледѣльческія, промышленныя, горнопромышленныя, торговыя и другія артели, правительство можетъ давать имъ необходимыя орудія, земли, машины, сырье материалы, запасы и зданія, обязуя артели возвратить черезъ известное число лѣтъ эти ссуды своими издѣліями: на опредѣленную сумму добываемыхъ или обрабатываемыхъ ими продуктовъ. Этимъ артели дѣлались бы поставщиками правительства и вредъ отъ недостатка денежныхъ капиталовъ былъ бы вполнѣ устраненъ тѣми природными богатствами, которые теперь лежатъ безъ всякаго употребленія. Правительство можетъ ссужать трудъ громаднымъ кредитомъ, такъ какъ въ его распоряженіи находится масса всякихъ имуществъ: земель, лѣсовъ, горныхъ и рыбныхъ промысловъ и множество завѣдомо лежащихъ безъ всякаго употребленія пустопорожнихъ мѣсть, неразрабатываемыхъ рудниковъ, каменноугольныхъ и соляныхъ залежей, не приносящихъ никакихъ доходовъ; всѣ эти богатства можно было бы отдать рабочимъ артелямъ съ условіемъ выплаты въ опредѣленное время ихъ стоимости натурой—продук-

тами производства: хлѣбомъ, желѣзомъ, солью или разными кустарными издѣліями; тогда какъ теперь правительству приходится закупать массу всѣхъ этихъ матеріаловъ для нуждъ войскъ, флота и различныхъ казен-ныхъ учрежденій.

Установленіе кредита натурою, вмѣсто теперешняго денежнаго, сильно ослабитъ значеніе денегъ. Оно откроетъ труду широкое поле самостоятель-ной дѣятельности помимо ихъ. Договоры, обязывающіе артели произведе-ніемъ извѣстной суммы цѣнностей, приобрѣтутъ значеніе кредитныхъ до-кументовъ или цѣнныхъ бумагъ и, въ свою очередь, увеличатъ этимъ мѣ-новыя средства страны. Если теперь такъ широко распространенъ личный кредитъ на одно слово и вѣру, почти безъ всякой гарантіи на возвратъ долга обратно, то кредитъ подъ залогъ труда совсѣмъ не такъ фиктивенъ: онъ гораздо болѣе основателенъ, чѣмъ личный кредитъ, и вполнѣ возмо-женъ.

Онъ увеличитъ приложеніе труда и расширитъ предѣлы производства, а это усилить спросъ и оживить всю дѣятельность страны. Трудъ тогда получитъ широкое распространеніе; безработицѣ не будетъ болѣе мѣста; установятся самыя благопріятныя условія для экономіи труда; а развитіе кредита и увеличеніе цѣнныхъ бумагъ благодѣтельно понизить проценты на капиталъ.

Акционерные товарищества.

Особенно благопріятною формою для рабочихъ артелей являются акці-онерные товарищества. Имѣя публичный, официальный характеръ и пре-доставляя слабое вмѣшательство капиталистамъ, они даютъ возможность правительству ставить различныя условія въ пользу труда. Личное участіе пайщиковъ въ веденіи дѣлъ акционерныхъ товариществъ — ничтожно. Правительство можетъ взять на себя обязанность выбора должностныхъ лицъ, администраторовъ, директоровъ и членовъ правленія. Оно можетъ контро-лиировать ихъ дѣятельнія и гарантировать имъ, равно какъ и пайщикамъ, постоянный опредѣленный доходъ, постепенно устранивъ акционеровъ отъ прибыли предприятія, — что отчасти выгодно самимъ акционерамъ, такъ какъ они лишены возможности точнаго контроля надъ предприятіемъ и часто не въ состояніи ни предупредить потерю, ни избѣжать обмановъ со стороны администраторовъ. Правительство можетъ, въ благопріятномъ для труда смыслѣ, измѣнить общій духъ законовъ, касающихся акционерныхъ компаний, а въ каждомъ отдельномъ проектѣ устава — опредѣлять въ пользу труда: цѣль учрежденія компаний, размѣръ капитала, число паевъ, поря-докъ управлениія дѣлами, права и участіе учредителей, администраторовъ, акционеровъ и рабочихъ, предоставляя послѣднимъ возможно большее уча-стіе въ дѣлахъ компаний и гарантируя ихъ отъ обѣла со стороны адми-нистраціи. Способность акционерныхъ товариществъ скоплять капиталы также можно обратить въ пользу труда.

Рабочимъ нужно предоставить возможность переходить постепенно въ

акціонеровъ предпріятія. Въ случаѣ новаго займа, облигаціи могутъ быть выпущены на такихъ условіяхъ, чтобы онъ пользовались дивидендомъ равнѣ съ акціями, но чтобы вся прибыль отъ нихъ шла въ пользу рабочихъ, а владѣльцы облигаций пользовались бы, какъ и теперь, опредѣленными процентами. Старанія правительства должны быть направлены къ тому, чтобы постепенно поставить акціонеровъ въ положеніе владѣльцевъ облигаций, а работниковъ въ положеніе акціонеровъ, чтобы акціонеры, равно какъ и владѣльцы облигаций, играли роль кредиторовъ предпріятія, не отвѣчали бы за убытки его, но и не пользовались бы его прибылями, а получали лишь опредѣленный процентъ и не имѣли бы вліянія на ходъ дѣлъ предпріятія. Устранивъ, такимъ образомъ, власть и значеніе акціонеровъ, правительство, по мѣрѣ возможности, увеличивало бы права и обязанности рабочихъ, которые должны получать всю прибыль и отвѣтчиать всѣмъ своимъ заработкомъ въ случаѣ неудачи. Этимъ они были бы заинтересованы въ усіхъ предпріятіяхъ и гарантировали бы опредѣленный доходъ капиталистамъ-акціонерамъ, такъ какъ, въ случаѣ недохваты прибыли для полнаго вознагражденія капиталистовъ по условному проценту, доплата производилась бы изъ ихъ заработка. Наконецъ, правительство можетъ давать, въ крайнемъ случаѣ, рабочимъ артелямъ облигационный капиталъ, какъ это теперь дѣлается по отношенію къ желѣзнодорожнымъ компаніямъ. Оно также можетъ гарантировать акціи, облигации и минимальный заработка рабочихъ, особенно, съ цѣлью усовершенствованія производства. Оно можетъ ослабить вліяніе денегъ на расширение промышленности путемъ организации кредита труду,—можетъ распространять техническое образованіе рабочихъ и дѣлать казенные заказы,—выдавать преміи и брать налоги, по возможности, натурою: съ землевладѣльцевъ—хлѣбомъ, съ кустарей—ихъ издѣліями и т. п.

Кустарничество.

Важно также поощрять и распространять кустарный промыселъ, который изготавливаетъ разныя издѣлія мелкими хозяевами-крестьянами у себя на дому и ручнымъ способомъ. Крестьяне, занимаясь имъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время, не нуждаются въ особыхъ помѣщеніяхъ, ни въ лишнемъ продовольствіи, ни въ материалѣ: мѣстомъ работы служить та же жилая изба, средства пропитанія они получаютъ отъ своего главнаго занятія—земледѣлія, а материалъ часто добывается ими самими, какъ, напр.: дерево, желѣзо, глина, ленъ, шерсть и др. Работая цѣлою семьей въ свободное время, которое безъ этого прошло бы даромъ, крестьяне такимъ способомъ и зарабатываютъ себѣ лишнія средства и доставляютъ полезное развлеченіе, удерживающее ихъ отъ разгула, пьянства и безнравственности. Кустарничество также не отрываетъ ихъ отъ главнаго занятія—земледѣлія. Поэтому распространеніе его очень выгодно для народа, какъ въ нравственномъ, такъ и въ материальномъ отношеніи. Оно способствуетъ равномѣрному распределенію богатства въ народныхъ массахъ и не деморализируетъ

нравственно народъ, какъ крупная промышленность: не увлекаетъ женщинъ на фабрики, не ослабляетъ семейныхъ узъ, не разстраиваетъ здоровья малолѣтнихъ преждевременнымъ трудомъ въ пыльныхъ и Ѳдкихъ атмосферахъ фабрикъ. Возможно болѣе распространеніе кустарничества, а также повышеніе его техническаго достоинства весьма благодѣтельно должно отразиться на народѣ. Правительство должно болѣе поощрять его, давая крупные заказы и свой материалъ: это сильно способствовало бы поднятію народнаго благосостоянія и противодѣйствовало вреду, причиняемому крупной промышленностью. Важно также вводить въ кустарный промыселъ правильную—на артельныхъ началахъ—организацію,—строить для этого въ деревняхъ отдѣльныя болѣе приспособленныя къ работѣ помѣщенія и распространять усовершенствованія и машины. Такимъ образомъ, постепенно возникала бы рядомъ съ деревней фабрика, которая принадлежала бы всей крестьянской общинѣ и давала возможность крестьянамъ заниматься въ свободное отъ полевыхъ работъ время, не отвлекая ихъ изъ своей деревни. Доходы дѣлились бы поровну между всѣми крестьянами и поддерживали бы ихъ въ неурожайные годы. Это въ то же время служило бы противовѣсомъ крупной промышленности и сильно препятствовало бы сосредоточенію капиталовъ въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ, выставляя имъ конкурентовъ въ кустарныхъ фабрикахъ крестьянскихъ обществъ; это также избавляло бы города отъ фабричного дыма и нечистотъ.

Кризисы.

Крупная современная капиталистическая промышленность, основанная на господствѣ денежнаго капитала, служить главной причиной промышленныхъ кризисовъ, которые не имѣли бы мѣста при господствѣ въ промышленности труда и крупныхъ рабочихъ артелей вмѣсто нынѣшихъ компаний капиталистовъ. Предприниматели-капиталисты, вслѣдствіе конкуренціи, стремятся удешевить продукты: или производя ихъ въ болѣшей массѣ, или уменьшая количество труда усовершенствованіемъ, или понижая заработную плату—все это ведетъ къ излишку производства. Артель не стала бы работать черезъ силу, а тѣмъ менѣе уменьшать свой заработка или отказываться отъ труда. Неумѣренное пользованіе кредитомъ, производящее столько банкротствъ и ликвидацій, не могло бы имѣть мѣста при артельномъ хозяйствѣ, такъ какъ оно не могло бы переходить предѣла назначеннаго имъ труда, т. е. пользовалось бы умѣреннымъ кредитомъ. Это не давало бы мѣста теперешнимъ спекуляціямъ, которые являются слѣдствіемъ того, что должникъ не столько имѣеть въ виду, при заключеніи займа, продуктивный трудъ—сколько денежную наживу. Спекуляція, вызывающая искусственный спросъ или предложеніе съ цѣлью повышенія цѣнъ и расширенія производства, не имѣла бы мѣста при артельномъ трудѣ, такъ какъ хозяева-рабочники не стали бы утруждать себя лишнимъ трудомъ. При колебаніи цѣнности денегъ и дешевизнѣ ихъ рабочие не стали бы расширять

производства, такъ какъ равномѣрно съ этимъ дорожала бы ихъ жизнь, а при дорожаніи денегъ и уменьшениі спроса они только уменьшили бы свой трудъ. Если же деньги дорожаютъ медленно и является затяжной кризисъ, то рабочія артели только уменьшили бы свое производство. Иммобилизація капитала, происходящая отъ пониженія денегъ, не имѣла бы мѣста и, въ свою очередь, не производила бы повышенія денегъ, такъ какъ каждый постоянный капиталъ реализировался бы въ бумажныхъ деньгахъ, т. е. переходъ оборотнаго капитала въ постоянный не лишилъ бы покупныхъ средствъ массы, какъ теперь, а, напротивъ, увеличеніе постояннаго увеличивало бы соотвѣтственно и оборотный. Иммобилизація усиливалася бы соразмѣрно съ производствомъ и покупательныя средства, т. е. и потребленіе, а не уменьшало бы его, какъ теперь, и, такимъ образомъ, кризисъ сталъ бы немыслимъ. Только колебаніе цѣнности денегъ способно, само по себѣ, произвести общий кризисъ производства; но большія измѣненія въ цѣнности денегъ очень рѣдки, между тѣмъ какъ кризисы теперь стали зауряднымъ явленіемъ. Пониженіе цѣнъ товаровъ является общее перепроизводство, притомъ уменьшается потребленіе самыхъ необходимыхъ продуктовъ. Теперь «перепроизводство», «излишekъ продуктовъ» являются тогда, когда народъ терпитъ недостатокъ въ самомъ необходимомъ. Производство, слѣдовательно, небольше потребностей, а больше спроса, т. е. больше покупательной силы потребителя. Народъ является обобранымъ; онъ не можетъ купить того, что самъ произвелъ. Покупательныя средства получаются изъ общаго народнаго дохода путемъ распредѣленія, а потому въ условіяхъ распредѣленія заключается причина всѣхъ общихъ кризисовъ. Если при распредѣленіи массы будутъ получать менѣе, чѣмъ имъ нужно, а меньшинство—больше, чѣмъ привыкло потреблять, то у послѣдняго явится излишekъ дохода, который будетъ сбереженъ, а у первыхъ будетъ недостатокъ покупныхъ средствъ. Спросъ на товары сократится на всю сумму сбереженныхъ денегъ и будетъ меньше предложенія.

Часть продуктовъ—равноцѣнная суммѣ сбереженія—не найдетъ сбыта, станетъ излишкомъ. Если бы излишки сберегались въ видѣ продуктовъ, какъ было въ старину, то отъ этого не случалось бы кризисовъ, но теперь они обмѣниваются на деньги; эти деньги ищутъ доходнаго помѣщенія, т. е. идутъ на расширение производства. Производство растетъ, увеличивая предложеніе; усиливается конкуренція капиталистовъ и спекуляція и кредитъ, а покупательныя средства народныхъ массъ сокращаются пропорціонально капитализаціи; несоотвѣтствіе между предложеніемъ и спросомъ товаровъ увеличивается, цѣны падаютъ и вызываютъ кризисъ. Непропорціональное распредѣленіе народныхъ доходовъ является причиной кризиса. Чѣмъ больше будетъ излишка доходовъ у однихъ и недостатка у другихъ, тѣмъ сильнѣе будутъ кризисы и тѣмъ они будутъ чаще. Рабочія артели сильно противодѣйствовали бы этому ненормальному положенію, а потому возможно болѣе распространеніе ихъ и постепенная замѣна ими нынѣ дѣйствующихъ капиталистическихъ компаний является главною задачею современной экономической жизни.

Дѣятельность банка.

Банки, при помощи которыхъ образуются соединенія капиталовъ, должны держать сторону рабочихъ и выговаривать труду, при образованіи акціонерныхъ и другихъ капиталистическихъ компаний, возможно большее значеніе и выгодное положеніе. Они должны стараться, чтобы рабочіе возможно болѣе были заинтересованы въ успѣхахъ предпріятія и пользовались бы не только заработкомъ, но и извѣстной частью прибыли, если невозможнo отдать имъ всю прибыль. Этого можно достигнуть, уменьшая степень участія капиталистовъ въ веденіи дѣла и ихъ отвѣтственность въ случаѣ неуспѣшного хода предпріятія. Банкъ долженъ стараться уменьшить, по возможности, степень отвѣтственности капиталистовъ въ случаѣ неуспѣшного хода дѣла, гарантировать имъ постоянный, опредѣленный доходъ, а за то увеличить участіе рабочихъ въ веденіи дѣломъ и предоставить имъ возможно большую долю въ прибыли и отвѣтственности за неуспѣшный ходъ предпріятія. Вся система финансовъ и кредита должна быть устроена такъ, чтобы въ подобныхъ случаяхъ способствовать труду дѣлаться полнымъ хозяиномъ предпріятія, а вкладчиковъ-капиталистовъ превращать въ простыхъ кредиторовъ, получающихъ опредѣленный процентъ. Слѣдуетъ для этого установить общія положенія, которыя давали бы возможность рабочей артели, при извѣстныхъ условіяхъ и черезъ опредѣленный срокъ, становиться хозяиномъ предпріятія, — какъ это теперь практикуется относительно частныхъ желѣзодорожныхъ компаний, которыя черезъ извѣстное время передаютъ свое предпріятіе въ казну. Каждое предпріятіе должно быть, по возможности, организовано такъ, чтобы награждать рабочихъ за ихъ усердную службу и тѣснѣе связывать съ выгодами дѣла. Организируя рабочія артели для промышленного предпріятія и составляя имъ акціонерный капиталъ, слѣдуетъ выговаривать участіе для рабочихъ въ прибыли и ограничивать процентъ капиталистовъ — такимъ образомъ, чтобы, при содѣствіи банка, артели могли со временемъ выкупить у капиталистовъ предпріятіе въ свое полное вѣданіе.

Современная банковая система очень вредна и не отвѣчаетъ своему назначенію, такъ какъ она только повышаетъ проценты и тѣмъ усиливаетъ значеніе капиталистовъ, вмѣсто того, чтобы понижать ихъ. Принимая вклады капиталовъ на опредѣленные проценты, банки должны выдавать ссуды на проценты еще болѣе высокіе, чтобы получить и себѣ прибыль за комиссию, и, такимъ образомъ, должникъ, вмѣсто того, чтобы получить капиталъ непосредственно отъ капиталиста за меньшій процентъ, получаетъ его за болѣшій отъ банка. Банки теперь поставлены въ необходимость постоянно искать помѣщенія своимъ свободнымъ капиталамъ, но это не всегда удается и банки нерѣдко терпятъ убытки, что ведетъ къ банкротствамъ. Съ другой стороны, это заставляетъ банки пускаться въ рискованныя спекуляціи. Ненормальность современной кредитной системы лучше всего доказывается тѣмъ фактомъ, что даетъ возможность такому проувѣданію бирже-

вой спекуляції, которая, доставляя средства ловкимъ и пронырливымъ спекулянтамъ наживаться непроизводительнымъ трудомъ очень часто на счетъ дѣльныхъ и трудящихся, но не столь ловкихъ людей, очень дурно отражается какъ на материальномъ положеніи народного хозяйства, такъ и на нравственности общества. И хуже всего то, что не только частныя лица, но и сами банки невольно способствуютъ этой спекуляції, такъ какъ современная банковая система принуждаетъ ихъ гоняться за возможно болѣе выгоднымъ помѣщеніемъ своихъ капиталовъ. Такъ, когда банки не могутъ найти помѣщенія своимъ свободнымъ капиталамъ подъ учетъ векселей или выдачу ссудъ на выгодные %, тогда они предпочитаютъ употребить эти капиталы на покупку облигаций, какъ представляющихъ болѣе надежное средство для ихъ помѣщенія, и цѣна облигаций отъ усилившагося спроса поднимается даже выше пари. Предположимъ теперь, что дисконтъ повысился до 7 или 8%, тогда для банковъ выгоднѣе будетъ продать лежащія у нихъ въ портфеляхъ 5%-тныя бумаги, а вырученныя деньги помѣстить подъ учетъ векселей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы привлечь къ себѣ болѣе капиталовъ, банки будутъ платить высшій процентъ по вкладамъ, и многіе изъ частныхъ лицъ предпочтутъ, вмѣсто покупки 5% облигаций, помѣстить свои капиталы въ банкъ, въ видѣ вкладовъ. Вслѣдствіе чего биржевой курсъ облигаций понижается; такимъ образомъ, этимъ колебаніемъ курса дается просторъ спекулятивной игрѣ, которая является слѣдствіемъ какъ ненормальной организаціи банковаго дѣла въ частности, такъ и ненормальности кредитной системы вообще. Чтобы избавить курсъ какъ денегъ, такъ и всякихъ цѣнныхъ бумагъ, отъ его безпрестаннаго колебанія, которое такъ невыгодно отражается на всей хозяйственной дѣятельности народовъ, ставя производительный трудъ въ постоянную зависимость отъ непредвидимыхъ случайностей, а жизненные интересы народовъ отъ спекулятивной игры, нужно измѣнить всю систему кредита, придать другое значеніе дѣйствующимъ цѣннымъ бумагамъ, а главное реорганизовать дѣятельность банковъ и поставить ихъ въ всякой необходимости спекулировать. Ихъ положеніе должно быть твердо иочно. Главною ихъ дѣятельностью должно быть поддержаніе постояннаго номинальнаго курса денегъ и цѣнныхъ бумагъ, пониженіе процентовъ на капиталъ и равномѣрное распределеніе его въ массѣ народа; тогда только ихъ дѣятельность будетъ плодотворна и благодѣтельна; между тѣмъ какъ теперь они еще болѣе повышаютъ проценты, концентрируютъ капиталы и сами зависятъ отъ колебанія курса и, такимъ образомъ, являются весьма вредными учрежденіями для народа.

Средства отъ спекуляціи.

Для уничтоженія колебанія курса слѣдуетъ уничтожить безымянныя или на предъявителя какъ акціи, такъ и облигациіи и ввести одни именныя, при чемъ для затрудненія передачъ этихъ бумагъ въ другія руки и спеку-

лятивной игры съ ними, слѣдуетъ обставить всякую передачу — покупку или продажу — акцій и облигаций большими формальностями и вмѣнить банку въ обязанность строго слѣдить за тѣмъ, чтобы предъявитель бумаги былъ то самое лицо, которое значится ея владѣльцемъ, а въ случаѣ порученія владѣльца другому лицу воспользоваться его бумагами требовать отъ предъявителя формальной довѣренности на это владѣльца. Вообще не только акціи и облигации, но и, по возможности, всѣ цѣнныя бумаги слѣдуетъ сдѣлать именными и затруднить ихъ переходъ изъ рукъ въ руки, насколько это не будетъ стѣснять расширенія кредита, чтобы, не затрудня员 кредитъ, уничтожить всякую спекулятивную торговлю цѣнными бумагами.

Только чекамъ и банковымъ билетамъ можно предоставить свободное обращеніе по ихъ номинальной цѣнѣ; тогда какъ всѣ процентныя бумаги по займамъ, облигаций, акціи, закладные листы, заемныя письма сдѣлать строго именными, — пригодными только для цѣлей дѣйствительного кредита, а не спекулятивныхъ дутыхъ сдѣлокъ; всякую передачу этихъ бумагъ другимъ лицамъ обставить строгими формальностями банка; что же касается векселей, то не стѣсняя ихъ современного значенія, также возможно болѣе приспособить ихъ къ дѣйствительной потребности и сдѣлать непригодными для дѣйствія спекуляцій и фиктивныхъ сдѣлокъ. Для этого недостаточно однихъ запрещеній: какъ, напр., запрещеніе срочныхъ сдѣлокъ съ репортомъ и депортомъ, что только вызываетъ тайную, скрытую, азартную, биржевую игру, а нужно совсѣмъ уничтожить ея возможность путемъ измѣненія всего строя кредитной системы и самого характера и значенія процентныхъ бумагъ. Для этой цѣли можно ввести въ употребленіе особые цѣнныя документы, сходные съ теперешними банковыми билетами, которые имѣли бы силу, подобно векселямъ, переводить кредитъ въ разные города и заграницу.

Теперешнее значеніе и роль векселей, которая даетъ имъ возможность колебаться въ курсѣ и служить предметомъ спекуляцій, заключается въ томъ, что если должникъ желаетъ заплатить деньги своему кредитору, живущему въ другомъ городѣ или за границей, то онъ долженъ купить вексель равнотѣнній суммѣ своего долга и переслать его кредитору; если же нужно получить ссуду съ должника, то, въ такомъ случаѣ, кредиторъ долженъ продать свой вексель. Такимъ образомъ, является спросъ и предложеніе на векселя, которые вызываютъ колебаніе курса и способствуютъ процвѣтанію спекуляцій, такъ какъ векселей всегда ограниченное число; и хотя есть средства уменьшить рѣзкое колебаніе курсовъ, но всѣ они имѣютъ только палліативный, умѣряющій характеръ и не могутъ устранить недостатка. Чтобы вырвать это зло въ самомъ его корнѣ, нужно совершенно устранить векселя отъ подобной роли, а взамѣнъ этого учредить такой порядокъ, чтобы всякий желающій переслать деньги въ другой городъ не покупалъ векселя, а прямо передавалъ бы свою сумму перевода банку, который выдавалъ бы ему особый билетъ перевода на внесенную имъ сумму на имя того лица и въ тотъ городъ, куда хочетъ вкладчикъ перевести свои деньги. Этотъ

билетъ перевода, удостовѣряющій, что вкладчикъ дѣйствительно внесъ въ банкъ означенную сумму, пересыпался бы по почтѣ кредитору вкладчика вмѣсто векселя, и тотъ получалъ бы по немъ изъ мѣстнаго банка означенную сумму. Точно также если бы кому-либо нужно было получить отъ своего должника деньги, то онъ могъ бы предъявить свой вексель въ банкъ и банкъ выдалъ бы ему по векселю означенную сумму, принявъ на себя хлопоты получить деньги по этому векселю отъ должника. Такимъ образомъ устранялась бы всякая возможность колебать курсъ, потому что спроса и предложенія не существовало бы или, вѣрнѣе, они стали бы безграничны, такъ какъ банкъ былъ бы обязанъ покупать всѣ векселя и выдавать безъ ограниченія переводные билеты; кроме того, банкъ выдавалъ бы суммы по номинальной цѣнѣ бумагъ, а не по курсу, что поддерживало бы ихъ постоянную стоимость.

У насъ существуютъ законы, запрещающіе биржевую игру; точно также для ея ослабленія предлагаютъ учредить центральное страховое общество или управление страхованія дивидендовъ, которое имѣло бы контроль надъ правильнымъ ходомъ дѣлъ на биржѣ; но все это полумѣры, которыя могутъ только ослабить, но не прекратить окончательно биржевую игру. Ими не уничтожается возможность спекуляціи; а извѣстно изъ опыта, что въ подобныхъ случаяхъ законы и контроль безсильны, и биржевая игра будетъ всегда явно или тайно вестись тѣми, кому это выгодно, покамѣстъ не уничтожится сама возможность ея. Акціи и облигациіи будутъ искусственно подниматься въ цѣнѣ на дутыхъ предпріятіяхъ и, послѣ падая, лишать цѣлыхъ состояній довѣрчивую публику; а потому, чтобы предохранить общество разъ навсегда отъ этихъ бѣдствій, такъ вредно отражающихъ какъ на материальномъ, такъ и на нравственномъ состояніи народа, нужно изобрѣсти такую систему, которая бы уничтожала всякую возможность спекуляцій. Для этого прежде всего нужно, какъ уже было сказано раньше, акціи и облигациіи сдѣлать строго именными, уничтоживъ таковыя на предъявителя, соединить каждую покупку или продажу цѣнныхъ бумагъ съ болѣшими формальностями банка, затрудняющими спекулятивныя торги бумагами и, главное, вмѣнить банку въ обязанность строго слѣдить за ходомъ биржевыхъ сдѣлокъ. Нужно всѣ цѣнныя бумаги сдѣлать непригодными для легкихъ дутыхъ спекуляцій и придать имъ строго дѣловой, солидный характеръ, годный лишь для операций, сопряженныхъ только съ дѣйствительной куплей и продажей въ цѣляхъ помѣщенія капиталовъ въ фактическія предпріятія; вексельный уставъ измѣнить такимъ образомъ, чтобы онъ, выполняя съ удобствомъ всѣ функции векселей, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ бы всякую спекуляцію немыслимой, давъ возможность банку устранять влияніе частныхъ лицъ на биржевые операции. Первымъ средствомъ для этого могли бы служить вышеупомянутые переводные билеты; при чёмъ банки сосредоточивали бы въ себѣ всѣ биржевые операции и сносились бы между собой, въ качествѣ посредниковъ частныхъ лицъ, по всѣмъ финансовымъ дѣламъ. При современномъ строѣ, когда всякий можетъ торговаться цѣнными бумагами, спекулянты скучаютъ нарочно акціи и облигациіи; фик-

тивными сдѣлками и ложными слухами о выгодности предпріятій повышаютъ ихъ цѣну и, продавая ихъ гораздо дороже, наживаются состоянія; между тѣмъ какъ фиктивная цѣна неминуемо понижается и предпріятія оказываются дутыми. Совсѣмъ не то было бы при новомъ порядкѣ, когда только банкъ имѣлъ бы право выпускать акціи и облигациіи, и всѣ биржевые операциіи совершились бы посредствомъ него—за банковою печатью и съ точнымъ указаніемъ, всякий разъ, имени покупателя и продавца; тогда, конечно, банкъ предупреждалъ бы покупателя о истинномъ положеніи дѣла, сообщая безпристрастно вѣрныя свѣдѣнія,—и спекуляція была бы немыслима. Такимъ образомъ, банкъ сдѣлался бы единственнымъ центральнымъ органомъ кредита, доведя тѣмъ свою теперешнюю роль посредника между капиталистомъ и заемщикомъ до конца; но зато онъ совершенно долженъ быть устраненъ отъ всякой активной дѣятельности въ денежныхъ операціяхъ.

Назначеніе банка.

Свободные капиталы не обращаются въ ссудные и остаются праздными, если помѣщеніе ихъ нелегко или невыгодно. Часто капиталистъ, при всемъ желаніи, не можетъ найти заемщиковъ. Банкъ долженъ быть посредникомъ между капиталистомъ и заемщикомъ. Банкъ облегчаетъ капиталистамъ доходное помѣщеніе ихъ капиталовъ. Поэтому отъ организаціи банка и его дѣятельности зависитъ и вся система кредита. Только тогда система кредита и можетъ быть справедлива и естественна, когда правильно поставлено банковое дѣло, когда капиталистамъ обеспечивается безопасное храненіе капиталовъ, но не поощряется ихъ бездѣятельность, когда имъ оказывается содѣйствіе для пріисканія заемщиковъ, но не гарантируется полной безопасности отъ риска; такъ какъ опасности и риска они не могутъ избѣгнуть даже тогда, когда сами лично пользуются своими капиталами. Банкъ долженъ содѣйствовать выгодному помѣщенію частныхъ капиталовъ и служить какъ бы сходнымъ пунктомъ между капиталистами и нуждающимися въ капиталѣ; но вовсе не обязанъ брать на себя всю тяжесть доходности чужихъ капиталовъ, а тѣмъ менѣе повышать проценты на нихъ; теперь стоитъ только капиталисту положить свой капиталъ въ банкъ, чтобы получать, ничего не дѣлая, постоянный доходъ и притомъ пользоваться полной гарантіей обеспеченности своего капитала, которой онъ не имѣетъ даже тогда, когда самъ лично употребляетъ его; такимъ образомъ, ему дается возможность ничего не дѣлать и еще гарантируется безопасность его капиталовъ; а банкъ принужденъ выворачиваться и спекулировать, чтобъ и капиталисту предоставить постоянный процентъ, и еще сорвать съ должника лишнее для своей выгода; такимъ образомъ, капиталистъ находится въ привилегированномъ положеніи: для него трудятся и должникъ и банкъ, чтобы предоставить капиталисту обеспеченный доходъ и дать ему возможность жить въ свое удовольствіе безъ всякихъ заботъ. Ясно, что подобная постановка дѣла ненормальна. Въ виду того,

что помѣщеніе свободныхъ капиталовъ въ банкъ еще не обеспечиваетъ банку возможности ссужать ихъ для производительного употребленія, то и банкъ долженъ брать капиталы только на храненіе, вычитая за храненіе извѣстный, опредѣленный процентъ; когда же найдется лицо, желающее воспользоваться капиталомъ, тогда банкъ передаетъ этому лицу капиталъ и всѣ права на него, а самъ устраниется отъ всякаго посредничества. Капиталистъ и должникъ сговариваются о величинѣ процента, а банкъ вычитаетъ только себѣ за храненіе и за комиссію опредѣленное вознагражденіе. Такимъ образомъ, банкъ нисколько не будетъ способствовать повышенню процентовъ. Капиталистъ, отдающій свой капиталъ въ ссуду, тѣмъ самымъ получаетъ возможность приобрѣтать извѣстный процентъ, притомъ нисколько не увеличиваетъ опасность потерять свой капиталъ, такъ какъ, употребляя его лично, онъ точно также можетъ обанкротиться, какъ и его должникъ; слѣдовательно, капиталистъ снимаетъ съ себя только хлопоты; но такъ какъ онъ подвергается все же таки риску потерять свою ссуду и такъ какъ онъ получалъ бы извѣстный доходъ, если бы употреблялъ капиталъ лично, то вполнѣ справедливо можетъ пользоваться процентами со своего капитала—конечно, гораздо меньшими тѣхъ, которые получалъ бы при собственномъ трудѣ. Такая организація банка, которая позволяла бы брать капиталы только на храненіе, не повышая процентовъ, понизила бы значеніе капитала и размѣръ процентовъ помимо всякихъ принудительныхъ законовъ. Подобные законы не измѣняютъ положенія вещей, а только способствуютъ усиленію ростовщичества. Размѣръ процента зависитъ не отъ отдѣльныхъ предписаній, а отъ экономическихъ условій, т. е. отъ всей системы финансовъ: отъ того значенія и размѣра гарантіи, которая дается капиталамъ, отъ спроса и предложенія на свободные капиталы и т. д. При новой системѣ капиталистъ не будетъ выгодно держать капиталы при себѣ дома, гдѣ ихъ всегда могутъ украдь или гдѣ они могутъ сгорѣть; точно также и гарантированное храненіе капиталовъ въ банкѣ не будетъ выгодно, какъ влекущее за собою плату за храненіе; единственное и самое выгодное для нихъ окажется, такимъ образомъ, отдавать капиталы въ частныя предпріятія на небольшіе проценты или лично заниматься дѣломъ. Движеніе капиталовъ отъ этого увеличится, и промышленная дѣятельность усилится. Отмѣна всякихъ исключительныхъ и принудительныхъ узаконеній и предоставленіе свободному соглашенію частныхъ лицъ опредѣлять размѣръ процента ведетъ къ расширенію кредита. Не нужно предоставлять только исключительного привилегированного положенія капиталамъ въ ущербъ труду, и тогда процентъ понизится самъ собою, потому что капиталъ по природѣ своей еще болѣе требуетъ приложенія и дѣятельности, чѣмъ трудъ; безъ приложенія капиталъ станетъ уменьшаться и поневолѣ заставить владѣльцевъ согласиться на малые проценты; тогда какъ трудъ можетъ собственными усилиями приобрѣтать капиталъ. Безопасность помѣщенія свободныхъ капиталовъ не должна обходиться даромъ капиталисту; чѣмъ меныше рискъ, тѣмъ меныше должны быть проценты, а за храненіе въ банкѣ капиталистъ самъ еще долженъ платить банку; поэтому если

нѣть риска, то и нельзя требовать и процентовъ. Но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ есть рискъ, полагаются соотвѣтственные проценты; а потому правительство должно охранять справедливые интересы кредиторовъ и принуждать заемщиковъ исполнять долговыхъ обязательства, подвергая ихъ различнымъ невыгоднымъ послѣствіямъ за неисправный платежъ, для чего имѣются особенные долговые законы и суды.

Банки организуютъ кредитъ и развиваютъ его надлежащимъ образомъ; поэтому духъ организаціи и направленія кредита даетъ характеръ его развитію. Банкъ долженъ сближать заемщиковъ съ капиталистами и давать производительное движеніе капиталамъ. Онъ долженъ быть мѣстомъ храненія свободныхъ капиталовъ для выдачи ихъ нуждающимся; облегчая капиталистамъ пріискивать доходное помѣщеніе для капиталовъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не долженъ принимать на себя всѣ заботы и отвѣтственность относительно помѣщенія довѣренныхъ ему на храненіе капиталовъ. Пріемъ на храненіе служить первою и существенною опорою банка. Банкъ не можетъ принимать вкладовъ на проценты, потому что это принуждаетъ его повышать ихъ и усиливаетъ значеніе денегъ; онъ также не можетъ гарантировать безопасность помѣщенія на проценты у другихъ лицъ, а только гарантируетъ храненіе у себя. Способствуя производительному помѣщенію капиталовъ и снабжая трудъ кредитомъ, банки должны поощрять сбереженіе, ускорять обращеніе капиталовъ и усиливать ихъ производительность. Для этого можно организовать государственная кредитная учрежденія безъ основного капитала, какъ это требуется此刻, и дать возможность имъ существовать одною банковою дѣятельностью, т. е. доходами съ процентовъ за храненіе, комиссионными за помѣщеніе капиталовъ и другими комиссионными за разныя банковыя операции въ интересахъ частныхъ лицъ. Частные банки должны гармонировать въ своей дѣятельности съ государственнымъ. Частные банки тоже не должны принимать активнаго участія въ денежныхъ операций, направленныхъ для собственной выгоды, и концентрировать этимъ капиталы; они должны иметь цѣлью также открывать кредитъ лицамъ, нуждающимся въ капиталѣ и получать только необходимые доходы для поддержанія своей комиссионной дѣятельности, не вдаваясь въ постороннія, промышленныя предприятия.

Преимущества новой финансовой системы.

Какъ промышленность, такъ и торговля, вслѣдствіе облегченія кредита и уменьшенія процентовъ, значительно оживятся, потому что свободные капиталы будутъ затрачиваться на производительныя предприятия, приносящія непрерывный доходъ. Всякій владѣлецъ капитала будетъ тогда стараться дать своему имуществу производительное, доходное помѣщеніе и не станетъ тратить доходы, какъ теперь, на излишнюю роскошь, которая поощряется полнымъ гарантированіемъ государственнымъ банкомъ капи-

таловъ, что даетъ капиталисту и всѣмъ его наслѣдникамъ возможность неизвѣдательно тратить деньги, обезпечивая на безконечное время отъ всякаго риска; это отвлекаетъ массу денегъ отъ производительного труда; этимъ современная система уменьшаетъ приложеніе труда для производства, создавая привилегированное положеніе капиталистамъ. Между тѣмъ какъ при справедливой системѣ негарантированное положеніе капиталовъ въ чужихъ рукахъ, увеличенный рискъ и меньшій доходъ заставляли бы капиталистовъ обращаться къ личному труду, который давалъ бы болѣшій доходъ и меньшій рискъ; а это усилитъ производство и уменьшитъ цѣну на продукты; такъ какъ самъ капиталистъ, производя на собственныхъ деньги, конечно, можетъ продавать продукты дешевле, чѣмъ должникъ, который долженъ зачислять въ цѣну продуктовъ еще проценты за кредитъ. Если же капиталистъ не станетъ заниматься личнымъ трудомъ и не найдетъ выгоднымъ отдавать свои деньги въ долгъ, то они постепенно израсходуются и, наконецъ, недостатокъ принудитъ его взяться за трудъ. Конечно, еще долго будетъ господствовать дикий, неправильный взглядъ на капиталъ; еще долго въ народѣ будутъ смотрѣть на богачей, какъ на привилегированныхъ счастливцевъ, заслуживающихъ всякаго предпочтенія предъ простыми смертными; и еще долго будутъ существовать кулаки и міроѣды, которые, пренебрегая закономъ справедливости, ссужаютъ деньги на высокіе проценты. Только умственное и нравственное развитіе можетъ исправить это ложное понятіе народа и дать ему защиту противъ гнета капитала; но подобное развитіе идетъ очень медленно, а потому общество, не упуская изъ виду этой конечной задачи, должно покамѣстъ силою своей организаціи охранять во имя закона угнетенные массы и давать справедливое предпочтеніе труду предъ капиталомъ.

Главнымъ средствомъ для установленія правильныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ является правильная организація кредита. При этомъ нужно всегда имѣть виду, что кредитъ имѣть своею цѣлью дать средства труду для плодотворной дѣятельности, т. е. имѣть цѣлью возможно болѣшее развитіе промышленной дѣятельности, а вовсе не выгодное помѣщеніе капиталовъ и соблюденіе ихъ интересовъ, какъ это практикуется теперь. Трудъ, какъ зиждительная сила, имѣть способность добывать изъ природы богатства и увеличивать ихъ путемъ обработки, и эта-то способность даетъ труду естественное право на кредитъ, размѣръ котораго соотвѣтствуетъ производительной силѣ труда. Поэтому, организируя трудовыя артели и снабжая ихъ для перваго обзаведенія всѣми необходимыми матеріальными средствами, какъ-то: участками земли, орудіями, зданіями, машинами, одеждой, жизненными припасами и т. п., общество, кромѣ того, можетъ еще выпускать особыя цѣнныя бумаги на такую сумму, какую артель обязуется выплатить натурою — продуктами своего труда. Такой постановкой дѣла достигаются двѣ выгоды: во-первыхъ, увеличивается въ обращеніи количество денежныхъ знаковъ, что понижаетъ проценты на капиталы и оживляетъ ихъ обращеніе; во-вторыхъ, открывается возможность пользоваться не только тѣми богатствами, которыя уже существуютъ на-

лицо, но и тѣми, которыя еще только предполагаются въ будущемъ, т. е. открывается возможность истиннаго кредита — въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, на который имѣеть право только одинъ трудъ и полное развитіе котораго невозможно въ настоящей финансовой системѣ потому, что основаніемъ ея служить не трудъ, а капиталъ. «Кредитъ» — «открывать кредитъ» — въ собственномъ значеніи этого слова — значитъ ввѣрять свои средства единственно подъ обеспеченіе тѣхъ благъ, которыя еще только предполагаются въ будущемъ, какъ показываетъ само слово — «credo», что значитъ «вѣрю». Поэтому современная система кредита, требующая, какъ непремѣнного условія, залоговъ и закладовъ въ видѣ недвижимаго и движимаго имущества, собственно не представляетъ еще собою полнаго развитія кредита — въ самыхъ совершенныхъ и удобныхъ его формахъ, такъ какъ она не увеличиваетъ средствъ страны будущими благами, ограничивая ихъ только существующими, и не даетъ мѣста всей пользѣ довѣрія: ибо дача денегъ подъ залогъ имуществъ, которыя оцѣнены въ половину своей дѣйствительной стоимости и всегда могутъ быть проданы для удовлетворенія кредиторовъ, дѣлаетъ фиктивнымъ основной принципъ кредита — довѣріе; собственно, нечemu довѣрять — разъ существуетъ налицо конкретное обеспеченіе; и капиталистъ, безъ опасенія за свой капиталъ, помѣщаетъ его въ доходное предпріятіе, которое доставляетъ ему нерѣдко весьма выгодные проценты безъ всякаго риска и, кромѣ того, освобождается отъ всякаго личнаго труда, давая возможность, ничего не дѣлая, пользоваться всѣми благами чужихъ усилий.

Ясно, что подобная система финансовъ сильно протежириуетъ капиталу, доставляя ему привилегированное положеніе въ ущербъ труду. Вслѣдствіе этого же, что вся современная финансовая система основана всецѣло на капиталѣ, она отличается такою непрочностью и шаткостью и служить удобною средою для постоянныхъ краховъ и дефицитовъ, — для неоплатныхъ долговъ, какъ частныи лицъ, такъ и цѣлыхъ государствъ. Такъ, теперь достаточно только выпустить несоответственное количество бумажныхъ денежныхъ знаковъ, чтобы уже послѣдовало весьма вредное для общества колебаніе и паденіе курса; и стоитъ только еще болѣе увеличить число этихъ знаковъ, чтобы уже вызвать крупный кризисъ и грандиознѣшія банкротства, влекущія за собой разореніе тысячи семействъ и самыя печальные народныя бѣдствія. Почему столь ничтожная причина, какъ выпускъ въ обращеніе нѣсколькихъ сотенъ стопъ бумаги, которыя, кстати сказать, не могутъ ни обогатить, ни обѣднить общества, производить, тѣмъ не менѣе, такія серьезныя всенародныя бѣдствія и потрясенія?

Единственно, вслѣдствіе благопріятной для этого среды, которую представляетъ ненормальное состояніе современныхъ финансовъ! Искусственно основанная экономическая жизнь народа на капиталѣ — взамѣнъ труда, вопреки всѣмъ естественнымъ очевиднымъ свойствамъ природы, является совершенною ненормальностью; и вотъ эта-то ненормальность влечетъ за собою другую еще большую ненормальность, т. е. бѣдствіе народа отъ нѣсколькихъ сотенъ стопъ выпущенной въ обращеніе бумаги; точно также,

какъ буквальное пониманіе словъ Иисуса Навина, влекло за собою еще болѣе нелѣпое ученіе о неподвижности земли! Но почему же, собственно, неумѣренный выпускъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ можетъ причинять столь огромныя, вовсе несоответственныя и несоразмѣрныя съ самимъ фактомъ выпуска бѣдствія? Гдѣ кроется основная причина тому? Единственно только въ томъ обстоятельствѣ, что сумма, на которую выпущены бумажные деньги, ничѣмъ не можетъ быть гарантирована современной системой; такъ какъ капиталъ, на которомъ она основана, являясь результатомъ и, такъ сказать, реализацией только предшествующаго труда въ вещественной формѣ ограниченъ естественнымъ порядкомъ вещей, своими настоящими предѣлами и не имѣть способности къ самостоятельному росту и развитію; а потому не можетъ гарантировать суммъ, превышающихъ его собственную стоимость и имѣть самостоятельное, непосредственное вліяніе на будущія богатства. Такимъ образомъ, номинальная сумма, выпущенная въ формѣ бумажныхъ денегъ, оказывается совершенно фиктивною, ничѣмъ не оправданною и не гарантированною финансовою системою, которая, будучи совершенно искусственнымъ построениемъ, такъ сказать, оторванной отъ дѣйствительныхъ условій жизни народной, не имѣть подъ собой почвы, чтобы выработать какое-либо средство противъ этихъ бѣдствій. Поэтому выпускъ бумажныхъ денегъ рождаетъ фиктивную стоимость, заполнить которую не хватаетъ материальныхъ средствъ. Образуется, такъ сказать, пробѣлъ или пустота, въ которую неминуемо должны провалиться намѣченныя жертвы, ибо трудъ, вызванный увеличеніемъ капиталовъ, требуетъ вознагражденія за сдѣленныя имъ затраты и усилия; но вознагражденія этого въ дѣйствительности не оказывается, и потому является всеобщій кризисъ и истощеніе народа, трудъ которого прошалъ даромъ, безъ всякой для него пользы. Подобное явленіе стало бы немыслимо при естественной организаціи финансъ, основанной на труда, такъ какъ тогда открылась бы возможность покрывать номинальную сумму будущую продуктивностью труда, которая ничѣмъ не ограничена, и такимъ образомъ предотвращать всеобщее бѣдствіе.

Развитіе современного кредита зависитъ отъ трехъ главныхъ условій: 1) отъ обилія свободныхъ капиталовъ, 2) отъ удобства ихъ помѣщенія въ видѣ ссудъ и 3) отъ безопасности этого помѣщенія. Чтобы капиталъ могъ сдѣлаться предметомъ кредитныхъ отношеній, онъ долженъ быть свободнымъ, т. е. незанятымъ въ производствѣ, когда самъ капиталистъ не можетъ или не желаетъ употребить его на предпріятіе. Имущество, которое собственникъ самъ употребляетъ производительно, не становится предметомъ кредитныхъ отношеній. Эти условія современного кредита убѣдительно доказываютъ полное господство капитала въ современномъ хозяйствѣ народа, что современный кредитъ основанъ всецѣло на капиталѣ и организованъ исключительно въ его интересахъ, стремясь доставлять возможно болѣе выгодное помѣщеніе капиталамъ. Трудъ и вся промышленная дѣятельность всецѣло зависятъ отъ денежного капитала и не могутъ быть производительно употреблены, если отсутствуютъ денежныя средства; хотя-

бы всѣ остальныя необходимыя условія для ихъ развитія и были налицо. Между тѣмъ въ правильной системѣ финансъ кредитъ всецѣло долженъ зависѣть отъ труда, т. е.: 1) отъ обилія свободнаго труда, 2) отъ удобства его приложенія къ дѣлу и 3) отъ производительности этого приложенія. Состояніе этихъ трехъ условій вліяетъ на количество и на качество будущихъ благъ, существующихъ быть произведенными трудомъ, отъ которыхъ всецѣло зависитъ кредитоспособность заемщика. Поэтому и предложеніе денегъ должно зависѣть отъ этой кредитоспособности заемщика; а легкость металлическихъ платежей должна имѣть второстепенное значеніе и не должна ослаблять прочности кредита. Современный кредитъ, позволяя одному пользоваться капиталами другого, не увеличиваетъ, а только перемѣщаетъ средства производства, — и то, въ худшее положеніе: потому что оно увеличиваетъ цѣну продуктовъ труда. Только личный кредитъ, подобно деньгамъ, составляетъ рычагъ производства и приближается въ высшей формѣ кредита; такъ какъ освобождаетъ отъ необходимости залога и даетъ мѣсто довѣрію, обезпеченному словеснымъ ручательствомъ въ исполненіи обѣщаній; но и личный кредитъ не имѣетъ при настоящемъ положеніи вѣщей полнаго развитія, ибо существующая среда ставитъ его въ гораздо большую зависимость отъ капитала, чѣмъ отъ труда. Между тѣмъ съ развитіемъ новыхъ кредитныхъ учрежденій явилось бы масса капиталовъ; ихъ недостатокъ исчезъ бы; и всѣ силы труда и природныя богатства, не стѣсняемыя никакимъ ограниченіемъ средствъ, пошли бы въ употребленіе. При современномъ положеніи стоятъ на первомъ планѣ денежныя выгоды; всѣ усилия направлены, главнымъ образомъ, на полученіе большаго денежнаго дохода и стремятся всѣми правдами и неправдами нажить больше денегъ. Вслѣдствіе чего и получается такая аномалія, что неурожайный годъ является благодѣтельнымъ для капиталистовъ, — когда хлѣба рождается на 25% менѣе средняго урожая и народъ умираетъ съ голоду, а цѣна хлѣба возрастаетъ выше чѣмъ на 50% средней цѣны и доходъ получается выше средняго. Тогда какъ при нормальному хозяйствѣ всякое благополучіе основано на производительности труда, и всякое общественное бѣдствіе неминуемо влечетъ за собою и бѣдствія всѣхъ частныхъ предприятій, и поэтому, при такомъ устройствѣ, заботятся единственно о большей производительности труда, о большемъ полученіи натурою. Природныя и естественные богатства являются тогда важнѣе денегъ — составляютъ центръ и основаніе всей хозяйственной жизни страны, вокругъ котораго группируются всѣ производительныя силы народа, на которомъ опирается вся его дѣятельность. Деньги тогда являются только вспомогательнымъ средствомъ для обмѣна этихъ природныхъ богатствъ, только условными знаками, обслуживающими при болѣе точной ихъ оценкѣ и опредѣленіи производительности труда, и уже не могутъ имѣть той самостоятельной покупной силы и той господствующей роли, какими пользуются теперь. Поэтому возможно болѣе расширеніе кредита труду и возможно болѣе распространеніе кредита натурою является основною задачею современного хозяйства.

Доставка рабочими артелями многихъ материаловъ натурою избавить правительство отъ необходимости давать болѣе займы для покупокъ

нужныхъ материаловъ оборудованія, и, такимъ образомъ, кредитъ труду значительно сократить какъ вѣшніе, такъ и внутренніе займы и избавить отъ тягостной уплаты процентовъ по нимъ. Кромѣ того, развитіе промышленности понизить цѣны продуктовъ и разовьетъ такія отрасли производства, которыя теперь существуютъ только за границею, чѣмъ избавить нась отъ необходимости покупать заграничные товары; а это гораздо важнѣе, нежели уменьшеніе платежей иностранцамъ за фрахтъ и комиссию, путемъ постройки собственныхъ кораблей. Если все необходимое будетъ производиться у себя дома—въ собственной странѣ, то этимъ, самъ собою, сократится ввозъ иностранныхъ товаровъ, и услуги торговаго флота сдѣлаются излишними; а Россія, по своей обширности и разнообразію климатовъ, можетъ производить всѣ продукты сама: начиная отъ винограда, хлопка и чая—до шкуръ полярныхъ медвѣдей. Притомъ, самое широкое и разнообразное развитіе промышленности особенно важно, именно, для Россіи; какъ по причинѣ ея болѣй природной изолированности отъ всѣхъ другихъ государствъ, такъ и по причинѣ совершенного отсутствія самостоятельной вѣшней торговли. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, то печальное явленіе, что Россія, несмотря на свой огромный вывозъ за границу разныхъ продуктовъ труда, который далеко оставляетъ за собою ввозъ иностранныхъ продуктовъ,—терпитъ обыкновенно денежный убытокъ; и, такимъ образомъ, отдаетъ какъ товары, такъ и деньги иностранцамъ. Такъ, напр., съ 1881 по 1890 годъ Россія вывезла въ Зап. Европу на 1.608,915,000 руб. болѣе чѣмъ ввезла и должна была понести убытка въ деньгахъ на 185.630,000 руб.; вслѣдствіе долговъ, фрахта и комиссіонныхъ, платимыхъ иностранцамъ. Долги Россіи обуславливаются слабой промышленностью. Развитіе промышленности и производства всѣхъ необходимыхъ продуктовъ у себя дома избавитъ страну отъ зависимости отъ иностранной торговли и заставитъ самихъ иностранцевъ сообразоваться съ нашими требованіями, что обогатить страну деньгами. Чѣмъ дешевле будутъ продукты, тѣмъ больше будетъ и заграничный вывозъ ихъ; слѣдовательно, тѣмъ больше будетъ и денежной выгода. Поэтому усовершенствованіе производства составляетъ главную задачу народнаго хозяйства. Для развитія промышленности гораздо важнѣе дать большую свободу ей внутри страны и избавить ее отъ всякихъ стѣсненій и налоговъ, чѣмъ поощрять таможеннымъ покровительственнымъ тарифомъ. Налоги только угнетаютъ промышленность и всякую хозяйственную дѣятельность, что уменьшаетъ народное богатство; а отъ богатства народа зависитъ всецѣло его податная способность.

Размѣры промышленности ограничены размѣрами продуктивности труда. Налоги и пошлины, увеличивая цѣны товаровъ и материаловъ, увеличиваютъ издержки производства и сокращаютъ его. Мелкіе предпріятія поглощаются крупными и монополизируются въ немногихъ рукахъ. Налоги мѣшаютъестественному развитію богатствъ страны. Чтобы возможно болѣе расширить промышленность, нужно совсѣмъ отмѣнить всѣ налоги и повысить ввозныя пошлины; а нормальное расширеніе сбыта можно достичнуть только путемъ удешевленія и улучшенія продуктовъ.

Кредитъ.

Современныя формы кредита, создающія покупную силу, какъ, напр.: 1) взаимные расчеты, перечисленіе суммъ съ одного счета на другой; 2) переводные векселя, которые переходятъ по передаточнымъ надписямъ и служать для расплатъ; 3) билеты, т. е. платежныя обязательства по предъявленіи, выдаваемыя на себя должниками (банками или правительствомъ), отличительная особенность которыхъ состоитъ въ томъ, что они не даютъ процентовъ; 4) чеки, ордера, выдаваемые частными лицами въ банки, которые хранять кассы частныхъ лицъ или открываютъ имъ кредитъ и пр., дѣлаютъ возможнымъ совершать громадные обороты изумительно малымъ количествомъ денегъ. При чемъ банковые билеты составляютъ болѣе могущественное орудіе. Кредитъ по книгѣ обнаруживаетъ покупную силу лишь одинъ разъ; кредитъ по векселю служить для покупокъ столько разъ, сколько вексель перейдетъ изъ рукъ въ руки; но пріемъ векселя къ платежу зависитъ отъ довѣрія къ лицамъ, участвующимъ въ векселе, а кредитъ по банковымъ билетамъ дѣлаетъ кредитъ банка покупною силою, независимо отъ кредита, которымъ владѣлецъ билета самъ можетъ пользоваться. Выдача чековъ по открытымъ счетамъ имѣетъ всю силу банковыхъ билетовъ.

Такимъ образомъ, формы современнаго кредита развиты до возможнаго совершенства и низводятъ до минимума наличное обращеніе денегъ; если принять еще вовниманіе то обстоятельство, что цѣны опредѣляются не количествомъ денегъ, а суммами, на которыхъ простираются покупки, то становится очевиднымъ, что деньги совершенно утратятъ всякое самостоятельное значеніе лишь только финансовая система будетъ утверждена на истинномъ основаніи. Какъ устройствомъ Дворянскаго банка правительство заставило понизить проценты акціонерныхъ земельныхъ банковъ, чтобы удержать за собою клиентовъ, такъ и реформой банковой системы оно заставитъ всѣхъ частныхъ капиталистовъ понизить проценты на свои капиталы. Такимъ образомъ сдѣлаются излишними всякие особые законы и постановленія, ограничивающіе высоту процентовъ и опредѣляющіе максимальный размѣръ ихъ, которые необходимы при современной системѣ и являются обычнымъ недостаткомъ во всемъ періодѣ ея господства—съ самого ея основанія. Такъ, уже въ Римѣ размѣръ процентовъ былъ определенъ въ законодательствѣ двѣнадцати таблицъ; а по закону Генуція (341 до Р.Х.) отдача въ рость совершенно воспрещена. Законодательствомъ Юстиніана установленъ указный процентъ въ 4—8 на сто; сложные же проценты вовсе воспрещены. Самъ Смитъ одобряетъ установление узаконенного максимума процента, существующаго быть немногого выше самого низкаго рыночнаго процента. Все это свидѣтельствуетъ, что высокій процентъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе господства капитала, искони составлялъ серьезное зло народнаго хозяйства, съ которымъ считали нужнымъ бороться экономисты всѣхъ вѣковъ. Новая система дастъ возможность не

только понизить размѣръ процентовъ до минимума, но и установить отрицательные проценты за храненіе капиталовъ въ банкѣ—какъ общее правило. Пониженіе процента произошло бы—само собою—безъ насильственнаго вмѣшательства исключительного закона. Это касается, разумѣется, до обычнаго торговаго кредита, ибо размѣръ процентовъ у ростовщиковъ зависитъ всецѣло отъ умственнаго и нравственнаго развитія народа. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что естественная финансовая система должна основываться на труде и имѣть своимъ источникомъ всеобщій нравственный законъ справедливости, такъ какъ народное богатство заключается не въ деньгахъ, а въ естественныхъ дарахъ природы и въ трудоспособности народа; слѣдовательно, нужно освободить всѣ естественные блага отъ зависимости денегъ, давъ свободный ходъ природнымъ силамъ страны, чтобы получить наибольшее развитіе всякой хозяйственной дѣятельности. Для этого необходимо дать труду должное ему первенство предъ капиталомъ и уменьшить до минимума значеніе денегъ. Пониженіе процентовъ и уничтоженіе всякой возможности колебанія курса являются необходимыми условіями для осуществленія послѣдняго требованія. Вышеозначенными непремѣнными качествами, присущими всякой нормальной финансовой системѣ, опредѣляются обязанности, операции и вся организація банка, которая должна строго гармонировать финансовой системѣ—въ ея цѣломъ. Банкъ является главнымъ органомъ денежнаго обращенія страны. Это сердце всей финансовой организаціи, отъ правильнаго функционированія котораго зависитъ болѣе или менѣе благодѣтельное направлениe и сила движенія денегъ, концентрація капиталовъ или ихъ равномѣрное распределеніе въ народѣ. Потому постоянное дробленіе и равномѣрное распределеніе денегъ является прямою задачею банка. Онъ долженъ постоянно соблюдать выгоды труда и доставлять ему должное преимущество предъ капиталомъ. Всѣ его операции и вся организація должны соотвѣтствовать этимъ основнымъ цѣлямъ. Банки не должны учреждаться для своего частнаго интереса, а исключительно для общественной пользы, какъ теперь, напр., городскіе общественные банки, которые имѣютъ въ виду лишь содѣйствіе торговлѣ и промышленности. Банки не должны быть промышленными предпріятіями,—но общественными учрежденіями. Прибыли отъ операций банковъ лучше всего помѣщать въ пользу благотворительныхъ заведеній: больницъ, школъ и т. п. или употреблять на государственные и городскія нужды, и только въ исключительныхъ случаяхъ присоединять къ запасному капиталу. Въ виду прекращенія банкомъ всякихъ рискованныхъ спекуляцій, основной или гарантійный капиталъ сдѣлается ненужнымъ и будетъ имѣть временный характеръ случайныхъ скопленій. Банкъ не долженъ брать на себя никакихъ постороннихъ коммерческихъ или промышленныхъ обязанностей, которая не относятся непосредственно къ банковымъ операциямъ. Подобно современнымъ обществамъ взаимнаго кредита, всѣ банки, безъ исключенія, должны имѣть цѣлью не собственные барыши и дивиденды, а снабженіе общества возможно болѣе широкимъ и дешевымъ кредитомъ. Банкъ можетъ располагать только тѣми капиталами,

которые у него имъются въ наличности и притомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы всегда, по первому требованію, уплачивать золотомъ какъ своимъ вкладчикамъ, такъ и предъявителямъ цѣнныхъ бумагъ. Онъ отвѣчаетъ только за храненіе и не можетъ прибѣгать къ займу. Синдикаты или консорціумы (союзы) банковъ не могутъ имѣть мѣста уже потому, что банки должны быть связаны между собою строго опредѣленнымъ уставомъ и ихъ взаимныя соотношенія точно согласованы съ общей организацией, не допускающей никакихъ исключительныхъ отступлений. Равно какъ и покупка цѣнныхъ бумагъ по собственной инициативѣ, не вызванная порученіемъ клиентовъ банка, тоже не можетъ имѣть мѣста. Однимъ словомъ, банкъ не долженъ производить никакихъ самостоятельныхъ оборотовъ, а исполнять только роль комиссіонера частныхъ лицъ. Ипотечные банки, равно какъ и особый видъ ихъ—мелiorативные банки, которые выдаютъ ссуды на улучшеніе имѣній, покупку машинъ, скота, сѣмянъ и удобреній, выпускаютъ теперь процентныя долговыя обязательства; но эти бумаги могутъ быть сами по себѣ денежными знаками—въ родѣ банковыхъ билетовъ, а не средствами только для полученія ссудъ подъ залогъ имуществъ. Такимъ образомъ, они не будутъ нуждаться въ процентахъ, какъ теперь, и станутъ писаться не на предъявителя, а на банкъ. Такъ какъ они обеспечены имуществомъ, то могутъ играть роль денегъ и, такимъ образомъ, перестанутъ давать помѣщеніе свободнымъ капиталамъ на высокіе проценты, что понизить значеніе капитала и дастъ возможность обходиться помимо его. Тогда ссуды будутъ обходиться безъ долговъ и безъ обременительныхъ процентовъ, не будутъ требовать никакихъ уплатъ, такъ какъ банкъ станетъ выпускать денежные бумажные знаки въ пользу владѣльца залога и тѣмъ обеспечить цѣнность этихъ документовъ; заемщикъ будетъ платить только комиссіонные проценты банку за операцию, но никакихъ болѣе процентовъ на погашеніе своего долга. Банкъ оцѣниваетъ залоги и выдаетъ бумажныя деньги, за что получаетъ комиссіонные проценты. Въ случаѣ общаго кризиса бумажныхъ денегъ или банковыхъ билетовъ, банкъ продаетъ заложенные имущества (нужную только часть) съ аукціона для уплаты по нимъ золотомъ. Банки, такимъ образомъ, сдѣлаютъ возможнымъ прилагать дѣятельность, не стѣсняясь недостаткомъ денегъ, чѣмъ освободятъ трудъ отъ ига капитала и сдѣлаются посредниками въ движениі кредитовъ.

Операциіи банковъ состоятъ не только въ приемѣ вкладовъ на храненіе и въ производствѣ трансфертовъ и переводовъ денегъ; они производятъ платежи и получаютъ деньги за счетъ своихъ клиентовъ. Банкамъ всѣхъ государствъ очень выгодно ввести общую единицу цѣнности, равную извѣстной вѣсовой единицѣ чистаго золота. Банки не должны употреблять вкладовъ на свои операции, но сберегать ихъ и выдавать ссуды подъ залогъ, выдавать по вкладамъ банковыя билеты на предъявителя, обезпеченные закладными листами.

Банки могутъ быть и частные; имъ вовсе не нужно имѣть монопольный характеръ, непривилегированный безъ поддержки правительства; они

только должны подчиняться общему банковому уставу. Экономическая свобода, отмѣна монополій увеличать число частныхъ банковъ; а обороты ихъ, благодаря росту нестѣсняемой промышленности и торговли, дости гнутъ громадныхъ размѣровъ. Банковыя общества движимаго кредита, содѣйствующія теперь крупной промышленности, посредствомъ выпуска облигаций стягивающія свободные капиталы и дающія ихъ въ ссуды акціонернымъ компаніямъ, должны не только содѣйствовать помѣщенію акцій въ публикѣ, но и выговаривать рабочимъ права на часть дивиденда, дающія возможность постепенному переходу предприятій въ собственность труда; они не должны также вести спекуляцій на биржѣ, которыми подрываютъ довѣріе къ себѣ. Залоги даютъ банкамъ возможность не только выдавать свободные капиталы, но и выдавать бумажныя деньги или банковые билеты. Частные банки могутъ быть краткосрочнаго и долгосрочнаго кредита—какъ акціонерные, такъ и на началахъ взаимности. Равно весьма полезно развивать дѣятельность ссудосберегательныхъ товариществъ и мелкихъ ссудныхъ кассъ. Общая обязанность всѣхъ банковъ—преслѣдоватъ только выгоды общества и заботиться о равномѣрномъ распределеніи богатствъ—сдѣлаетъ ихъ солидарными между собою. Ссуды могутъ выдаваться подъ залогъ будущихъ продуктовъ труда, какъ теперь онѣ выдаются подъ залогъ покупаемыхъ крестьянами земель; или, еще лучше, выдавать цѣнныя бумаги прямо подъ будущіе продукты труда. Можно выдавать ссуды или цѣнными бумагами, или наличными деньгами, вырученными обмѣномъ цѣнныхъ бумагъ. Цѣль банка—доставить болѣе дешевый кредитъ и облегчать перезалогомъ тяжелыя условія залога. Реализація цѣнныхъ бумагъ въ золото также составляетъ его прямую обязанность. Всѣ кредитные документы, являющіеся слѣдствіемъ частныхъ сдѣлокъ, должны быть, безъ исключенія, строго именными; являющіеся же результатомъ сдѣлки между частными лицами и банками, должны быть писаны на имя банка; и только безпроцентные документы, основанные на вещественномъ заладѣ или залогѣ, могутъ писаться на предъявителя, такъ какъ они могутъ исполнять функции обыкновенныхъ бумажныхъ денегъ. Банковые билеты имѣютъ то же значеніе и отличаются отъ бумажныхъ денегъ только тѣмъ, что пишутся на имя банка. Но всѣ процентные документы должны быть строго именные, а всѣ операциіи съ ними должны совершаться непремѣнно при посредствѣ банка; за солидностью этихъ операций банкъ обязанъ строго слѣдить, особенно если предметомъ ихъ служатъ процентные документы съ непостоянными, колеблющимися процентами.

Выдача бумажныхъ денежныхъ знаковъ и банковыхъ билетовъ, обеспеченныхъ залогомъ или заладомъ, весьма полезна и можетъ широко практиковаться: она увеличиваетъ въ обращеніи количество денегъ, понижая тѣмъ проценты на нихъ и притомъ не подвержена никакому риску, такъ какъ залогъ гарантируетъ цѣнность бумажныхъ знаковъ и, въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть реализированъ.

Для уничтоженія всякой возможности колебанія курса процентныхъ бумагъ всѣ операциіи съ ними должны бытъ совершаемы только при по-

средствъ банка, который обязанъ поддерживать nominalную цѣну ихъ и уничтожать всякую возможность спекуляцій. Всѣ банки должны быть организованы по одному общему уставу,—строго согласоваться между собой во всѣхъ своихъ функціяхъ; такъ чтобы цѣнныя бумаги и обязательства одного банка, безразлично частный ли онъ или государственный, имѣли равную силу и значеніе для каждого другого банка и обязывали каждый изъ нихъ выполнять всѣ операциі съ ними. Такъ, банковые билеты одного банка должны быть принимаемы къ уплатѣ всѣми банками; при этомъ банкъ выпустившій билетъ и банкъ принявшій его сводятъ свои разсчеты для перемѣщенія денегъ соотвѣтственно перемѣщенію цѣнныхъ бумагъ.

Однако, однообразная организація банковъ не должна препятствовать каждому изъ нихъ въ отдѣльности преслѣдоватъ, главнымъ образомъ, какія-либо исключительныя цѣли, лишь бы эти цѣли не противорѣчили общимъ цѣлямъ банка: такъ могутъ быть, какъ и теперь, коммерческіе банки, имѣющіе въ виду специальную поддержку торговли и промышленности, ипотечные, земельные, общества взаимнаго кредита и т. п.; могутъ быть также банки, предназначаемые исключительно для одного какого-либо сословія, какъ, напр.: дворянскій, крестьянскій или купеческій; они могутъ даже основываться на различныхъ началахъ, какъ, напр.: на началѣ взаимнаго кредита, или на началахъ товарищества и акціонерныхъ компаний, или отдѣльными частными лицами. Всѣ эти разновидности не мѣшаютъ правильному и однообразному построенію финансовой системы; такъ какъ вовсе не важно, въ какихъ исключительныхъ цѣляхъ дѣйствуетъ банкъ, а важно только, чтобы всѣ функции и дѣйствія его были строго опредѣлены и соотвѣтствовали общему направленію финансовой системы, чтобы всѣ виды цѣнныхъ бумагъ, выдаваемыхъ банкомъ, были точно опредѣлены въ своемъ значеніи и имѣли общую одинаковую для всѣхъ банковъ силу. Такъ какъ всѣ банки имѣютъ своею цѣлью понижать проценты на занятые капиталы, то они могутъ брать только за свои операциі и содѣйствіе частнымъ интересамъ опредѣленный разовой процентъ или комиссіонные и—быть только посредниками при заключеніи займа; но разъ заемъ заключенъ, то и operaція банка кончена; онъ устраняется отъ всякаго посредничества и предоставляетъ кредитора и заемщика самимъ себѣ, ибо всякое дальнѣйшее посредничество банковъ между кредиторомъ и заемщикомъ, которое практикуется теперь, ведетъ къ повышенію процентовъ.

Такимъ образомъ, банкъ будетъ строго циркуляціоннымъ учрежденіемъ, преслѣдующимъ, единственно, возможно большую подвижность капиталовъ и легкость перемѣщенія кредита, но отнють не спекуляціоннымъ; и всякая дѣятельность банка въ цѣляхъ своей собственной наживы или какія бы то ни было коммерческія и промышленныя сдѣлки должны быть воспрещены закономъ. Дѣло банка—заниматься только банковыми operaціями, а всякия промышленныя и торговые дѣла составляютъ сферу промышленныхъ и торговыхъ предпріятій.

Основные и гарантійные капиталы, необходимые для банковъ теперь, сдѣлаются ненужными, такъ какъ банки не будутъ пускаться въ риско-

ванныя предпріятія; всѣ эти капиталы будуть пущены въ оборотъ, что значительно увеличить движение денегъ; тогда какъ теперь суммы годовыхъ оборотовъ часто гораздо менѣе суммы основного капитала, который, такимъ образомъ, лежитъ безъ всякой пользы. Такъ, сумма всѣхъ основныхъ капиталовъ русскихъ банковъ къ 1896 году равнялась 320 миллионамъ, тогда какъ сумма годового оборота была только въ 70 миллионовъ. Дать движение основнымъ капиталамъ особенно важно для Россіи—бѣдной денежными средствами, но изобилующей числомъ рабочихъ рукъ и естественными богатствами, которые пропадаютъ даромъ и не могутъ быть эксплоатированы, единственно, вслѣдствіе недостатка денегъ.

Комиссіонные деньги, получаемыя банкомъ за операціи, обслуживающія интересы частныхъ лицъ, даютъ необходимыя средства для покрытія расходовъ по управлению банка. Въ виду того, что банкъ долженъ предохранять курсъ отъ всякаго колебанія и всегда поддерживать номинальную стоимость цѣнностей, поэтому спекулятивный арбитражъ, т. е. выдача банковыхъ (а не экспортныхъ) тратъ, при современномъ финансовомъ строѣ, весьма благодѣтельна; хотя въ этомъ и нѣтъ дѣйствительной торговой сдѣлки, но она зато предохраняетъ курсъ отъ сильныхъ колебаній. Однако, еще лучше совершенно уничтожить всякую возможность колебанія курса, и, такимъ образомъ, сдѣлать совсѣмъ ненужными спекуляціонныя операции; а это достигается только путемъ переустройства всей финансовой системы на новыхъ естественныхъ началахъ. Возможно бѣльшее сокращеніе процентныхъ бумагъ и переименование всѣхъ остальныхъ изъ нихъ, которыя не могутъ быть уничтожены или передѣланы на безпроцентныя, въ солидные строго-именные процентные документы, неподдающіеся спекуляціонной игрѣ частныхъ лицъ, въ документы, всѣ операціи съ которыми совершились бы только при посредствѣ банка, поддерживающаго ихъ номинальную цѣну, сдѣлало бы невозможнымъ колебаніе курса цѣнныхъ бумагъ. И хотя спекулятивныя операции банка и слѣдуетъ допускать въ тѣхъ случаяхъ, когда иначе нельзя предохранить курсъ денегъ отъ колебанія, напр.: въ заграничныхъ сношеніяхъ, но у себя дома можно устроить такую систему, которая дѣлалась невозможнымъ всякое колебаніе курса; съ этой цѣлью банки могутъ выдавать особые документы—въ родѣ денежныхъ переводовъ, которые исполняли бы роль денегъ во всѣхъ платежахъ и этимъ предохраняли бы курсъ отъ всякихъ колебаній. Введеніе монометаллической денежной системы съ одной золотой валютою и всеобщее однообразное примѣненіе ея является, однако, необходимымъ условіемъ для постоянства курса на міровомъ рынкѣ. Цѣнныя и процентныя бумаги, равно какъ и кредитные знаки, должны служить только для расширенія кредита и замѣны золотыхъ денегъ, а не для денежныхъ выгодъ и спекуляцій.

Чтобы капиталы не лежали напрасно—безъ всякой пользы, банкъ можетъ ссужать нуждающихся въ кредитѣ и такими капиталами, которые даны на храненіе; подобно тому, какъ теперь онъ распоряжается такими капиталами, которые могутъ быть во всякое время потребованы обратно,

банкъ, на основаніи опыта, имѣть возможность опредѣлять колебанія взносовъ и выдачъ суммъ и сообразно съ этимъ разсчетомъ держать соотвѣтственный запасъ денегъ для нужныхъ уплатъ. Въ этомъ случаѣ онъ, вполнѣ справедливо, можетъ пользоваться двойными процентами съ одного и того же капитала: процентами отъ вкладчика за храненіе и процентами отъ должника за рискъ, которому подвергаетъ себя банкъ, ссужая нуждающагося такимъ капиталомъ, который можетъ быть во всякое время потребованъ обратно вкладчикомъ. Эта мѣра еще тѣмъ удобна, что, увеличивая комиссионный заработка банка, она въ то же время даетъ возможность ему понижать проценты на капиталъ какъ съ вкладчика, такъ и съ должника. Напримеръ, если банкъ взимаетъ съ вкладчика за храненіе 3 проц., то, ссужая его капиталъ другому лично отъ себя (это можно будетъ только въ томъ случаѣ, когда самъ вкладчикъ не хочетъ подвергать риску свой капиталъ, отдавая его лично отъ себя въ предпріятіе) на 2%, банкъ имѣть возможность понизить комиссионная за храненіе и вкладчику до 2% и получаетъ при этомъ еще выгоду на 1%, такъ какъ 2% съ вкладчика и 2% съ заемщика съ одного и того же капитала даютъ 4%, что болѣе на 1% отъ получаемыхъ прежде 3% за храненіе съ одного вкладчика.

Равно и текущіе счеты не должны пользоваться процентами отъ банка, какъ практикуется теперь; напротивъ, еще банку слѣдуетъ платить за храненіе и заботу по текущимъ счетамъ, какъ бухгалтеру владѣльца этихъ счетовъ; систему чековъ можно оставить въ настоящемъ видѣ. Вся разница, слѣдовательно, будетъ лишь въ томъ, что не банкъ станетъ платить проценты, но банку будутъ платить, какъ вкладчики за храненіе и веденіе счетовъ, такъ и должники за ссуды, при чемъ проценты будутъ минимальныхъ размѣровъ, необходимыхъ лишь для покрытия расходовъ по управлению банка. Онъ утратить свой самостоятельный современный характеръ спекулятивнаго предпріятія и останется лишь комиссионеромъ своихъ клиентовъ; какъ бы ихъ общимъ бухгалтеромъ и посредникомъ между капиталистами и нуждающимися въ кредитѣ. При чемъ основная задача банка—равномѣрное распределеніе богатствъ—заставитъ его, въ крайнихъ случаяхъ, предпочтительно повышать проценты съ капиталистовъ, чѣмъ съ должниковъ.

Слѣдуетъ стараться развить возможно большее чековую систему, т. е. уплату чеками, какъ это, напр., практикуется въ Англіи, и предпочитать уплату банковыми билетами предъ золотою монетою. Полезно также учредить разсчетныя палаты (Clearing Houses) или установить такой порядокъ, чтобы всѣ частные банки имѣли въ государственномъ свой текущій счетъ. Банкъ можетъ открывать текущіе специальныя счеты, т. е. выдавать ссуды на свой рискъ подъ обезпеченіе, какъ и теперь, цѣнными бумагами и векселями; при этомъ срочныя ссуды до востребованія являются резервнымъ фондомъ. Вклады въ банкъ могутъ быть вѣчные, срочные и безсрочные и на текущіесчеты, но всѣ, однако же, только, на храненіе. Банкъ, кромѣ того, выпускаетъ безпроцентные билеты на предъявителя, вместо денежныхъ кредитныхъ знаковъ, подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ, подъ учетъ

векселей и подъ закладъ цѣнныхъ вещей. Размѣръ билетовъ обезпечивается залогами, закладами и цѣнными бумагами, такъ какъ сумма, поименованная въ билетахъ, равна цѣнности этихъ обезпечений. Немедленно, по предъявленіи, билеты мѣняются на золотую монету и равно также, безпрепятственно, выдаются подъ залоги и векселя. Билеты, наравнѣ съ деньгами, могутъ служить средствомъ для ссудъ. Залогъ подъ билеты—вексельный и бумажный портфель банка—можетъ быть реализованъ. Количество билетовъ будетъ всегда сообразоваться съ требованіемъ рынка и соотвѣтствовать потребностямъ народа въ мѣновыхъ знакахъ, такъ какъ выдача и приемъ ихъ банкомъ станутъ производиться не произвольно, а сообразно со спросомъ и предложеніемъ на нихъ общества.

Такимъ образомъ, выпускъ кредитныхъ билетовъ или бумажныхъ денежныхъ знаковъ, который теперь производится правительствомъ, можетъ быть разрѣшенъ всѣмъ банкамъ. Это преобразованіе имѣть то преимущество, что банки станутъ выпускать денежные знаки, строго сообразуясь съ размѣромъ находящихся у нихъ залоговъ и со спросомъ общества, что будетъ поддерживать кредитные билеты всегда на высотѣ ихъ номинальной цѣны. Тогда какъ правительство, при выпускѣ денежныхъ знаковъ, не имѣть возможности сообразоваться съ потребностями и кредитоспособностью страны и руководствуется въ этихъ операціяхъ единственно своими нуждами; что служить причиной колебанія курса. Такимъ образомъ, эта мѣра, увеличивая въ обращеніи количество денежныхъ знаковъ и расширяя кредитъ, сдѣлаетъ его чрезвычайно подвижнымъ и дешевымъ, нисколько не вліяя на прочность и постоянство курса. Для большаго единства дѣйствій правительство можетъ, какъ и теперь, пользоваться исключительнымъ правомъ печатанія бумажныхъ денежныхъ знаковъ и даже всѣхъ цѣнныхъ бумагъ; оно только не должно выпускать ихъ непосредственно отъ себя, а предварительно—разсыпать банкамъ, которые и станутъ выдавать ихъ по мѣрѣ надобности.

Залогами и закладами могутъ служить банку: акціи и облигациіи, и другія процентныя бумаги, драгоценные металлы, товары, конносаменты (свидѣтельство объ отправкѣ товара предъявителю моремъ), варранты (удостовѣреніе въ томъ, что товаръ находится въ складѣ на храненіи), квитанціи транспортныхъ конторъ (свидѣтельства о высылкѣ товара предъявителю), цѣнныя вещи, земли и разное недвижимое имущество, закладные листы (крѣпости), заемныя письма, простые и переводные векселя и т. п. Точно опредѣлять всѣ виды и значеніе разнообразныхъ цѣнныхъ бумагъ нѣтъ смысла, такъ какъ ихъ назначеніе и функціи могутъ быть легко изменены сообразно съ нуждами и потребностью каждой данной страны и времени. Достаточно сказать, что онѣ должны удовлетворять одному основному требованію — поддерживать неизмѣнно свою номинальную цѣну и быть совершенно застрахованы отъ колебанія курса, что, впрочемъ, гораздо болѣе зависитъ отъ той роли, которую займетъ банкъ въ новой системѣ финансъ, чѣмъ отъ ихъ собственнаго значенія. Только при непрѣмѣнномъ участіи банка—какъ посредника во всѣхъ операціяхъ частныхъ

лицъ съ процентными бумагами—можно поддерживать постоянную номинальную стоимость ихъ. Кромъ процентныхъ бумагъ, къ которымъ относятся, напр.: акціи и облигациі, закладные листы (крѣпостные), заемные письма и векселя, могутъ быть безпроцентныя, какъ, напр.: банковые билеты, чеки; безпроцентнымъ бумагамъ слѣдуетъ дать особенно широкое распространеніе, какъ самому удобному виду кредита; потому что онъ даютъ возможность увеличивать оборотныя и мѣновыя средства страны и расширять кредитъ, не обременяя заемщиковъ процентами. Наконецъ, третьимъ видомъ цѣнныхъ бумагъ являются кредитные билеты или бумажные денежные знаки; но они только тогда удобнѣе безпроцентныхъ бумагъ, когда обезпечены соотвѣтственнымъ вещественнымъ залогомъ. Цѣнныя бумаги могутъ быть именныя и на предъявителя; при чемъ процентныя бумаги должны быть всѣ непремѣнно именными, такъ какъ только это можетъ предотвратить спекуляцію съ ними. Всѣ операциіи банка должны быть возможно болѣе подвижны, просты и скоры, чтобы не запутывать сдѣлокъ излишними формальностями и тѣмъ доставлять клиентамъ быстрое и легкое удовлетвореніе ихъ интересовъ. Операциіи банка могутъ быть выражены приблизительно въ слѣдующихъ формахъ: промѣнъ денегъ, за который банкъ взимаетъ въ свою пользу—въ видѣ вознагражденія—комиссионныя, по возможности придерживаясь номинальной стоимости и избѣгая лажа; торговля драгоцѣнными металлами; приемъ вкладовъ на храненіе; трансфертъ; учетъ векселей, при чемъ банкъ получаетъ, кромъ комиссіонныхъ, еще сумму дисконта и проценты за рискъ или страховую премію, обусловленную тѣмъ, что должникъ можетъ оказаться несостоятельнымъ при уплатѣ по векселю; вексельный арбитражъ можетъ быть допускаемъ только въ крайнихъ случаяхъ—при заграничныхъ сдѣлкахъ—для ослабленія колебанія курса, при чемъ банкъ пользуется, кромъ комиссіонныхъ, еще лажемъ и дисконтомъ; нужно замѣтить, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ колебаніемъ курса, банкъ обязанъ расплачиваться съ клиентами по номинальной цѣнѣ и брать всепѣло на себя рискъ отъ измѣненія курса, т. е. выгоду въ случаѣ благопріятнаго повышенія курса и убытокъ въ случаѣ неблагопріятнаго его пониженія; арбитражъ на фонты, о которомъ нужно сказать то же, что и объ вексельномъ арбитражѣ; текущіе счеты; выпускъ билетовъ на предъявителя, которые должны быть обезпечены вещественнымъ залогомъ; ссуды подъ залогъ цѣнностей; посредничество при заключеніи займовъ между своими клиентами и выпускъ акцій и облигаций; къ этимъ перечисленнымъ операциямъ полезно было бы присовокупить еще выдачу особыхъ переводныхъ документовъ, которые замѣняли бы теперешніе переводные векселя, но писались бы на номинальную стоимость, что уничтожало бы вредное вліяніе колебанія на все общество и дѣлало его чувствительнымъ только для совершающихъ сдѣлку клиентовъ. Придерживаться номинальной стоимости является самымъ легкимъ и простымъ выходомъ изъ многихъ золъ, причиняемыхъ колебаніемъ курса; при современной экономической изолированности различныхъ государствъ только общая реорганизація ихъ финансового строя

и принятіе ими одной общей для всѣхъ монетной системы можетъ совершенно уничтожить колебаніе курса. Въ противномъ случаѣ можно только его ослаблять и ограничивать. Слѣдованіе номинальной стоимости совершенно упрощаетъ операциіи обмѣна при заграничныхъ сдѣлкахъ и, при томъ, не ведеть за собою никакихъ особыхъ неудобствъ. Дѣйствительно, при колебаніи курса, которое заключается въ повышеніи или пониженіи цѣнности отъ номинальной цѣны, непремѣнно одна сторона отъ этого выигрываетъ, а другая терпить убытокъ. Если бы, разъ навсегда, было принято за правило расплачиваться при всякихъ сдѣлкахъ по номинальной цѣнѣ, то отъ этого произошла бы только перемѣна въ роляхъ заинтересованныхъ сторонъ, т. е. та сторона, которая прежде выигрывала, оказалась бы въ проигрышѣ и наоборотъ. Напр., если происходитъ обмѣнъ рублей на франки и курсъ франковъ поднялся до 30 копѣекъ, то при сообразованіи обмѣна съ курсомъ дня выигрываетъ владѣлецъ франковъ, такъ какъ онъ вмѣсто номинальной цѣны въ 25 к. получаетъ на каждый франкъ еще 5 коп. лажа; если же при этомъ обмѣнѣ стороны будутъ сообразоваться съ номинальной цѣной, то тогда въ выгодѣ останется владѣлецъ рублей. Такъ какъ онъ получить при обмѣнѣ четыре франка на рубль, т. е. на 20 к. болѣе дневной цѣнности рубля. Такимъ образомъ, зло отъ этого не увеличивается для заинтересованныхъ въ сдѣлкѣ сторонъ, а только мѣняются ихъ роли. Но зато, постоянное соблюденіе номинальной цѣны весьма выгодно въ двухъ другихъ отношеніяхъ: оно, во-первыхъ, упрощаетъ всѣ операциіи банка, дѣлая ненужнымъ сообразоваться каждый разъ съ курсомъ дня и позволяя подводить всѣ расчеты подъ разъ навсегда опредѣленную, неизменную, номинальную цѣну; но самая главная польза отъ этой мѣры заключается въ предохраненіи всего общества отъ вредныхъ послѣдствій колебанія курса и ограниченіи этихъ послѣдствій возможно болѣе узкимъ кругомъ лицъ, заключающихъ сдѣлку. Такъ, напр.: въ вышеприведенномъ случаѣ обмѣна рублей на франки, при современномъ способѣ, придерживающемся курса, повышеніе цѣнности франковъ вліяетъ на все общество, такъ какъ оно понижаетъ всѣ цѣнности страны съ рублевой монетой и соответственно повышаетъ цѣнности страны съ монетной единицей, выраженной франкомъ; а это постоянное колебаніе цѣнности богатствъ вредно отражается на обѣихъ сносящихся странахъ; такъ какъ не даетъ возможности заблаговременно ориентироваться въ оцѣнкѣ имуществъ или въ опредѣленіи стоимости начатыхъ операций, что увеличиваетъ рискъ и шаткость положенія и ведеть или къ чрезмѣрнымъ убыткамъ, или къ излишней, незаслуженной прибыли. Эти вредные послѣдствія устраниются при разсчетахъ по номинальной цѣнѣ. И если принять во вниманіе, что зло для заинтересованныхъ сторонъ нисколько не увеличивается, а только изменяется ихъ положеніе, то при общей всесторонней оцѣнкѣ способъ обмѣна по номинальной цѣнѣ оказывается гораздо удобнѣе, легче и полезнѣе способа обмѣна по курсу. Возвращаясь къ операциямъ банка, нужно замѣтить, что всѣ онъ должны иметь комиссіонный характеръ, такъ какъ банкъ совершає всѣ операциіи единственno въ интересахъ своихъ клиен-

това — по ихъ требованію и для ихъ надобностей, и не предпринимаетъ никакихъ сдѣлокъ по собственной самостоятельной ініціативѣ. Кромѣ вышеприведенныхъ операций банка, можно поименовать еще слѣдующія его комиссіонныя дѣла: приемъ векселей для предъявленія къ акценту, а также и для полученія платежей, равно приемъ всѣхъ процентныхъ бумагъ; получение платежей по всѣмъ, вообще, цѣннымъ бумагамъ, вышедшими въ тиражъ, и выдача ихъ владельцамъ бумагъ; платежи по купонамъ; переводы денегъ въ другіе города, гдѣ имѣются банки или корреспонденты банковъ и т. п. Изъ перечисленныхъ операций, принимая во вниманіе, что за всѣ свои дѣйствія банкъ будетъ брать извѣстный опредѣленный процентъ вознагражденія или комиссіонныя деньги, становится очевиднымъ, что однихъ комиссіонныхъ денегъ будетъ вполнѣ достаточно для поддержанія существованія дѣятельности и функционированія банка, и что для покрытия его расходовъ по управлению не придется прибѣгать къ спекуляціоннымъ сдѣлкамъ, увеличивающимъ доходы, въ цѣляхъ избѣжанія дефицита. Конечно, это обстоятельство неважно для государственного банка, такъ какъ въ случаѣ дефицита ему, все равно, не придется прибѣгать къ спекуляціямъ, ибо правительство, въ видахъ общественной пользы, всегда найдетъ иной источникъ средствъ для покрытия этого дефицита; но оно важно для частныхъ банковъ, потому что даетъ возможность существовать и имъ. Возможность эта еще болѣе подтверждается, если принять во вниманіе, что дѣятельность банка при новомъ порядкѣ сильно расширится, такъ какъ самостоятельный банковыя сдѣлки биржи будутъ сужены до минимума; биржѣ будетъ предоставлено свободное функционированіе только въ сферѣ торговыхъ операций, а банкъ приобрѣтѣ значеніе какъ бы контроля и руководителя всѣми банковыми операциами и сдѣлается необходимымъ посредникомъ въ большинствѣ сдѣлокъ частныхъ лицъ.

Достоинство новой финансовой системы.

Этими преобразованіями вся система кредита былбы радикально измѣнена, и современные долги, какъ общественные, такъ и частные, которые являются истиннымъ бичемъ нынѣшняго финансаго строя и его прямымъ послѣдствіемъ, потеряли бы свое угнетающее значеніе. Точно также облегчился бы способъ приобрѣтенія денегъ посредствомъ займовъ и открылся бы широкій просторъ для дѣятельности труда.

Основаніемъ же прибыли служить степень производительности труда, а не рыночная цѣна продуктовъ. Только въ виду того, что современная прибыль складывается изъ трехъ частей: страховой преміи, вознагражденія за предпринимательскій трудъ и процента, теперь никто не станетъ рисковать своимъ капиталомъ, если не будетъ получать прибыли, достаточной для покрытия потерь, возможныхъ въ будущемъ, т. е. — страховой преміи. Но при новой системѣ, когда храненіе капитала въ банкахъ не будетъ прино-

сить процентовъ, а, напротивъ того, потребуетъ еще платы, и когда храненіе капитала у частныхъ лицъ и у себя будетъ сопряжено съ рискомъ кражи или потери его, то, естественно, каждый и за гораздо меньшій процентъ согласится отдать свои деньги въ долгъ для предпріятія, обеспеченаго, по крайней мѣрѣ, зданіями и материалами, или же предпочтеть самъ лично заняться какимъ-либо дѣломъ.

Процентъ всецѣло зависитъ отъ финансового строя. Всякій крупный и прочный успѣхъ въ развитіи народа понижаетъ его. Размѣръ процента за пользованіе капиталами опредѣляется спросомъ и предложеніемъ на нихъ. Поэтому увеличеніе капиталовъ уменьшитъ процентъ. Ослабленіе вліянія капитала на ходъ промышленности дастъ болѣшій просторъ труду. Теперь промышленность требуетъ концентраціи капиталовъ, а благосостояніе—распределенія ихъ; отсюда выходитъ ненормальное положеніе, что интересы промышленности противорѣчатъ интересамъ благосостоянія: и это вытекаетъ изъ неестественности современной системы. При чѣмъ ненормальность все усиливается, такъ какъ промышленность не только требуетъ скопленія капиталовъ, но безпрерывно увеличиваетъ его. Напротивъ, при уменьшеніи процента, капиталъ сдѣлается болѣе подвижнымъ и болѣе производителенъ и будетъ легче реализоваться.

По краткосрочнымъ векселямъ, когда капиталы бываютъ обильны, и теперь платится въ половину менѣе того, что платится по государственнымъ долгосрочнымъ займамъ и по облигациямъ компаний. Увеличеніе капитала благотворно, когда оно не сосредоточивается въ немногихъ рукахъ. Тогда не капиталъ, а трудъ дѣлается хозяиномъ предпріятій. Не капиталъ станетъ учреждать ихъ и привлекать къ себѣ трудъ, а свободный трудъ будетъ основывать предпріятія и брать изъ предлагаемыхъ ему капиталовъ сколько нужно ему для своей дѣятельности. Тогда всякий дѣльный и трудолюбивый работникъ будетъ имѣть средства основывать самостоятельное предпріятіе и дѣлаться независимымъ хозяиномъ.

Итакъ, предлагаемая финансовая система, въ сущности, не представляетъ ничего новаго; что касается функцій финансовыхъ учрежденій: проценты будутъ взиматься какъ и теперь, только отрицательный характеръ ихъ приобрѣтетъ господствующее значеніе надъ положительнымъ. Всѣ остальные финансовые операции мало чѣмъ измѣняются. Вся реформа будетъ состоять, главнымъ образомъ—въ духѣ финансовой системы—въ перемѣнѣ той точки зрѣнія, съ которой теперь разматривается значеніе капитала. И только въ этомъ смыслѣ она можетъ быть названа новою системою — системою болѣе справедливаго основанія, болѣе соответствующею духу нравственныхъ законовъ и болѣе сообразною съ природою труда, капитала и естественнымъ порядкомъ вещей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Выводы.

Эта справедливая и умъренная система уничтожить недостатки и слабые стороны современного строя и можетъ радикально излечить всѣ бѣдствія, причиняемыя пауперизмомъ, кризисами и капиталистическимъ ригоризмомъ, отъ которыхъ изнемогаетъ современное общество. Легкость реорганизаціи, не требующей коренной ломки современныхъ основъ общественного строя: ни уничтоженія собственности, ни стѣсненія дѣйствій капитала, а только болѣе строгаго согласованія съ принципомъ свободы и личной иниціативы, должна поощрять всѣхъ благомыслящихъ и доброжелательныхъ людей къ ея дѣятельной разработкѣ и осуществленію. Гордясь успѣхами современной цивилизаціи и ея высокимъ полетомъ, мы, тѣмъ не менѣе, не должны восхвалять ея слабыя стороны и закрывать глаза предъ ея недостатками, которые служатъ причиною столькихъ бѣдствій. Не слѣдуетъ забывать, что все условно и несовершенно, что за предѣлами нашей современности скрываются еще болѣе высокія формы жизни и общественного порядка, которые тѣмъ болѣе будутъ благодѣтельны, чѣмъ скорѣе осуществлятся въ дѣйствительности. Конечно, это преобразованіе потребуетъ тяжелыхъ усилий и упорной борьбы, ибо гдѣ затронуты чьи-либо материальные интересы, тамъ всегда найдется масса противниковъ, личные выгоды которыхъ противорѣчатъ общей пользѣ. Тѣмъ болѣе, что современная, столь распространенная мечта о величіи и непогрѣшности нашей цивилизаціи является по истинѣ *idée fixe* нашего времени: подобно тому, какъ въ средніе вѣка вѣрили въ силу и активную роль діавола. Ослѣпленный предвзятою идею, умъ не замѣчаетъ никакихъ опасностей и признаковъ предостереженія, п то, что должно быть предотвращено путемъ мирнаго преобразованія, можетъ быть во время не замѣчено и не исправлено, такъ какъ предвзятая идея мѣшаетъ видѣть истину, а глубокая нравственная деморализація притупила инстинктивное чувство правдивости. А по-

тому, цивилизація, несмотря на свой горький полетъ и быстрое движение, оставляющее за собой великовѣтный, блестящій свѣтъ метеора, несется, какъ бы во мракѣ, по роковому пути къ своему невѣдомому исходу.

Народъ положительно не знаетъ средства для устраненія страданій и всего того зла, которое онъ переживаетъ и несправедливость котораго смутно сознаетъ. Быстрота современного прогресса, не дающая времени массамъ народнымъ усвоить всѣ его плоды и благодѣянія, чтобы перевоспитать себя по новымъ болѣе совершеннымъ началамъ—переработать ихъ, такъ сказать, въ свою плоть и кровь, заставляетъ скользить лишь по его поверхности и побирать только одни верхушки знанія; она служитъ первой причиной шаткости современного положенія. Исторія свидѣтельствуетъ, что прогрессъ и успѣхи гражданственности иногда могутъ оказаться превышающими духовныя силы общества, которые складываются не изъ одного умственнаго развитія, но также изъ чувствованій и нравственнаго воспитанія. Успѣхи ума часто опережаютъ развитіе чувства и воспитанія и становятся не по мѣркѣ обществу. Этотъ именно быстрый прогрессъ и быстрое движение, которое даетъ такое преимущество современной цивилизациіи надъ древними, и служить въ то же время причиною ея шаткости и непрочности сравнительно съ древними долговѣчными цивилизациами. Исторія и природа свидѣтельствуютъ, что все скоро развивающееся подвержено и скорому вырожденію. Если прогрессъ способствуетъ развитію ума и его изобрѣтательности, то онъ тѣмъ самымъ способствуетъ и темнымъ сторонамъ жизни—особенно у скороспѣлаго общества, которое еще не успѣло вполнѣ воспитать всѣ способности своего духа для воспріятія благъ цивилизациіи. Если у людей развивается предусмотрительность для сопротивленія страсти и искушеніямъ, то она же тотчасъ употребляется и какъ средство для болѣе изысканныхъ пороковъ и преступленій; и если умственное сочувствіе способствуетъ развитію милосердія и справедливости, то оно также даетъ средство для утонченной жестокости и злорадныхъ изобрѣтеній нравственныхъ уколовъ. Цивилизація развиваетъ какъ хорошія, такъ и дурные стороны человѣка.

Дѣйствительность показываетъ, что состояніе добродѣтели и счастія примѣнимо и къ самимъ первобытнымъ формамъ дикой жизни. Нравственность и счастіе идутъ рука объ руку. Нравственность есть методъ достиженія счастія. Мы до сихъ поръ не можемъ свыкнуться съ мыслью о возможности естественной смерти и вырожденія каждой цивилизациіи, какъ это наблюдается надъ отдѣльными личностями и націями, а потому всегда стараемся искать причинъ паденія цивилизациіи во внѣшнихъ нашествіяхъ варваровъ или же въ какомъ-то добровольномъ закоснѣніи народовъ, будто бы не желающихъ отказаться отъ старыхъ обычаяхъ предковъ. Въ этомъ отношеніи мы подобны тѣмъ австралійскимъ дикарямъ, которые не могутъ понять естественной смерти человѣка и стараются осыскать убийцу каждому своему покойнику.

Современная Европа, вышедшая всего лишь 300 лѣтъ тому назадъ изъ мрака средневѣковаго невѣжества на путь прогресса, въ столь непродол-

жительное время потрясла до самого основания весь строй своей прежней жизни и въ корень измѣнила свои средневѣковыя соціальныя отношенія. Это служить причиною современной неопытности и легкомысленаго самомнѣнія о своей цивилизациі, которое противорѣчить всѣмъ примѣрамъ исторіи и свойствамъ природы. Посмотрите, что осталось отъ пышныхъ цивилизаций: александрийской или арабской? Онѣ вспыхнули яркимъ пламенемъ среди темнаго мрака невѣжества и тотчасъ же погасли, оставивъ по себѣ однѣ руины, которыя не могутъ соперничать даже съ древними египет-пирамидами — памятниками цивилизаций, хотя и болѣе древней, но зато и болѣе продолжительной, а потому и болѣе прочной.

Китайская цивилизациѣ.

Противоположны также нашимъ понятіямъ понятія болѣе древняго, а потому и болѣе воспитанного китайского народа. Его цивилизациѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что тѣ принципы и основанія, на которыхъ она зиждется и которые дали ей силы просуществовать столько тысячелѣтій и выйти цѣльною изъ столь многихъ потрясающихъ бѣствий, конечно, должны быть истинными и непреложными началами. Этотъ народъ-старецъ со своею своеобразною цивилизациѣю, колыбель которой теряется во мракѣ доисторического періода, является давнимъ феноменомъ среди современныхъ моложавыхъ народовъ, борющихся между собой за преобладаніе и перегоняющихъ другъ друга по пути прогресса. Онъ съ пренебреженіемъ смотритъ на эту суetu своихъ юныхъ современниковъ и гордъ сознаниемъ собственного постоянства и прочности. Уже не впервые приходится ему быть свидѣтелемъ зарожденія и упадка самыхъ разнообразныхъ цивилизаций. Его собственное зарожденіе является на зарѣ самыхъ древнихъ проблесковъ человѣческой мысли — совмѣстно съ началомъ египетской, индійской и вавилонской цивилизаций. Онъ былъ свидѣтелемъ паденія Ниневіи отъ меча Набополассара и паденія Вавилона отъ меча Кира; онъ видѣлъ разгромъ Египта Камбизомъ и зарожденія греческой цивилизациї среди дряхлѣющаихъ государствъ Сиріи и Нила. Онъ присутствовалъ при торжествѣ этой цивилизациї во время Александра Македонскаго и при пышномъ расцвѣтѣ ея въ Александрии; наблюдалъ затѣмъ послѣдовательно возникновеніе, всемирное господство и паденіе Рима; видѣлъ эфемерный блескъ арабской учености и тысячелѣтній періодъ мрака среднихъ вѣковъ до возрожденія новой современной европейской культуры. Тысячелѣтняя опытность китайской цивилизациї не позволяетъ ей увлекаться слишкомъ новшествами. Ея менѣе широкое, но и не столь педантичное, а болѣе практическое знаніе природы, не позволяетъ увлекаться пылкоюувѣренностью въ возможность безконечнаго, постояннаго совершенствованія. Послѣ періода сознательнаго прогресса она предпочла сознательный и добровольный привалъ для собранія своихъ нестройныхъ, разбросанныхъ знаній въ одну цѣльную систему міровоззрѣнія. Ея опытность, выработанная собственнымъ

постепеннымъ, самобытнымъ развитіемъ, а не легкимъ заимствованіемъ изъ чужыхъ, постороннихъ источниковъ, дала ей почувствовать всю трудность самоученія и приобрѣтенія новыхъ знаній и заставила отказаться отъ неисполнимой мечты безграничного совершенствованія.

Мы продолжаемъ ставить собственную цивилизацию въ центръ всячаго осмысленного прогресса, какъ въ старину ставили землю въ центръ вселенной, а человѣка во главѣ всѣхъ созданій. Однако, какъ прежня цивилизациіи древности разрушались и исчезали подъ непосильнымъ бременемъ гнетущаго ихъ варварства и несовершенства человѣческой природы, такъ точно можетъ разрушиться и исчезнуть современная цивилизациія, если общество окажется не въ состояніи воспріять ея возрастающихъ требованій. Свободное развитіе будетъ задержано ограниченными рамками духовныхъ силъ общества. Какъ губка воду, такъ и всякий народъ цивилизацию можетъ воспріять только до опредѣленнаго предѣла, который соотвѣтствуетъ его духовнымъ силамъ, темпераменту, умственнымъ и нравственнымъ склонностямъ. Для обезпеченія возможно большаго совершенствованія и возможно болѣе продолжительного прогресса существуетъ только единственное средство—расширять свои духовныя способности: не только умственные но и нравственные,—согласовать свои чувствованія съ ходомъ умственного развитія и воспитывать свое сердце для возможно лучшаго воспріятія требованій совершенствующагося міросозерцанія и возвышающейся нравственности. Цѣль жизни не въ безпредѣльномъ прогрессѣ разума, но въ тѣсномъ согласованіи разума съ сердцемъ и нравственностью. Постоянная борьба двухъ противоположныхъ началъ человѣческой природы, отражающаяся въ общественной жизни въ формѣ борьбы индивидуального элемента съ общественнымъ—личныхъ эгоистическихъ стремлений съ требованиями общественного порядка и общей пользы, производить тѣ неправильныя движения и пертурбации въ соціальной жизни, которые являются причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій. Постоянныя колебанія, постоянныя повышенія отъ низшихъ формъ къ высшимъ и обратно, которые замѣчаются во всякомъ обществѣ, не даютъ людямъ возможности разсчитывать на прочность своего положенія — бытьувѣренными въ своей обеспеченности и дѣлаютъ весь общественный строй шаткимъ и вулканическимъ. Все, что можетъ человѣкъ сдѣлать — это уменьшить до минимума эти колебанія, сдѣлать ихъ возможно менѣе вредными и чувствительными. Сильныя колебанія, внезапныя повышенія и паденія вызываютъ только страшныя, неожиданныя перевороты и навлекаютъ бѣдствія на человѣчество. Чтобы достигнуть возможно большаго счастія, нужно урегулировать движение жизни и ходъ цивилизациіи. Нужно искусственными средствами установить норму этого движения; и, занявши опредѣленное, разъ намѣченное себѣ положеніе, утвердиться и усвоиться въ немъ, крѣпко держась уже принятаго съ увѣренностью въ прочность своего положенія; нужно отказаться ради этой прочности отъ поверхностнаго прогресса и воспринимать изъ новаго лишь то, что хорошо провѣreno и твердо усвоено. Только такимъ способомъ можно достигнуть возможно большаго счастія, и только

суммою этого общаго счастія для цѣлой группы людей опредѣляется высота и степень цивилизації.

Единственное — что человѣкъ можетъ благоразумно желать и искать: это не безконечнаго совершенствованія, которое невозможно, а возможно большаго счастія. Оно достигается выработкою прочнаго и постояннаго, систематического движенія самаго прогресса — подчиненіемъ его извѣстнымъ правиламъ, обезпечивающимъ увѣренность въ успѣхѣ того, чего мы въ данномъ случаѣ ищемъ и охраняющимъ то, что уже нами достигнуто, отъ всякихъ непредвидимыхъ штурбаций. Такую житейскую мудрость выработалъ Китай путемъ своего тысячелѣтняго опыта и воспріяль ее не только разумомъ, но и сердцемъ; онъ практически проникся ею, провелъ ее въ повседневный бытъ обыденной жизни. Міровоззрѣніе и жизненная философія Китая, основы его общественнаго строя — діаметрально противоположны нашимъ. То, что у насъ предоставлено частному благоусмотрѣнію и свободной волѣ личности: почтеніе къ родителямъ, уваженіе къ старшимъ, супружеская вѣрность, цѣломудріе и другія семейныя и личныя добродѣтели, возведены Китаемъ въ общественные принципы, поставлены на высоту обязательныхъ законовъ, за нарушение которыхъ установлены наказанія. Такъ, непослушаніе родителямъ, супружеская невѣрность, распутство преслѣдуются въ Китаѣ полиціей и караются тюрьмами и даже смертною казнью; равнымъ образомъ и добросовѣстное слѣдованіе этимъ личнымъ добродѣтелямъ, точное исполненіе требованій нравственности награждается высшими отличіями и публикуется въ указахъ богыхана, какъ государственные заслуги. Тамъ благотворительность награждается почетными титулами; вѣрнымъ женамъ воздвигаются на общественный счетъ памятники и тріумфальная арки (пайлоу); сыновья преданность удостаиваются отъ правительства почетныхъ табличекъ, которыя выставляются надъ домомъ отличившагося. Губернаторы провинцій, въ официальныхъ докладахъ, сообщаютъ богыхану о подвигахъ вышней добродѣтели и испрашиваютъ для нихъ наградъ. Почетныя награды жалуются также дѣвицамъ, убившимъ себя для избѣжанія безчестія. Къ смерти китайцы относятся весьма равнодушно. По ихъ мнѣнію, смерть не прекращаетъ личной ответственности умершаго; клятва, данная умершему, почитается даже гораздо болѣе клятвы, данной живому. Въ китайской прессѣ постоянно встречаются указы о разжалованіи давно умершихъ чиновниковъ за какую-либо открытую позднѣе вину; довольно обыкновенны также указы о возведеніи предка какого нибудь лица въ княжеское достоинство, о награжденіи его почетною степенью или о сооруженіи ему кумирни. У насъ, чтобы отомстить обидчику, нерѣдко прибегаютъ къ убийству своего врага, тогда какъ китаецъ руководствуется въ этомъ случаѣ совершенно противоположнымъ воззрѣніемъ; огорченный или несправедливо пострадавшій китаецъ лишаетъ себя жизни въ домѣ своего врага или вѣшается передъ его окнами. И по китайскимъ законамъ за это наказывается не только виновникъ самоубийства, но и всѣ, которые не постарались помѣшать его несправедливымъ дѣйствіямъ. Все это доказываетъ, что основаніемъ китайской обществен-

ной жизни служать въ противоположность нашимъ—начала нравственности, а не политической и экономической соображения. Образованію отведено непосредственно слѣдующее послѣ нравственности мѣсто въ общественномъ строѣ Китая. Только ученая степень даетъ тамъ право на общественное положеніе, и всѣмъ извѣстно то важное значеніе, которое имѣютъ китайские экзамены. Подобно древнему Риму, въ Китаѣ до сихъ поръ существуютъ цензоры, которые слѣдятъ за нравственностью всѣхъ поданныхъ богдыхана. Они смотрятъ также за всѣми правительственными учрежденіями, за чиновниками, за исполненіемъ законовъ и правилъ благочестія. Всѣ и вся могутъ служить объектомъ наблюденія цензуры — изъятій не существуетъ: высшіе сановники, князья императорскаго дома, самъ богдыханъ принуждены выслушивать представленія и замѣчанія цензоровъ. Институтъ цензуры является исключительной принадлежностью китайской цивилизациі въ современномъ мірѣ, какъ по высотѣ своихъ идей, такъ и по важности преслѣдуемыхъ цѣлей. Онъ слѣдить за тѣмъ, чтобы законы исполнялись, слабые не угнетались, сильные не злоупотребляли своею силою; мало того, контролируетъ дѣйствія монарха и его помощниковъ. Не есть ли это верхъ житейской мудрости!

Большинство синологовъ, знакомыхъ съ китайскимъ кодексомъ, отзываются о немъ съ восхищеніемъ. Въ немъ главное мѣсто занимаетъ нравственность и добродѣтель; политическій элементъ совершенно отсутствуетъ, экономическимъ соображеніямъ отведено только второстепенное значеніе. Китайские законы, говорятъ поклонники этого законодательства, лучше всего принарулены къ поддержанію равновѣсія и повиновенія въ много-миллионномъ населеніи. Сантиментализмъ, составляющій слабую сторону европейскихъ кодексовъ, чуждъ китайскому законодательству и не ослабляетъ собою принципа строгой справедливости. Лица, близко знакомыя съ китайскимъ народомъ, утверждаютъ, что чувство законности врождено въ каждомъ китайцѣ и во всей массѣ китайскаго народа. Не пренебрегая въ крайнихъ случаяхъ репрессивными мѣрами, правительство предпочитаетъ пользоваться своимъ нравственнымъ вліяніемъ на чувство и совѣсть народа. Характернымъ орудіемъ морального воздействиа издавна служить, такъ называемый, Священный Указъ, имѣющій цѣлью поддерживать въ народѣ нравственность и добродѣтель. Для укрѣпленія этихъ началъ, онъ читается во всеуслышаніе два раза въ мѣсяцъ и пользуется высокимъ значеніемъ среди всѣхъ слоевъ китайского общества. Его поученія гласятъ: обѣ исполненіи человѣческихъ обязанностей, о поддержаніи доброго согласія съ ближними, обѣ уваженіи къ старшимъ и умѣренности, о почтѣніи къ наукѣ, о соблюденіи вѣжливости для улучшенія нравовъ, обѣ уничтоженіи всякихъ ложныхъ обвиненій для покровительства невиннымъ и т. п. заповѣди морали.

Кромѣ этого постояннаго указа, въ Китаѣ нерѣдко обнародываются поученія и наставленія древнихъ мудрецовъ съ тою же цѣлью—поднять нравственный уровень гражданъ. Тысячелѣтняя опытность Китая убѣдила его въ той истинѣ, что между всѣми законами природы: физическими, эконо-

мическими и политическими, нравственнымъ законамъ принадлежить первенствующее значеніе въ общественной жизни.

Несмотря на войны и разнообразныя сношения съ европейцами, несмотря на знакомство съ западной культурою и наукой, несмотря, наконецъ, на то, что въ городахъ Китая живутъ консулы, купцы и миссионеры, способствующіе сближенію и знакомству двухъ расъ, китайцы предпочитаютъ свою цивилизацию и находять въ европейской мало элеменовъ, достойныхъ подражанія. Государственный строй и правосудие Китая, по ихъ мнѣнію, выше и лучше европейскихъ,— его этическая теорія и философія практическое и правдивое, его правительство устойчивое и т. п. Политическая причина заставили Поднебесную имперію отказаться отъ прежней замкнутости и обособленности; но и теперь она находится, что ей нечего заимствовать отъ молодыхъ варварскихъ государствъ и, ограничиваясь по необходимости преобразованіемъ въ военно-технической области, она въ душѣ презираетъ военное ремесло и военную организацію европейцевъ, которая ей кажется варварствомъ. Китайцы увѣрены, что не Китай нуждается въ Европѣ, а послѣдняя въ немъ, и эта увѣренность находитъ фактическое подтвержденіе въ постоянномъ стремлении европейцевъ къ Китаю. Иностранные, приезжающіе въ Китай въ качествѣ купцовъ, инженеровъ, предпринимателей, инструкторовъ и т. п., являются въ ихъ глазахъ носителями материальныхъ идей. О китайской наукѣ и ея классическихъ книгахъ они мало думаютъ, ибо прѣхали для практическаго дѣла и для наживы. Неудивительно, если среди китайцевъ распространено убѣжденіе, что на Западѣ самою главною профессіею считается торговля. На благотворительную дѣятельность миссионеровъ китайцы смотрятъ съ пренебреженіемъ, такъ какъ благотворительность въ формѣ милостыни они считаютъ бесполезною, а подѣ-часть даже вредною; по ихъ понятіямъ недостаточно накормить голоднаго, а нужно поставить нищаго на ноги: «дверь помощи съ трудомъ открывается, но и съ трудомъ захлопывается»,—говоритъ китайская пословица. Китайцы признаютъ, однако, превосходство европейской науки, понимаютъ значеніе открытій и изобрѣтеній новѣйшаго времени; но они знаютъ также, что многія изъ этихъ изобрѣтеній были известны Китаю еще гораздо раньше, но не получили практическаго примѣненія за недоброностью или же были давно уже выведены изъ употребленія. Такъ, почта существовала въ Китаѣ еще за 200 лѣтъ до Р. Х., но впослѣдствіи замѣнена курьерами. Также было время, когда Китай вѣль войны по системѣ совершенно тождественной современнымъ цивилизованнымъ народамъ. Китайская армія была вооружена огнестрѣльными ружьями и пушками; военное искусство и техника обладали такими приемами и способами, которые теперь совершенно забыты въ Поднебесной имперіи.

Западные народы легко отрекаются отъ старины, китайцы не находятъ нужнымъ измѣнить ее и черпаютъ въ ней указанія и совѣты для будущаго. Китайскія государственные установленія, обычаи, нравы, весь строй жизни кристаллизовались и образовали плотный покровъ противъ разрушающаго дѣйствія времени и окружающихъ внѣшнихъ вліяній. Китайцы предпочи-

таютъ сомнительнымъ новшествамъ старыя испытанныя формы. Теорія Мальтуса непримѣнна къ нимъ; она даже прямо противна основнымъ принципамъ ихъ жизни и міровоззрѣнія. Китаецъ не сообразуется съ материальными расчетами присамомъ важномъ актѣ человѣческой жизни — женитьбѣ.

Какъ бы бѣденъ ни былъ китаецъ онъ вступаетъ въ бракъ единственно для продолженія своего рода, не гонясь за приданымъ. Единственно, нравственные побужденія руководятъ имъ во всѣхъ важнейшихъ случаяхъ.

Несмотря на страшную нищету, многочисленнаго класса китайскихъ кули, нищету, которая превосходитъ всякое воображеніе, всѣ эти паріи человѣчества, однако, живутъ и не сознаютъ даже, что, живя, совершаютъ подвигъ терпѣнія и выносливости. Когда обстоятельства становятся чрез мѣрно тяжкими и невыносимыми, китаецъ не возмущается, не прибѣгаетъ подобно пролетарю Запада, къ насильственнымъ мѣрамъ и не питаетъ вражду къ состоятельнымъ классамъ, а обыкновенно безропотно переносить судьбу. Умъ китайца управляетъ сердцемъ. Миролюбіе составляетъ его выдающееся свойство; даже раздраженный, онъ всегда готовъ покориться здравому смыслу и охотнѣе прибѣгаетъ къ аргументаціи, чѣмъ къ силѣ. Выработанная склонность къ порядку и къ спокойствію заставляетъ его быть осмотрительнымъ и послѣдовательнымъ при всякомъ новомъ дѣлѣ. Только этими качествами и свойствами китайского народа, только его практическимъ міровоззрѣніемъ, выработаннымъ тысячелѣтнею опытностью, только его правильными общественными основами, на которыхъ зиждется весь строй соціальной жизни, можно объяснить прочность и долговѣчность китайской цивилизації. Только истинно-зиждущія начала могли удерживать до сихъ поръ этотъ огромный общественный организмъ въ продолженіе столькихъ тысячелѣтій отъ распаденія и разрушенія. Только истинныя и вѣрныя начала могли дать этому организму необходимыя силы для благополучнаго выхода изъ многочисленныхъ, разрушительныхъ бѣствій и выводили его цѣльнымъ изъ самыхъ критическихъ обстоятельствъ, въ то время какъ другія цивилизаціи рушились и вырождались отъ гораздо меньшихъ бѣствій. Только истинныя, вѣрныя природѣ начала могли сообщить китайской цивилизаціи такую необыкновенную прочность и прямо таки дивную живучесть, которая граничитъ почти съ бессмертіемъ. Изъ всѣхъ человѣческихъ учрежденій только она одна какъ бы застрахована отъ всеобщей участіи всего земнороднаго — смерти и разрушенія; только она одна до сихъ поръ успѣшно боролась съ этимъ роковымъ и неминуемымъ жребиемъ всего живого и органическаго. Чѣмъ можно объяснить столь исключительное, изъ ряда вонъ выходящее свойство китайской цивилизації? Единственно только тѣми естественными, соотвѣтственными природѣ и жизни основами, на которыхъ зиждется вся машина китайской организації.

Дѣйствительно, резюмированныя выше основныя начала китайской цивилизації доказываютъ, что послѣднія въ главныхъ своихъ пунктахъ вполнѣ соотвѣтствуютъ законамъ, управляющимъ общественной жизнею, и, такимъ образомъ, удовлетворяютъ свойствамъ природы и требованіямъ жизни. Въ основаніи китайской общественности лежитъ нравственность и политическая экономія.

моральное воспитаніе народа; непосредственно за симъ, на второмъ мѣстѣ, ставится образованіе и просвѣщеніе ума, міровоззрѣніе котораго строго согласовано съ нравственными принципами. Политическимъ, доктринальскимъ и даже экономическимъ началамъ дано въ ней только подчиненное, второстепенное значеніе.

Въ противоположность нашему соціальному устройству, всецѣло основанному на финансовыхъ, экономическихъ и политическихъ началахъ, китайская цивилизациѣ зиждется на нравственности и разумѣ—соответственно двумъ основнымъ элементамъ человѣческой природы: уму и чувству; и только этимъ согласіемъ съ природою можно объяснить необыкновенную жизнеспособность китайской цивилизациї. Всѣ другія общественные начала: экономическое, политическое, финансовое и т. п. являются искусственными, не отвѣчающими дѣйствительности и безжизненными, какъ вполнѣ произвольныя, случайныя образованія мѣстныхъ и временныхъ условій, не имѣющія основанія въ коренныхъ естественныхъ свойствахъ человѣческой природы.

Эти основные начала даютъ себя чувствовать во всей жизни и дѣятельности двухъ сравниваемыхъ цивилизаций и производятъ тѣ различія, которыя такъ рѣзко бросаются въ глаза каждому наблюдателю. Въ то время, какъ пресловутая европейская цивилизациѣ изнемогаетъ подъ гнетомъ капитала, дефицитовъ и огромныхъ какъ частныхъ, такъ и общественныхъ долговъ, въ то время, какъ развивающійся пролетаріатъ заражаетъ все общество физическими и нравственными язвами, а соціализмъ грозить подточить самыя основы общественного строя и разрушить колоссальное зданіе европейской цивилизациї, болѣе древній Китай не знакомъ съ подобными опасностями. Несмотря на свою феноменальную старость, ему еще не угрожаетъ смерть и вырожденіе отъ материального распаденія общества, отъ междуусобной внутренней вражды промышленныхъ классовъ и отъ нравственного растлѣнія. Несмотря даже на свои миллионы куліевъ, нищета которыхъ превышаетъ всякую нищету европейскихъ пролетаріевъ, Китай, тѣмъ не менѣе, не знаетъ опасности отъ пролетаріата. За все время своего тысячетѣнія существованія ему ни разу не угрожали финансовые кризисы, хотя онъ уже давно знакомъ съ системою кредита и съ вопросомъ денежнаго обращенія, такъ какъ еще около VIII столѣтія китайскій императоръ выпускалъ банковые билеты, подлежащіе уплатѣ казною; а самыя раннія, известныя намъ монеты были китайскіе маленькие золотые кубики съ мѣтками. Во все время своего уединеннаго существованія, до самыхъ послѣднихъ сношеній съ Европою, онъ не зналъ государственныхъ долговъ и сводилъ свои бюджеты безъ дефицитовъ. Несмотря на свои многочисленные недостатки и умственную отсталость китайская цивилизациѣ, тѣмъ не менѣе, зиждется на вѣрныхъ началахъ въ самыхъ основныхъ пунктахъ общественной жизни. Деньги въ ней не имѣютъ господствующаго значенія; добродѣтели и образованію отдается первое мѣсто во всѣхъ случаяхъ жизни; не капиталъ, а трудъ играетъ первую роль въ промышленности. Вся земля раздѣлена между миллионами мелкихъ собственниковъ, а крупныя пред-

пріятія встречаются въ видѣ исключенія и болѣшею частью составляютъ регаліи правительства.

Всѣмъ извѣстно необыкновенное трудолюбіе китайца—та любовь, съ которой онъ воздѣлываетъ свою землю или занимается своимъ ремесломъ. Она могла выработатьсь вѣками только при нормальномъ отношеніи труда къ капиталу. Только твердая увѣренность въ томъ, что трудъ его будетъ справедливо оцѣненъ и по достоинству вознагражденъ, вдохнула въ китайца его удивительную трудоспособность; и въ Китаѣ промышленный трудъ не стѣсненъ, какъ у насъ, налогами, ему дана полная свобода примѣняться ко всякой дѣятельности.

Поземельный налогъ деньгами или натурою служить главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ Китая, затѣмъ слѣдуютъ соляная регалія и таможенные доходы съ иностранной торговли. Натуральный земельный налогъ взимается въ формѣ зерна, преимущественно риса, бобовъ, пшеницы, соломы и т. п. Ежегодно большія партии податного риса доставляются съ юга для продовольствія войскъ въ Пекинъ. Въ числѣ натуральныхъ поступлений китайского дохода фигурируютъ: металлы, шелкъ, чай, фарфоръ, дорогіе камни, дерево, воскъ, киноварь, фрукты, скотъ, лошади и множество иныхъ сырыхъ и обработанныхъ продуктовъ. Размѣръ земельного налога можно опредѣлить въ 40 милл. руб., доходъ морской таможни—45 милл. руб., соляной доходъ—20 милл. руб., что въ суммѣ равняется 105 милл. руб. Весь же доходъ имперіи опредѣляется въ 135 милл. рублей; такъ что главные статьи дохода составляютъ $\frac{105}{135} = \frac{7}{9}$ его части, т. е. гораздо болѣе половины. Только этими здравыми основаніями экономической организаціи Китая, только его вѣрными началами, которыя даютъ должно предпочтѣніе труду предъ капиталомъ, началами, которыя не только проповѣдуются въ теоріи, но соблюдаются на практикѣ и составляютъ даже культь китайскаго народа—нагляднымъ подтвержденіемъ чего служить ежегодно повторяющійся торжественный обрядъ хлѣбопашества, совершаемый самимъ бодыханомъ и обрядъ шелководства, совершаемый китайской императрицею—только ими, можно объяснить то чуждое намъ явленіе, что, несмотря на свою чрезмѣрную плотность и скученность населенія, Китай, тѣмъ не менѣе, не нуждается въ чужой помощи и находить средства вырабатывать себѣ самъ все необходимое для жизни. Такъ, ввозъ въ Китай жизненныхъ припасовъ и провизіи, напр.: риса, рыбы, трепангі, морской капусты, муки, ласточкиныхъ гнѣздъ, составляетъ незначительный процентъ всего ввоза и носить случайный, а не необходимый характеръ. Главными же предметами ввоза служать: хлощато-бумажные продукты и опіумъ. Такимъ образомъ, несмотря на сгущенность своего населенія, Китай можетъ прокормить себя самъ. То же нужно сказать и вообще обо всѣхъ продуктахъ, такъ какъ Китай больше вывозить своихъ товаровъ за границу, чѣмъ получаетъ изъ за границы; хотя стоимость вывоза оцѣнивается деньгами менѣе стоимости ввоза.

Это доказывается, что не Китай нуждается въ Европѣ, а, напротивъ, Европа въ Китаѣ: она забираетъ отъ него и девъги, и товары. Это вполнѣ согласуется съ тѣмъ фактамъ, что европейскія государства не могутъ про-

кормить себя сами, хотя плотность населенія ихъ гораздо меньше плотности населенія нѣкоторыхъ провинціи Китая, которая обходится, однако, безъ ввозныхъ продуктовъ; такъ какъ отсутствіе путей сообщенія и слабая централизація дѣлаетъ то, что часто даже голодный районъ не получаетъ зерна изъ сосѣдней мѣстности, гдѣ, благодаря урожаю, оказывается излишкомъ. Такъ, напр., въ провинціи Шандунъ на одинъ кв. километръ приходится 263 человѣка, тогда какъ въ самыхъ населенныхъ странахъ Европы: Бельгіи и Саксоніи приходится по 218 и 253 на кв. километръ. Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Уильямса и другихъ знатоковъ Китая, онъ могъ бы легко прокормить еще гораздо большее населеніе, если бы естественные богатства страны эксплуатировались рациональнымъ способомъ. Такимъ образомъ, правильность основныхъ началъ отражается и на удовлетворительномъ решеніи самой основной жизненной задачи каждого общества, т. е. прокормить себя и добыть себѣ всѣ необходимыя средства существованія собственнымъ трудомъ и изъ собственныхъ источниковъ. Только то общество можно признать организованнымъ нормально, которое можетъ существовать самостоятельно, безъ помощи другихъ, и средства существованія котораго увеличиваются вмѣстѣ съ ростомъ населенія.

Мы, конечно, не хотимъ выставить общественный строй Китая за идеальный образецъ, которому должна слѣдовать Европа. Мы признаемъ, что въ его строѣ существуетъ масса недостатковъ и рутины, которые чужды Европѣ. Но это обстоятельство только еще болѣе придаетъ вѣсу разбираемому нами вопросу. Среди косности, отсталости, ригоризма и дряхлости китайской цивилизациіи еще ярче выступаютъ тѣ главныя и основныя начала, которые даютъ ей даже и теперь нѣкоторое преимущество предъ Европою. Китай остается вѣренъ себѣ до конца. Какъ прежде, такъ и теперь она можетъ жить самостоятельною жизнью и не нуждается въ чужихъ рынкахъ, подобно Европѣ, которая для увеличенія своего благоденствія принуждена пользоваться чуждыми ей странами и высасывать, какъ паразитъ, изъ другихъ народовъ ихъ жизненныя силы для поддержанія собственного существованія. Не можетъ служить доказательствомъ нормальности европейской цивилизациіи и то обстоятельство, что всюду, гдѣ она соприкасается съ другими племенами и расами, стоящими на болѣе низкой степени развитія, замѣчается вырожденіе и вымирание этихъ расъ. Такъ, отъ прежде многочисленной американской расы уцѣлѣли только жалкие остатки и она теперь стоитъ на краю исчезновенія. Европейская цивилизациія подобно смертоносной заразѣ дѣйствуетъ на остальное человѣчество, несмотря на всѣ усилия многихъ благородныхъ европейцевъ предотвратить это пагубное влияніе ея и поднять низшія племена до своего уровня. Конечно, подобное явленіе не имѣло бы мѣста, если бы европейская цивилизациія была основана на естественныхъ, понятныхъ и свойственныхъ всему человѣчеству началахъ.

Весьма вѣроятно, что Европѣ, благодаря превосходству своихъ научныхъ знаній и военной техникѣ, удастся покорить Китай и выморить китайскую расу—подобно американской. Но несомнѣнно, однако, что китайская цивилизациія даже и теперь, благодаря правильности своихъ основъ,

имъетъ болѣе жизненности, чѣмъ европейская, и если падетъ раньше европейской, то не естественной своей смертью, а отъ меча послѣдней или отъ той заразы, которую Европа привѣтъ ей своимъ экономическо-финансовымъ строемъ. А это зараженіе уже начинается: Китай принужденъ вводить у себя военную европейскую организацію и уже считаетъ за собою болѣе 400 миллионовъ долга. Но если міровымъ событиямъ будетъ представлено свободное теченіе, если надъ ними не будетъ произведено внѣшняго насилия, и Европа не злоупотребитъ своимъ военнымъ преимуществомъ по отношенію къ Китаю, какъ это Англія сдѣлала по отношенію къ Трансваалю, то безъ сомнѣнія, что народъ-старецъ легко можетъ сдѣлаться свидѣтелемъ паденія еще одной пышной и блестящей цивилизациі.

Заключеніе.

Признаки этого паденія заключаются въ ней самой. Отдѣленіе религіи отъ нравственности и церкви отъ государства является слѣдствіемъ разстройства міровоззрѣнія и поворотомъ къ варварству, когда религія перестаетъ проводить въ жизнь нравственные понятія. Такъ, индусъ можетъ вести самую нечестивую жизнь, но жрецы за приношенія примираютъ его съ богами. Прогрессъ, разрушая преданность къ старинѣ и уваженіе къ обычаяу, тѣмъ самымъ создаетъ себѣ причину своего упадка. Разрушая вѣру предковъ и связанныя съ нею нравственные правила, онъ ставить на ихъ мѣсто свою собственную практическую нравственность, основанную на эгоистической борьбѣ за существованіе и, такимъ образомъ, возвращаетъ опять къ тому первобытному варварству, когда не существуетъ религіи.

Но человѣчество никогда не можетъ жить въ видѣ простой толпы личностей, занятыхъ каждой своимъ особымъ дѣломъ. Нѣкоторый идеаль нравственности извѣстенъ и практикуется среди самыхъ грубыхъ клановъ, безъ чего немыслимо даже самое примитивное общество. Даже дикии не могутъ жить, исключительно, правомъ сильнаго. Сильный дикарь не врывается въ хижину слабаго сосѣда, не завладѣваетъ ею, прогоняя хозяина.

Безъ нѣкотораго взаимнаго контроля, стоящаго выше простого права сильнаго, и доброжелательства, порождаемаго родствомъ, племя распалось бы; между тѣмъ дикія племена нераспадаются и существуютъ цѣлыя столѣтія.

Нравственные правила понижаются у лишенныхъ жизненныхъ удобствъ людей, которыхъ ежедневная борьба за существованіе слишкомъ сурова и ожесточаетъ ихъ чувства. Матеріальная нужда притупляетъ умственные способности человѣка и понижаетъ его до такихъ пошлыхъ возврѣній, которые извращаютъ высшій идеалъ и дѣлаются хуже самаго отсутствія всякаго понятія о нравственности.

Это движеніе неуклонно совершаются въ современномъ европейски-цивилизованномъ обществѣ и грозить разрушеніемъ его строя. Разрушение это также быстро можетъ совершиться, какъ и его возникновеніе. Никакія техническія изобрѣтенія не въ состояніи будутъ задержать паденія и люди сдѣлаются беспомощными жертвами ужасной катастрофы.

Американская цивилизация, какъ самая скороспѣлая изъ всѣхъ современныхъ, конечно, является и самой щаткою. Человѣчество еще не достаточно воспитано для высшихъ формъ общественной жизни, развиваемыхъ прогрессомъ; чѣмъ болѣе эти формы разнятся отъ нравственного состоянія индивидуумовъ, чѣмъ значительнѣе онъ превосходятъ ихъ силы, тѣмъ неустойчивѣе является цивилизациѣ и тѣмъ неизбѣжнѣе ея паденіе. Это-то разложеніе цивилизациї яснѣе всего выступаетъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Вся общественная жизнь ихъ обнаруживаетъ признаки наступающаго растлѣнія. Американцы оказались неподготовленными, путемъ долгаго нравственнаго воспитанія, къ столь рѣзкой перемѣнѣ общественной жизни. Они получили свою конституцію и вольности, точно внезапно свалившимися съ неба; и какія же послѣдствія оказались такого, повидимому на первый взглядъ, великаго благодѣянія? Совершенное растлѣніе нравовъ, коренная деморализациѣ народа! Гдѣ болѣе господствуетъ материализмъ? Гдѣ болѣе, съ такой ужасной наготой, проявляется проза жизни, безъ малѣйшаго старанія хотя бы замаскировать себя признакомъ чего-либо святого, хотя бы облечься въ болѣе привлекательныя, приличныя формы! Гдѣ большая погоня за долларомъ, какъ не въ Соединенныхъ Штатахъ! Уже и теперь умѣніе нажить деньги всякими правдами и неправдами считается тамъ величайшею добродѣтелью, заслуживающею общаго восхваленія. На всѣ общественные и должностные мѣста смотрятъ, какъ на средство обогащенія, что даетъ почву для усиленного развитія взяточничества и всякихъ подкуповъ. Правительственные лица подкуплены капиталистами; а среди колоссальныхъ богатствъ, дѣйствующихъ на ихъ владѣльцевъ растлѣвающимъ образомъ, нигдѣ не существуетъ столь ужасающей бѣдности, еще болѣе деморализирующей народъ. И вотъ, среди блестящихъ успѣховъ цивилизациї явственно уже видны симптомы вырожденія. Правда, прогрессъ еще не достигъ своего апогея; восхожденіе еще продолжается до кульминаціонной точки, но конецъ триумfalnаго пути уже виденъ безъ помощи телескопа; какъ увеличивающійся жаръ конца лѣта не вводить насъ въ заблужденіе относительно близкаго наступленія зимы, и не мѣшаетъ замѣчать уменьшеніе дня, такъ и эти вспышки потухающаго свѣтла цивилизациї не должны вводить въ пагубное заблужденіе о невозможности рокового исхода.

Но регрессъ и вырожденіе и являются, именно, слѣдствiemъ ослѣпле-
нія человѣческаго ума, когда онъ преутомляется избыткомъ знаній и уже
не въ состояніи болѣе воспринимать истины. Тогда мысли, понятія и по-
знанія спутываются въ невообразимый хаосъ, изъ котораго нѣтъ выхода,
и человѣкъ, наконецъ, приходитъ къ убѣждѣнію, что истины не существуетъ.
Тогда знанія пренебрегаются, всякія основанія нравственности и религіи
утрачиваются и открывается опять широкій просторъ для предразсудковъ,
лжеученій и дикаго суевѣрія. Тогда наступаетъ періодъ варварскаго не-
вѣжества.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	СТР.
Введеніе	1
Трудъ, капиталъ и земля	18
Противъ Мальтуса	31
Налогъ съ ренты	39

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Новыя Основанія Финансовой Системы	45
Преобладаніе капитала надъ трудомъ	52
Трудъ и капиталъ	61
Распредѣленіе	65
Возвышеніе заработной платы	68
Трудъ и мѣна	72
Рабочія корпораціи	73
Иго капиталистической промышленности	74
Кредитъ натурою	77
Акционерныя товарищества	78
Кустарничество	79
Кризисы	80
Дѣятельность банка	82
Средства отъ спекуляціи	83
Назначаніе банка	86
Преимущества новой финансовой системы	88
Кредитъ	94
Достоинство новой финансовой системы	104

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Выводы	106
Китайская цивилизациа	108
Заключеніе	117

